

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

М.С. Жмакин

СМЕРШ vs Абвер

**Секретные
операции
и легендарные
разведчики**

**РИПОД
КЛАССИК**

Москва, 2011

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ж77

Жмакин, М. С.

Ж77 Смерш vs Абвер. Секретные операции и легендарные разведчики / М. С. Жмакин. – М. : РИПОЛ классик, 2011. – 384 с. – (Противостояние).

ISBN 978-5-386-03731-4

Любое военное противостояние имеет явную и скрытую стороны. В этой книге рассказывается о невидимом фронте Великой Отечественной войны, о деятельности советской, немецкой разведок в предвоенные и военные годы, о разведывательных операциях советских служб, в частности о радиоиграх, приводятся краткие биографии некоторых известных советских разведчиков, а также описываются основные планируемые или совершенные покушения на лидеров СССР и Германии и результаты подробных мероприятий. На незаметном для посторонних глаз рубеже мужественно сражались конкретные личности, некоторые из которых для своей страны сделали больше, чем иные многочисленные вооруженные силы.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-386-03731-4

© ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2011

ВВЕДЕНИЕ

Без сомнения, разведчик — одна из самых древних профессий. Элементы разведывательной деятельности неизбежно проявлялись в поведении людей, как только они стали бороться за выживание и конкурировать с себе подобными в борьбе за природные ресурсы. Древние племена занимались «промышленным» шпионажем: добывали тайны разжигания огня, секреты изготовления каменного оружия, выделки шкур, нащупывали сильные и слабые стороны соседей. Разведка была и, безусловно, будет всегда, пока существует человечество.

Разведка — одна из тех сфер деятельности человека, которая полностью зависит от конкретных личностей, их способностей, навыков и знаний. Порой разведчиками являются по-настоящему талантливые люди, герои своего времени. А иногда это просто жалкие наемники. Слова «разведчик» и «шпион» сходны по смыслу, но все же они отличаются по эмоциональной окраске. Если первое вызывает уважение, то 2-е произносят с презрительной ноткой. Хотя по сути техника работы и цели при этом обычно одинаковы. По другому определению, разница существенна. Шпионы за деньги сотрудничают с иностранными ведомствами против своей страны. Разведчики же работают исключительно на свою страну в основном из чувства искреннего патриотизма. К тому же

разведчиками считают штатных сотрудников разведывательных организаций.

Значение разведки для победы в войне переоценить нельзя (как и забыть о критическом отношении к ней). В этом легко убедиться, если рассматривать Великую Отечественную войну с такой точки зрения.

Об истории разведки написано множество трудов как на Западе, так и в России. Большинство из них претендуют на научность, основываясь на документах. Однако и они не избегают фактических ошибок и неточностей, что вполне объяснимо, учитывая объемы и разнообразие исторического материала того периода. Поэтому читатель, составляющий собственное мнение по единственной книге, может легко впасть в заблуждение.

Раздел 1

**Деятельность
разведок
в предвоенные
и военные
годы**

ОБСТАНОВКА НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Вот уже несколько десятилетий многие историки высказывают предположение, что нападение Германии на СССР в июне 1941 г. не было таким уж неожиданным. Предполагается, что советское руководство обладало всей необходимой информацией о грядущем событии, включая точную дату начала наступления и направления ударов. Изучение исторических документов позволяет прояснить этот животрепещущий вопрос. О работе разведывательных органов Советского Союза известно далеко не так уж много, а отдельные вопросы до сих пор остаются тайной. Утверждается, что перед войной разведка была значительно ослаблена сталинскими репрессиями, но это не помешало ей получить ценные сведения об общих намерениях Германии и подготовке к войне с СССР. И. В. Сталин предпочел не полагаться на информацию от разведчиков, доверяя

А. Гитлеру и договору о ненападении, и хотел как можно дольше оттянуть войну. Поэтому он старался не провоцировать Германию.

Якобы именно по этой причине советское руководство не смогло правильно определить сроки предполагаемого вторжения, из-за чего и случилась трагедия 1941 г. При этом многоголосый хор исследователей дружно возлагает вину на Сталина, который не уделил столь важным донесениям достойного внимания. Думаем, что не все так однозначно. Лишь немногие задаются вопросом, а, собственно, почему он поступил именно так, как поступил. Ответ всегда определялся политической конъюнктурой. Так, при хрущевской «оттепели» во время осуществления мероприятий по развенчанию культа личности Сталина вина полностью возлагалась на него. При Л. И. Брежневе вспоминали о противоречивости разведданных, дезориентировавших верховного главнокомандующего. Удивительно то, что до сих пор многие аспекты общей истории советской разведки остаются в тени, тогда как многочисленные работы сосредоточены на отдельных разведчиках или эпизодах разведывательной деятельности.

Судя по официальным документам, за разведку в Советском Союзе отвечали как минимум 5 ведомств: Наркомат обороны (НКО), Наркомат внутренних дел (НКВД, с февраля 1941 г. — Наркомат государственной безопасности — НКГБ), Наркомат Военно-морского флота (НК ВМФ), Наркомат иностранных дел (НКВД) и Коминтерн. Датой осно-

вания военной разведки считается 1918 г. С 1939 г. она вошла 5-м управлением в Наркомат обороны. 26 июля 1940 г. военная разведка в качестве Разведуправления включена в состав Генштаба. Возглавил его генерал-лейтенант Ф. И. Голиков, являвшийся в то же время заместителем начальника Генштаба.

Организационные основы разведки НКВД, сформированной в 1920 г., за 19 лет несколько раз менялись. С лета 1939 г. она стала 5-м отделом Главного управления государственной безопасности НКВД под руководством П. М. Фитина. Отдел с февраля 1941 г. превратился в 1-е управление НКГБ. Разведкой на воде занималось 1-е управление НК ВМФ под руководством контрадмирала Н. И. Зуйкова, перед войной влившееся в структуру Главного Морского штаба.

Тема о существенном ослаблении разведки после репрессий 1937—1938 гг. весьма популярна, но недостаточно исследована. Высокопоставленный советский разведчик П. А. Судоплатов в своих мемуарах писал, что, несмотря на ощутимый вред, нанесенный разведке в результате ликвидации многих опытных кадров, связи с агентами по большей части не были потеряны, а в последующее время только расширились. В годы репрессий объемы поступающих разведанных резко уменьшились, но вскоре ситуация восстановилась. Правда, неизвестно, на каком уровне. Скорее всего, репрессии оказались наиболее разрушительными для судеб нелегальных агентов за рубе-

жом, многие из которых вынуждены были вернуться в Москву, где их и репрессировали. Что касается центрального разведывательного аппарата, то оценить последствия репрессий для него вряд ли получится, поскольку отсутствуют необходимые документы.

Большое значение имела радиоразведывательная работа. В 1930-е гг. при НКВД и НКО работало совместное подразделение радиоразведки, но осенью 1938 г. его расформировали. Специалисты по радиоразведке НКВД осуществляли перехват и дешифровку дипломатической документации иностранных посольств. В начале 1941 г. группа этих специалистов вошла в состав 5-го управления НКГБ, ответственного за дешифровальную деятельность. Ее внушительным достижением можно считать дешифровку японских дипломатических кодов.

В военной разведке еще до войны имелось соответствующее подразделение. Четыре радиодивизиона ОСНАЗ 4 октября 1939 г. вошли в состав Украинского фронта. Занимались они радиоперехватом на территории Южной Польши. Той же осенью в Литве на Белорусском фронте появился разведпункт 363-го радиодивизиона ОСНАЗ. Его задачами являлись радиоперехваты с территориями Восточной Пруссии и северо-востока от Варшавы. Аналогичными радиодивизионами комплектовались и другие приграничные округа, впоследствии ставшие соответствующими фронтами. Всего к началу войны насчитывалось 16 радиодивизионов ОСНАЗ. К тому же 6 радиодивизионов и радиополк имелись

при главном командовании. Про эти подразделения известно мало, поскольку документы об их деятельности не публиковались. Они занимались радиоперехватами, пеленгацией штабов войск противника, прослушиванием телефонных разговоров и созданием радиопомех в приграничной зоне. Руководство осуществлялось Разведуправлением, отделы которого имелись в каждом военном округе.

В последнее время имеющиеся исторические материалы подбираются исследователями несколько однобоко: разведка, мол, работала хорошо, руководство обладало всей информацией, но допустило войну. Таким образом всю вину пытаются переложить на Сталина, при этом сознательно забывая, что в момент получения данных ситуация не была однозначной. Судоплатов по этому поводу отмечал, что руководство ошиблось при оценке развединформации, однако прежде стоило бы разобраться с ее содержанием. Как раз с точки зрения фактической ценности и точности донесений серьезных исследований не проводилось, а избирательное изучение отдельных разведывательных материалов только искажает общую картину. К тому же бывало, что опубликованные исторические материалы противоречили реальности и друг другу. Чтобы сделать объективное заключение о предвоенной обстановке, необходимо оценить достоверность разведданных.

Довольно часто говорится о том, что Сталин знал о плане «Барбаросса» (вторжения в СССР) спустя всего неделю после утверждения его А. Гитле-

ром 18 декабря 1940 г. На самом деле все несколько сложнее. 29 декабря 1940 г. советский военный атташе в Берлине генерал-майор В. И. Тупиков общал в Москву о подготовке Германии к войне с СССР, которая начнется в марте 1941 г. Он настаивал на том, что информацию нужно дополнительно проверить. 4 января 1941 г. после проверки ранее полученные данные были подтверждены на основании некоего специального приказа Гитлера, которого источник сообщения лично не видел. Кроме того, план нападения переносился на более поздний срок — весну 1941 г.

Не умаляя значительных заслуг разведчиков, следует отметить неточность представленных данных, причем результаты проверки оказались дезинформацией. Приказ о подготовке к вооруженному конфликту с СССР появился в июне—июле 1940 г., тогда как в декабре Гитлер подписал стратегический план войны. В общем можно утверждать, что советская разведка предоставила руководству СССР информацию о каком-то решении, имеющем непосредственное отношение к Советскому Союзу, но подробностей узнать не удалось.

В период с июня 1940 по июнь 1941 г. военная разведка предоставила военному и политическому руководству СССР свыше 300 донесений. В них сохранилась информация об активной подготовке Германии к войне с Советским Союзом.

На основании имеющихся исторических документов нельзя сделать вывод о том, что советская разведка раскрыла политические и военные намерения германского командования. Данные о направлениях наступления были противоречивыми и порой недостоверными. Поскольку немцы собирались основной удар наносить через Белоруссию, то распространяли заведомо ложную информацию о предстоящем ударе по Украине или Прибалтике. Также разведка не знала о точном характере боевых действий. В умах советского командования преобладала мысль о предстоящей затяжной войне, но, как оказалось, Гитлер планировал блицкриг. Разведданные поддерживали именно ошибочную версию.

Основные задачи разведки перед войной заключались в получении сведений о военных приготовлениях Германии, стягивании войск к границам Советского Союза и количественной оценке вражеских группировок. В последнее время опубликованы материалы, по которым можно судить о результатах этой работы.

Прежде всего необходимо заметить, что все количественные данные о военном потенциале противника были существенно завышены. Например, разведка доносила, что к концу 1938 г. на вооружении у врага находились 7300 танков и 5160 самолетов. На деле же к 1 сентября 1939 г. у немцев имелись всего 3474 танка и 4288 самолетов. Взятая в качестве основы изначально завышенная информация далее еще больше увеличивалась: к октябрю 1939 г. авиация Германии «пополнилась» 340—400 само-

летами (в итоге — 5500—6000), которых реально к этому времени было 4756. Но при этом производственные мощности авиационной промышленности противника занижались: если в 1939 г. они предполагались на уровне 330—350 самолетов в месяц, то в действительности составили 690.

В марте 1940 г. были добыты новые сведения. На 1 сентября 1939 г. самолетов насчитали 13 900. Это число держалось до лета 1940 г., поскольку предполагалось, что промышленность ежемесячно восполняет потери в 600—700 самолетов. На самом деле к 1 мая 1940 г. самолетов у противника было более чем в 2 раза меньше (5895), зато промышленность в 1940 г. производила в среднем по 902 самолета в месяц. Оценки Разведуправления по темпам немецкого самолетостроения «сбылись» в 1943 г., а по танкам — в 1944 г.

Оценки немецких людских армейских ресурсов тоже оказались завышенными. Успешные военные кампании Германии в Европе и Скандинавии рассматривались как факторы, влияющие на оценку в сторону увеличения. Сводные данные представлены в таблице 1 (в скобках отмечено действительное положение).

Таблица 1

Оценка численности германских войск

Дата	Дивизии	Численность, тыс. чел.
1 марта 1940 г.	190 (116)	—
15 апреля 1940 г.	200 (123)	7000 (5367)

Окончание табл. 1

Дата	Дивизии	Численность, тыс. чел.
15 июня 1940 г.	235 (157)	8000 (5765)
1 октября 1940 г.	255 (156)	—
15 марта 1941 г.	265 (191)	8000 (6954)
31 мая 1941 г.	290 (206)	—

По состоянию на 1 марта 1941 г. вооруженные силы Германии оценивались в 8 000 000 человек, 12 000 танков, более 52 000 орудий, 20 700 самолетов. В реальности же эти цифры были меньше: численность боевого состава равнялась 6 954 000 человек, имелись 5008 танков, 33 189 орудий, 5259 самолетов.

Начиная с октября 1939 г., советская разведка сосредоточилась на выявлении немецких формирований около наших границ. Как выяснилось, после завершения активной фазы боевых операций в Польше германские войска повернули на запад. Поскольку разведданные о количественных оценках сил немцев на востоке осенью 1939 — зимой 1940 г. не публиковались, то оценить эффективность работы разведчиков не представляется возможным. В марте 1940 г. предполагалось, что в Польше и Восточной Пруссии находятся 32 дивизии немцев. На самом деле там располагались 10 дивизий. На конец мая 1940 г. определили 20 пехотных и 2 танковые дивизии, несмотря на то что реально были 7 пехотных дивизий. Разведданные верно свидетельствовали о фак-

те перемещения армейских частей с востока на запад, но количественная оценка была значительно завышена. То же самое и с последующей переброской войск с запада на восток к концу лета 1940 г. Указывались 30—40 дивизий, тогда как на самом деле их было только 15.

В представленных документах с донесениями разведки никаких опасений по поводу передислокации германских войск не наблюдается. Это объясняется еще и тем, что 9 июля 1940 г. германский военный атташе в Москве Э. Кёстринг сообщил о планируемых мероприятиях заместителю начальника Генерального штаба Красной армии.

В документах имеются несоответствия в разных оценках численности германских войск на востоке. Разведка Народного комиссариата внутренних дел докладывала, что к 16 июля 1940 г. у немцев были 40 пехотных и 2 танковые дивизии, тогда как Разведотдел штаба Западного особого военного округа (ЗапОВО) насчитал 28 пехотных дивизий. Через неделю разведывательный отдел штаба Киевского особого военного округа (КОВО) сообщал о 50 пехотных дивизиях, 2 танковых бригадах и 2 танковых полках, разведка Комиссариата внутренних дел — о 50 пехотных и 4 танковых дивизиях, а Разведотдел штаба Западного особого военного округа (ЗапОВО) — о 40 пехотных дивизиях и 5 танковых бригадах. В чем причина подобных разногласий и каково было их влияние на общую оценку немецкой группировки на востоке, так и не выяснено.

На тот момент немецкая армия на востоке добивалась оборонительных целей и в инженерном плане подготавливала местность к будущей войне. Советская разведка наблюдала за этой деятельностью, но не подавала никаких сигналов тревоги, так как предполагала, что защитные сооружения на территории восточнее Вислы устарели и частично разрушены в ходе Первой мировой войны. Поэтому действия немцев по укреплению защитных рубежей воспринимались вполне спокойно (табл. 2, 3).

Таблица 2

Общая численность немецких подразделений на границе с СССР

Дивизии \ Дата	23.07.40 г.	01.10.40 г.	01.11.40 г.
Пехотные	50 (22)	70 (25)	78 (25)
Танковые	1 (0)	8 (3)	5 (6)
Моторизованные	0 (0)	5 (1)	5 (0)
Кавалерийские	0 (0)	6 (1)	0 (1)
Всего	51 (22)	89 (30)	88 (32)

Дивизии \ Дата	04.04.41 г.	15.05.41 г.	01.06.41 г.
Пехотные	70 (43)	93 (66)	94 (79)
Танковые	7 (3)	13 (3)	14 (3)
Моторизованные	6 (0)	12 (1)	13 (1)
Кавалерийские	0 (1)	1 (1)	1 (1)
Всего	84 (47)	119 (71)	122 (84)

Таблица 3

Общая численность немецких подразделений по направлениям

Дата	Дивизии				
	Пехотные	Танковые	Моторизованные	Кавалерийские	Всего
Группа армий «Север»					
01.10.40 г.	17 (6)	3 (2)	2 (0)	2 (0)	24 (8)
01.11.40 г.	16 (6)	0 (2)	0 (0)	0 (0)	16 (8)
15.05.41 г.	19 (15)	2 (2)	3 (0)	0 (0)	24 (17)
01.06.41 г.	19 (19)	2 (2)	3 (0)	0 (0)	24 (21)
Группа армий «Центр»					
1.10.40 г.	23 (9)	2 (2)	1 (1)	2 (1)	28 (13)
1.11.40 г.	34 (8)	2 (0)	1 (0)	0 (1)	37 (9)
15.05.41 г.	24 (27)	4 (1)	1 (1)	1 (1)	30 (30)
1.06.41 г.	24 (32)	4 (1)	1 (1)	1 (1)	30 (35)
Группа армий «Юг»					
1.10.40	24 (10)	3 (1)	2 (1)	1 (0)	30 (12)
1.11.40	28 (11)	3 (2)	4 (0)	0 (0)	35 (13)
15.05.41	35 (22)	7 (0)	8 (0)	0 (0)	50 (22)
1.06.41	36 (28)	8 (0)	9 (0)	0 (0)	53 (28)

6 ноября 1940 г. разведка Комиссариата внутренних дел сообщила, что с начала октября количество немецких войск у границ Советского Союза уменьшилось, поскольку некоторые части были переброшены в Румынию, Венгрию и Словакию. Ана-

логичное заключение выдала разведка штаба КОВО. О данных в период с ноября 1940 по март 1941 г. известно крайне мало. К тому же нет возможности сравнить их с реальным положением вещей. С апреля 1941 г. до начала войны информация есть.

Увеличение немцами восточной группировки на 6 пехотных и 3 танковые дивизии советская разведка выявила в феврале—марте 1941 г. В действительности прибавились 7 пехотных дивизий, а общее их количество к марту составило 33. В середине апреля Разведуправление сообщило о пополнении группировки в Восточной Пруссии и Польше 3 пехотными и 2 моторизованными дивизиями. В результате общее количество дивизий возросло до 78. И опять разведка, определив факт переброски, ошиблась в подробностях. Всего дивизий было 52. Разведка зафиксировала на востоке с начала года (январь—апрель) прибытие 6995 вагонов боеприпасов и 993 вагонов горючего.

Советская разведка переоценивала возможности противника. Немцы же, напротив, недооценивали советский потенциал. В первый год войны высветились 3 неприятных момента, противоречившие данным немецкой разведки: недооценка ею численности советских войск, эффективности их зенитной артиллерии, возможностей быстрого восстановления сил после разгромных кампаний лета 1941 г.

Выводы, которые делало Разведуправление на основе сведений о перегруппировке немецких войск в конце апреля — начале мая 1941 г., в принципе, соответствовали реальности. Так, 5 мая сообщалось, что суть передислокаций германских войск заключается в усилении группировки против СССР вдоль его западной и юго-западной границ, в том числе в Румынии и Финляндии, в развитии успеха африканской кампании против Великобритании, поддержке нацистского военного контингента в Скандинавии, чтобы при необходимости выступить с территории Норвегии против Великобритании, Швеции и Советского Союза.

По состоянию на 25 апреля в восточной группировке немцев советская разведка насчитала 95—100 дивизий, а через десять дней — 103—107. Отмечая усиление войск, Разведуправление прежде всего ожидало активной деятельности Германии на Ближнем Востоке, а не вторжения в СССР. Разведка докладывала, что у Германии имеются примерно 9 парашютно-десантных дивизий. Однако это была нацистская дезинформация с целью убедить СССР в намерении использовать авиацию против Англии. На самом деле немецкая группировка была укомплектована только 1 воздушно-десантной и 1 пехотной (авиапосадочной) дивизиями. Впрочем, главный вывод Разведуправления оставался верным: Германия продолжает наращивать силы на границе с Советским Союзом.

К 1 июня 1941 г. Разведуправление подытоживает: переброска германских войск по большей части

закончена, против Советского Союза выставлены 120—122 дивизии при 44—48 запасных в самой Германии, 122—126 развернуты против Великобритании. Предполагалось, что у границ Советского Союза находятся штабы 2 групп армий и 6 армий, что было не совсем правильно. В действительности штабов групп армий было 3, штабов армий — 7, а штабов танковых групп — 3. 4 июня это сообщение оказалось в производстве, а 23 июня было подписано в печать в канцелярии. Приблизительное совпадение предполагаемой и фактической численности немецких войск обнаружилось только 21 июня, когда Германия выделила соответствующую группировку для вторжения: 3 группы армий, 7 армий и 4 танковые группы — 123 дивизии, 2 бригады и 1 пехотный полк, а также 4 дивизии в Северной Норвегии.

К тому же имеются довольно показательные документы советского военного планирования, в которых оценивалась предполагаемая численность немецких войск для войны с Советским Союзом. Например, в июле и сентябре 1940 г. отмечалось, что Германия выдвинет около 173 дивизий, потом в марте 1941 г. эта оценка увеличилась до 200 дивизий, а в мае упала до 180. В любом случае подобные расчеты оказались слишком завышенными, поэтому на их основе делался неверный вывод о том, что подготовка к войне продлится еще долго. Разведуправление подсчитало, что против СССР были сосредоточены 41,6 % немецких дивизий, что на 1 % меньше, чем даже против Великобритании. На основе этой

информации нельзя было говорить о завершении подготовительного этапа. В действительности же по состоянию на 21 июня против Советского Союза сосредоточились 62 % дивизий вермахта.

В результате советская разведка не смогла сообщить руководству страны достоверную информацию о составе немецких вооруженных сил и их восточной группировке, что затруднило адекватную оценку угрозы стране.

В разведке наших западных приграничных военных округов перед войной остро не хватало подготовленных кадров, к работе приходилось привлекать местных жителей, не имевших доступа к важной информации, чьи сообщения доходили до адресата с опозданием, поскольку отправлялись с курьерами. К тому же агентов не готовили к работе в условиях войны и диверсиям, ведь считалось, что она будет проходить на чужой территории. Немецкой контрразведке удалось максимально ограничить утечку информации путем жесткого контроля на границе.

С советской стороны воздушную разведку вели 10 разведывательных авиapolков в составе 157 машин. Эффективность этого вида разведки была невысока из-за нехватки фотоаппаратуры и квалифицированных кадров. Лишь в мае 1941 г. было запланировано к середине лета пополнить авиapolки специалистами и самолетами. Отдача от войсковой и радиоразведки без опытных профессионалов была незначительной. Агентурная разведка пограничных войск только с 24 мая 1941 г. целенаправленно заработа-

ла по отслеживанию подготовки Германии к войне против Советского Союза. Взаимодействие между различными видами разведки и ведомствами наряду со взаимным обменом информацией было организовано слабо. Так как агенты в штабы врага внедрены не были, то планы Германии оставались неизвестными. Дошло до того, что Советы ничего не узнали даже тогда, когда 18 июня немецкое военное начальство поставило в известность о грядущем нападении командный состав каждой роты. Эффективность приграничной разведки была низкой, а сведения противоречивыми. Из-за чего вышестоящее командование не смогло ясно увидеть всю ситуацию в целом и сделать соответствующие выводы. Нередко штабы округов вообще ничего не знали про группировки немцев, поэтому имело место то, что случилось во время внезапного вторжения.

Несмотря на то что в целом сведения, передававшиеся разведотделами штабов приграничных округов, были правильными, из-за их противоречивости и неорганизованности взаимодействия разведслужб вышестоящие штабы плохо представляли общую картину. Например, разведотдел штаба Прибалтийского особого военного округа 21 июня 1941 г. сообщал, что идет сосредоточение германских войск у границы СССР и в районах Восточной Пруссии. По информации разведотдела штаба ЗапОВО от того же числа вражеская группировка определялась в 45—46 дивизий. Отмечалось, что противник в полосе против ЗапОВО занял исходное

положение и по всем направлениям идет увеличение сил и средств. Разведотдел штаба КОВО днем раньше свидетельствовал, что перемещение немецких войск к границе Советского Союза подтверждается разными источниками.

Однако неправильные оценки противника привели к известным результатам, что хорошо видно по безуспешным боевым действиям Юго-Западного и Южного фронтов, силы которых превосходили немецкие группировки на этих направлениях. То, что немцы скапливают силы у границы, разведка Юго-Западного фронта заметила, а вот определить основную группировку не смогла, поэтому боевые действия проходили неудачно. Кроме того, не получилось точно установить общую численность вражеского контингента, что не позволило правильно оценить потенциальную опасность. Для Южного фронта последствия недостоверных разведывательных данных оказались еще хуже. По состоянию на 2 июля 1941 г. количество немецких войск оценивали в 9—10 дивизий, тогда как на самом деле там были 5 пехотных дивизий и 5 бригад. Число ожидаемых танков противника вообще определялось запредельным (900—960) по сравнению с действительностью (60). В итоге вывод о направлении удара противника оказался неверным, а завышенная оценка вражеских сил привела к логичному решению об отводе советских войск к Днестру. В довольно низкой эффективности действий Южного фронта оказалась виновата именно разведка, больше искажавшая реальную картину, чем прояснявшая ее.

Многие авторы в подтверждение того, что советское руководство заранее знало о вторжении, приводят информацию источников Старшины и Корси канца. Из Берлина они сообщили советской разведке исчерпывающие и достоверные сведения о военных приготовлениях Германии. В этих донесениях много интересных и ценных деталей. Однако люди, выступавшие в роли источников, не имели доступа к секретным документам: их информация была противоречивой в отношении главного вопроса — срока нападения. По этой причине и прочая информация воспринималась критически.

Тема о том, предоставила ли советская разведка все необходимые сведения высшему руководству страны, которое по каким-то причинам не вняло предупреждениям, — наиболее дискуссионна. На протяжении многих десятилетий об нее сломало копий немало историков, бывших и действительных сотрудников разведывательных структур.

В донесении от 20 марта 1941 г. Старшина указывал на факт подготовки Германии к войне с Советским Союзом, но тут же отмечал, что шансы реального вторжения составляют 50/50 или оно вообще окажется блефом. Источники предполагали, что 14 апреля 1941 г. после поражения Югославии и Греции Германия выставит ультиматум Советскому Союзу. 24 апреля сообщили, что немцы переориен-

тировались с СССР на Ближний Восток. 30 апреля доносили, что война начнется точно с СССР. 1 мая появились данные о предстоящем ультиматуме немецкого руководства, которое хотело развязать себе руки для операций на Ближнем Востоке. 11 мая сообщалось, что перед ультиматумом Германия постарается деморализовать СССР с помощью «войны нервов». 14 мая выяснилось, что нападение на СССР отложено. 9 июня новость об ультиматуме снова всплыла, как и о решении отложить нападение на Советы до середины месяца. Но уже 11 июня пришло донесение, что решение принято, а 16 июня Германия якобы оказалась полностью готовой к нападению. На такую чехарду мнений Сталин наложил весьма раздраженную резолюцию, посоветовав наркомун госбезопасности В. Н. Меркулову послать источника подальше (в нецензурных выражениях) и назвав его не источником, а дезинформатором. Сегодня уже можно уверенно сказать, что в последних сообщениях от 11 июня и 16 июня 1941 г. была самая важная информация, но тогда эти сообщения с учетом их предыдущей противоречивости не выглядели убедительно.

Более того, в сводках разведки НКГБ до самого немецкого вторжения отсутствовали выводы о непосредственной угрозе войны. Подобно военной разведке разведка НКГБ правильно определила то, что Германия наращивает силы, но цели этого оставались неизвестными.

Здесь нужно отдать должное эффективности немецкой контрразведки, которая по распоряжению

командования всячески старалась скрыть военные приготовления на востоке, для чего осуществлялась постоянная и целенаправленная дезинформация по всем доступным каналам. Например, 6 сентября 1940 г. немецкой контрразведке и разведке предписывалось действовать так, чтобы убедить Россию в наличии на востоке сильных группировок Германии и соответственно маскировать реальное количество войск. Перед ними ставились задачи при любой возможности распространять слухи об активной замене армейских частей, формировать иллюзию направления главного удара на юг и малой концентрации войск на севере, а также завышенного количества и лучшего состояния войсковых соединений, особенно танковых. 15 февраля 1941 г. появилась директива немецкого руководства, в соответствии с которой общественное мнение до апреля следовало держать в неведении относительно реальных планов Германии. Основным способом дезинформации являлось акцентирование внимания на предполагаемом вторжении в Англию, а также на незначительных операциях.

12 мая 1941 г. начался 2-й этап дезинформирования, а 22 мая интенсивность перемещения эшелонов на восток увеличилась. Все это преподносилось как маневр для прикрытия нападения на Англию. Немцы тщательно следили за тем, чтобы в войсках раньше времени не узнали о реальных намерениях руководства. Был запущен слух о переброске войск на запад. Причем деятельность немцев на Балканах,

захват Крита, победоносное шествие танкового корпуса Э. Роммеля в Ливии, активизация агентов в Ираке, Сирии и Иране служили вполне убедительным доказательством захватнических планов Германии в отношении Ближнего Востока. На Западе в этом никто не сомневался. Тем более англичане, которые напряженно гадали, когда и откуда британские войска в этом регионе подвергнутся нападению. Руководители западных стран считали, что Германия по крайней мере в 1-й половине 1941 г. не нападет на СССР. Политическое руководство Советского Союза также попало на удочку немецкой дезинформации. Основная ответственность за это лежит на советской разведке, не сумевшей до конца и со всей определенностью распознать реальные намерения Германии (вину с политического руководства никто не снимает, однако строго в контексте темы этой главы следует заметить, что политики по роду своей деятельности обычно не обладают профессиональными навыками анализа информации, а тем более — оценки ее достоверности). Впрочем, ни одна разведка мира не смогла этого сделать.

Германия любыми способами старалась распространить версию, что вооруженный конфликт с Советами для нее — крайнее средство. Первоочередными провозглашались ультимативные переговоры. По этой причине сведения об ультиматуме с апреля 1941 г. имелись в большинстве разведывательных донесений, шедших из разных стран и источников. В политических и разведывательных кругах Советского Союза

ходили многочисленные слухи об ожидаемых или уже происходящих переговорах 2 стран. СССР даже пытался их инициировать во 2-й половине июня.

Советское руководство прекрасно знало о неизбежности войны с Германией, однако считало, что ее начало будет связано с результатами советско-германских переговоров и с окончанием англо-германской войны. Из донесений разведки следовало, что Германия отправится в поход на восток только после решения английского вопроса либо разгромом, либо заключением мира и что она не станет воевать на 2 фронта. В последнее совершенно определенно не верил и Сталин.

В такой ситуации советская разведка особенно активно интересовалась возможными контактами Германии с Англией и США. Серьезной опасностью была возможность англо-германского сговора. К тому же на то были все основания. Например, весьма подозрительно выглядел полет заместителя фюрера по партии Р. Гесса на самолете в Англию в мае 1941 г. По мнению разведчиков, это как раз могло быть попыткой сговора, хотя Англия старалась держать все в секрете. Скорее всего, таким образом она пыталась давить на СССР, чтобы вовлечь его в войну с Германией.

В двадцатых числах мая 1941 г. разведка сообщала, что переговоры с Гессом продолжаются. С другой стороны, по информации английской резидентуры, новая попытка англо-германского сговора провалилась. Принимая во внимание подобные противоречивые данные и будучи уверенным в том,

что Германия не нападет на СССР, пока не устраним потенциальную угрозу с северо-запада, Сталин, вероятно, уже не обращал внимания на «предупреждения». До сих пор не до конца понятно, насколько подробно советское руководство было осведомлено о миссии Гесса. Как бы там ни было министр иностранных дел В. М. Молотов считал, что из-за его полета и угрозы англо-германского альянса советские военные наступательные приготовления затормозились.

Исследование немецких военных архивов позволяет прояснить любопытные моменты, связанные с деятельностью советской разведки по дезинформации Германии. В первую очередь это целенаправленная демонстрация советского миролюбия и готовности ко взаимовыгодным экономическим связям. Для объяснения военных приготовлений до немецкого руководства была доведена версия о расколе, существующем между политическим и военным руководством СССР по поводу отношений с Германией. Якобы под давлением военных Сталин вынужден предпринимать определенные военные действия. Для того чтобы часть немецких войск отошла из Южной Польши, пускался слух о концентрации главных группировок советской армии против Восточной Пруссии. Советский Союз тоже пытался дезинформировать врага неверными и устаревшими военными планами. Кроме того, Германии внушали мысль, что сосредоточение ею своих войск в Восточной Европе вызывает в советском обществе и руководстве антигерманские настроения,

тогда как Сталин позиционировался как прогерманский лидер.

Весной 1941 г. запускались предупреждающие слухи о подготовке советских военно-воздушных сил к налетам на Берлин в случае нападения Германии, о возможном использовании химического и бактериологического оружия. Чтобы склонить Германию к переговорам, всячески подчеркивалась опасность войны с Советским Союзом, тем более на 2 фронта.

Как отмечал ветеран советской разведки генерал-лейтенант М. А. Мильштейн, «главная трудность нашей разведки состояла не в том, чтобы добывать информацию, а в том, чтобы в нее поверило политическое и военное руководство».

К сожалению, советская дезинформация была не слишком действенной из-за того, что до Гитлера обычно доходили только сведения, соответствующие его представлениям о Советском Союзе как о «колоссе на глиняных ногах». Поэтому немецкое руководство рассчитывало на быстрые победы и никак не предполагало, что поход на восток окажется столь трудным. Деятельность по дезинформации противника советской разведке особенно удалась по части введения его в заблуждение относительно реального количества наших вооруженных соединений. Сводные таблицы по этому вопросу представлены ниже, цифры в скобках — фактическая численность (табл. 4, 5).

Таблица 4

Оценка численности Красной армии

Дивизии	По состоянию на 15 января 1941 г.		По состоянию на 11 июня 1941 г.	
	Всего	Западная часть	Всего	Западная часть
Стрелковые	150 (179)	100 (127)	175 (198)	150 (113)
Танковые	0 (20)	0 (16)	7 (61)	7 (44)
Моторизованные	0 (9)	0 (8)	0 (31)	0 (22)
Кавалерийские	32 (20)	25 (10)	33,5 (13)	25,5 (7)
Всего	182 (228)	125 (161)	215,5 (303)	182,5 (186)
Танковые бригады	46 (48)	30 (32)	43 (0)	38 (0)

Таблица 5

Оценка дислокации советских войск по направлениям

Дивизии \ Дата	ПрибОВО		ЗапОВО	
	15.01.41	21.06.41	15.01.41	21.06.41
Стрелковые	14 (20)	29 (19)	20 (24)	33 (24)
Танковые	0 (2)	2 (4)	0 (2)	1 (12)
Моторизованные	0 (1)	0 (2)	0 (1)	0 (6)
Кавалерийские	2 (0)	0 (0)	5 (3)	8 (2)
Всего	16 (23)	31 (25)	25 (30)	42 (44)
Танковые бригады	6 (6)	7 (0)	7 (8)	10 (0)

Окончание табл. 5

Дивизии	КОВО и ОдВО*	
	Дата	
	15.01.41	21.06.41
Стрелковые	37 (34)	56 (45)
Танковые	0 (8)	5 (20)
Моторизованные	0 (4)	0 (10)
Кавалерийские	11 (5)	11 (5)
Всего	48 (51)	72 (80)
Танковые бригады	13 (11)	15 (0)

* ОдВО — Одесский военный округ

Советские органы разведки и контрразведки, помимо дезинформирования предполагаемого врага активно готовились к деятельности в обстановке надвигающейся войны. 18 апреля 1941 г. появилось указание резидентурам в Европе перейти на работу по условиям военного времени. Такое же распоряжение направила по своей линии военная разведка.

Предполагалось пополнение профессионалами резидентур в Польше и Германии и оснащение их новой радиотехникой. В мае—июне 1941 г. по договоренности с эмигрантским чехословацким правительством была налажена координация разведывательной деятельности, сформированы чехословацкие соединения в Советском Союзе для проведения диверсионной деятельности на территории Чехословакии. Из Берлина были эвакуированы дети советских дипломатических сотрудников. 16 июня 1941 г.,

как раз когда пришло донесение о готовности Германии к войне с СССР, которому Сталин не поверил, при наркоме внутренних дел образовали специальную группу под руководством П. А. Судоплатова для осуществления разведывательно-диверсионных операций в тылу врага. Перед группой была поставлена задача: с 1 июля при необходимости приступить к ликвидации вражеских складов с горючим, расположенных вдоль советских границ.

Что касается даты начала войны, то советская разведка сработала даже слишком хорошо, обеспечив политическое руководство страны множеством разных дат, но выбрать из них правильную оказалось не такой уж простой задачей. По словам Судоплатова, до начала войны в разведках НКВД и Генштаба отсутствовали отделы обработки и анализа поступающей информации. Их сформировали позднее. На наш взгляд, это не совсем соответствует действительности. В Главном управлении государственной безопасности было информационно-аналитическое отделение 5-го отдела, возглавляемое М. А. Алахвердовым. Да и в Разведуправлении имелся информационный отдел, поставлявший начальству записки, отправляемые далее руководству страны и армии. Только вот качество работы аналитических структур было довольно низким, и, по утверждению известного журналиста и историка Л. А. Безыменского, разведка нередко обесценивала добытую информацию, передавая ее Сталину без анализа. Возможно, здесь сыграла свою роль некоторая атмосфера деспотизма,

при которой любые мало-мальски важные выводы предоставлялось делать вождю.

Сотрудники Мосгорархива в 1995 г. составили сборник документов «Секреты Гитлера на столе у Сталина». По их мнению, поступавшие разведданные действительно говорили о том, что Германия предпринимает полномасштабную подготовку к нападению на СССР. Далее составители признают, что анализ поступавшей информации сделан не был, так же как и выводы. Поэтому отсутствие обобщающих заключений является недостатком работы разведки. Резюмируется, что «будучи доложенной руководству страны в разобранном виде, информация о военных приготовлениях не создавала убедительной целостной картины происходящих событий, не отвечала на главный вопрос: с какой целью эти приготовления осуществляются, принято ли правителями Германии политическое решение о нападении, когда следует ожидать агрессии, каковы будут стратегические и тактические цели ведения противником военных действий».

В своих воспоминаниях маршал СССР Г. К. Жуков писал: «С первых послевоенных лет и по настоящее время кое-где в печати бытует версия о том, что накануне войны нам якобы был известен план «Барбаросса», направление главных ударов, ширина фронта развертывания немецких войск, их количество и оснащенность... Позволю со всей ответственностью заявить, что это чистый вымысел...»

Советская разведка не сумела опереться в своих изысканиях ни на 1 серьезный документ о планах Германии на востоке. То есть источники, «свои люди», в военно-политическом руководстве противника имелись, но доступа к документам немецкого командования не было. В связи с чем большинство сведений основывалось на слухах, в которых отражались перемены «настроения» Германии в отношении Советского Союза. Естественно, это не могло не повлиять на адекватность оценок, данных советским руководством по поводу предвоенной ситуации в целом. Справедливости ради надо сказать, что ни одна из разведок мира и никакое правительство не догадывались об истинных намерениях Германии в июне 1941 г. Наверное, больше всех знала британская разведка, поскольку обладала системой дешифровки некоторых немецких военных шифров, хотя тоже лишь частично. Такая ситуация сложилась благодаря изощренным мероприятиям контрразведки Германии по сохранению секретности и дезинформации всего и вся.

Разведчик В. А. Кирпиченко писал: «...Разведка в предвоенный период свой долг выполнила. Она использовала все имевшиеся сведения о приготовлениях Германии к войне. Была масса неопровержимых материалов из очень солидных источников. То, что им не было придано должного значения, — это уже от разведки не зависело». Далее по тексту он соглашается с тем, что разведка наряду с достоверной информацией предоставляла и дезинформацию

(опять всплывает проблема оценки и анализа поступившей информации).

В начале 2010 г. Служба внешней разведки РФ опубликовала материалы о Вилли Тельмане, советском агенте, работавшем в гестапо под псевдонимом Брайтенбах А/201. Считается, что именно этот разведчик послужил прототипом Штирлица. Через своего связного в Берлине он 19 июня 1941 г. предупредил высшее руководство СССР о начале войны, назвав точную дату и время. По-видимому, и это сообщение затерялось среди множества других.

Каналов получения необходимых сведений имелось достаточно, поэтому кажется, что информированность советского руководства должна была быть на высоком уровне. Почему-то этого не произошло. В качестве причины наиболее логичным выглядит плохая координация работы разведывательных структур и практическое отсутствие централизованного анализа поступающей информации. Разведки частенько даже соперничали между собой.

Подытоживая, можно констатировать следующее. Судя по историческим материалам, разведка выполняла свою работу достаточно профессионально и действительно предоставила всю необходимую информацию руководству страны. Однако однозначных убедительных выводов по поводу намерений Германии перед войной сделано не было. Винить спецслужбы в этом вряд ли возможно, поскольку в сходной ситуации оказались тогда разведки всех развитых стран. Можно сказать, что развед-

чики добыли максимально возможную информацию, оказавшуюся чрезмерно противоречивой из-за успешной дезинформирующей деятельности Германии. Слабый аналитический аппарат разведывательных ведомств не позволил вычленить из всех сведений главное. Советское руководство оказалось дезориентировано. Конечно, это не снимает с властей ответственности за то, что не смогли создать более эффективный механизм получения и обработки разведывательной информации, но это уже совершенно другая тема.

Там же, где имелся доступ к правительственным документам (Англия, США, Япония), удалось добиться впечатляющих результатов. Советская контрразведка сработала достаточно эффективно, скрывая от Германии как фактический состав вооруженных сил СССР, так и осуществление значительной части предвоенных мероприятий. К сожалению, результаты дезинформации, распространявшейся советской разведкой, оказались намного скромнее, чем у их немецких коллег.

СОВЕТСКАЯ РАЗВЕДКА В ГОДЫ ВОЙНЫ

22 июня 1941 г. с вероломного нападения нацистской Германии на Советский Союз началась Великая Отечественная война. В новых условиях военного времени от советской разведки потребовалась серьезная реорганизация своей деятельности. Подготовиться к этому в полной мере перед войной центральному аппарату разведки не удалось. Например, предполагалось, что против Германии и ее вольных и невольных союзников в случае войны можно будет вести борьбу с территорией Франции, Бельгии, Голландии и других соседних стран. По определенным причинам это оказалось невозможным.

Для осуществления взаимодействия всех разведывательных органов Советского Союза имелся Координационный совет по разведке, который 29 мая 1941 г. принял инструкцию о взаимодействии в мирное время. Военное время было решено обсудить позднее.

Поскольку организовать разведывательную работу в Германии и оккупированных странах не удалось, то 18 июля 1941 г. ЦК ВКП (б) выносит постановление «Об организации борьбы в тылу германских войск». В нем провозглашались первоочередные задачи внешней разведки: установление военно-политических планов противника и его союзников, формирование особых разведывательно-диверсионных отрядов. Были поставлены цели по выяснению подлинных планов и намерений США и Великобритании по поводу текущей войны и политического устройства после ее завершения. Для недопущения их присоединения к странам нацистского блока разведка должна была осуществляться и в нейтральных странах. Наряду с этим для укрепления военного и экономического потенциала Советского Союза должна была вестись научно-техническая разведка.

Достижению поставленных целей обязано было способствовать усиление разведывательных подразделений органов госбезопасности. Главным из них являлось 1-е управление НКГБ, состоявшее в начале войны из 10 отделов и 2 групп.

В военное время по состоянию на август 1941 г. структура внешней разведки включала:

- руководство разведки, секретариат;
- центрально-европейский отдел: немецкое, польское, чехословацкое, венгерское, украинское отделения;
- балканский отдел: болгарское, румынское, югославское, греческое отделения;

- западно-европейский отдел: французское, бельгийское, итальянское, швейцарское, португальское отделения;
- скандинавский отдел: финляндское, шведское, норвежское, датское, голландское отделения;
- англо-американский отдел: отделение по Соединенным Штатам Америки, английское, канадское, южно-американское и отделение научно-технической разведки;
- 1-й дальневосточный отдел: японское, маньчжурское, корейское отделения;
- 2-й дальневосточный отдел: китайское, тайландское, синцзянское отделения;
- средневосточный отдел: отделение по Ирану и остальным арабским странам, а также по Афганистану и Индии;
- отдел совколоний.

На протяжении Великой Отечественной войны во главе внешней разведки органов госбезопасности стоял П. М. Фитин, которому позднее присвоили звание генерал-лейтенанта. Первое управление НКВД—КГБ СССР ведало разведкой на территории иностранных государств. Для организации партизанского движения на временно занятой врагом территории, определения военных планов немецкого командования на фронте и диверсионной активности противника в январе 1941 г. было сформировано 4-е управление НКВД. Возглавил его генерал-лейтенант П. А. Судоплатов. Разведывательной-диверсионная работа в тылу немцев поручалась

Отдельной мотострелковой бригаде особого назначения под руководством В. В. Гриднева. Кроме того, разведывательной деятельностью в тылу противника занимались партизанские отряды и резидентуры в оккупированных населенных пунктах.

С началом войны на первый план стала выходить нелегальная резидентура. К началу 1944 г. в европейских государствах функционировали 97 нелегальных разведчиков, включая 10 немцев. Всего в 27 странах находилось до 190 агентов. Особенно ценными были разведчики под псевдонимами Ян, Десяток, Шустрый.

До войны источники разведданных для органов госбезопасности находились во всех ключевых европейских государствах, в том числе и в Германии. Это, например, Корсиканец, Старшина, Старик из знаменитой «Красной капеллы» (автономные группы Сопrotивления и разведывательных сетей), служивший в гестапо Брайтенбах (Вилли Леман), китайский Друг (военный советник президента Китая Чан Кайши), Августа (супруга высокопоставленного сотрудника германского МИД) и другие члены иностранных резидентур. Но с началом войны контакты с ними прервались. Советская разведка рассчитывала связаться с агентами по радию из Бреста. Однако немцы в первые дни вторжения захватили Брест, Минск и прочие белорусские города. Сложилась ситуация,

которая стала серьезным просчетом нашей внешней разведки, ведь приходилось формировать специальные разведгруппы для засылки в Германию и другие занятые ею страны, чтобы возобновить потерянные контакты с агентурой. Впрочем, надо сразу оговориться, что подобные попытки, как правило, заканчивались провалом. Руководство внешней разведки вынуждено было полагаться на работу легальных резидентур в странах, не находившихся под контролем Германии.

Важнейшей задачей внешней разведки, особенно в начале войны, было пристальное наблюдение за Японией, которая могла решиться на агрессивные шаги в отношении нашего Дальнего Востока. В этом случае Советскому Союзу пришлось бы воевать на 2 фронта. В этом вопросе помогла информация из Лондона, в которой сообщалось о соответствующей правительственной переписке Британии с Германией, и от резидентур НКВД в Японии и Китае. В результате к концу 1941 г., опираясь на донесения разведок, можно было сделать вывод, что милитаристские планы Японии связаны с «теплыми морями», в частности с захватом колоний Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Франции. Благодаря этим данным Сталин вовремя отозвал с Дальнего Востока подкрепления, что способствовало победе в битве за Москву. Но опасность нападения Японии на Советский Союз сохранялась вплоть до 1943 г. После наших побед в сражениях под Курском и Белгородом Япония окончательно отказалась от военного конфликта с СССР.

В начале войны полезные сведения сообщали резидентуры из Турции, Болгарии, Китая, США, Ирана, Великобритании, Швеции, Афганистана, Японии. Причем из последней шла основная информация, касающаяся нацистской Германии. На протяжении долгих лет войны были организованы резидентуры в Финляндии, Венгрии, Италии, Египте, Франции, Румынии. 12 октября 1941 г. разведчик В. Зарубин, специализировавшийся по США, и глава внешней разведки П. М. Фитин были на приеме у Сталина. Иосиф Виссарионович спросил у Зарубина о его готовности переехать на работу в Америку и пояснил, что советское руководство слишком плохо видит сложившуюся там политическую обстановку. Оставались неясными перспективы противоборства между группой чиновников, выступавшей за отстраненное поведение США, и группой президента Ф. Рузвельта, склонявшейся к оказанию помощи СССР в борьбе с немецкими захватчиками. В связи с этим Зарубин обязан был понять, каково же на самом деле отношение в США к СССР, Великобритании, Германии и Японии. Перед ним также поставили задачу нащупать возможность влияния на руководство страны с целью сформировать у него мнение о необходимости большего взаимопонимания между СССР и США по организации сопротивления общему врагу. К тому же Зарубин должен был не допустить заключения сепаратного договора между Америкой и Германией и завершения войны в ущерб интересам Советского Союза. В США имелась так

называемая «пятая колонна» нацистского толка, пытавшаяся убедить американское руководство в желательности союза с Германией и выступления против СССР. Разведчику поручалось внимательно приглядывать за этой «колонной» и своевременно сообщать обо всем в Москву. Сталин не зря давал такие указания, поскольку Германия постоянно пыталась расколоть антигитлеровскую коалицию.

Четвертое управление Судоплатова организовывало оперативные радиопрограммы для создания у врага впечатления о наличии на территории Советского Союза антисоветских националистических групп, стремящихся войти в контакт с немецкими спецслужбами. Такая деятельность приносила неплохие результаты. Немало вражеских агентов и радистов попали в плен и были переведены. Например, широко известны операции «Монастырь» и «Березино», проводившиеся в сотрудничестве 4-го управления с контрразведкой и Генштабом. Поставленные цели по серьезному дезинформированию немцев были достигнуты. После свыше 70 подобных игр с нацистскими спецслужбами на подставных явочных квартирах задержали несколько сотен вражеских агентов-диверсантов и штатных сотрудников немецкой разведки.

Первое управление занималось заграничной разведкой. Вместе с английскими спецслужбами удалось ликвидировать агентурную сеть стран нацистского блока (Италии, Германии, Японии) в Иране, Афганистане, Турции. Важно было не допустить выступления против СССР стран у его южных границ.

Как уже отмечалось, задача выявления положения и намерений Германии была одной из основных. В связи с этим П. М. Фитин поручил советским агентам в Лондоне добыть необходимую достоверную информацию. Надо сказать, что английская разведка была довольно эффективно представлена в германских властных структурах разных уровней. В том числе в абвере, среди ученых, участвовавших в создании атомного оружия. Но делиться разведанными с СССР Великобритания не торопилась.

В свете чего информация от «Кембриджской пятерки» (советских агентов, завербованных в одноименном университете) и остальных источников лондонской резидентуры была очень важной. Но Сталин не доверял Англии, ее спецслужбам и к донесениям из этой страны подходил, мягко говоря, критично. До войны британцы распространяли в США слухи о том, что Советы якобы готовят упреждающий удар по Германии. Игнорирование же английских источников порой приводило к трагедиям. Например, в 1942 г. из Туманного Альбиона поступила информация о подготовке немцами наступления на юге по направлению на Сталинград и Северный Кавказ, для захвата грозненской и майкопской нефти и выхода к границе с Турцией и Ираном. Несмотря на то что данные военной разведки подтверждали информацию из Лондона, высшее командование СССР не приняло их в расчет. Результатом стали крупные поражения советских войск на всем южном участке фронта от Харькова до Крыма.

В 1943 г. Сталин изменил свое отношение к лондонской резидентуре, источником информации для которой были британские спецслужбы, когда удостоверился в правдивости донесений стратегического характера. Информация основывалась на настоящих военно-стратегических планах германского верховного командования (перехваченных Германией в рамках операции против Энигмы). Например, Д. Кернкросс, состоявший в «Кембриджской пятерке», сообщил о том, что немцы готовят операцию «Цитадель» на Курском направлении. Этот агент работал в Штабе правительственной связи Британии, и в его обязанности входили перехват и дешифровка информации с линий связи немецкого верховного командования. Как выяснялось из перехваченных радиограмм, в начале июля Гитлер планировал взять на Курской дуге реванш за Сталинград.

Сталин поручил перепроверять все донесения из Лондона силами разведки и партизанских отрядов. Никаких ложных следов выявлено не было и информацию об операции «Цитадель» учли при планировании противодействующих мероприятий. В результате Курская битва стала переломной на восточном фронте да и во всей Второй мировой войне, окончательно продемонстрировав военное преимущество Советского Союза. В сражении под Курском с 2 сторон участвовали не одна тысяча танков, самолетов, артиллерийских орудий и миллионы солдат. Германия так и не смогла прийти в себя после катастрофического поражения, и ее капитуляция стала лишь делом времени.

В годы войны советская внешняя разведка смогла узнать атомные секреты США и Британии. В центральном аппарате НКВД сформировали соответствующее подразделение, отвечавшее за научно-техническую разведку, под руководством Л. Квасникова. Английские агенты Кремля в сентябре 1941 г. донесли в Москву о том, что создание атомного оружия в Великобритании близится к практической реализации. Программе присвоили кодовое название «Энормоз». А в феврале 1944 г. разведчики НКВД в Нью-Йорке вышли на связь с немецким физиком К. Фуксом, которому Англия предоставила подданство. Он вплотную подошел к атомным секретам США. В будущем Фукс передаст советской разведке результаты научно-исследовательских работ и подробную информацию по конструированию урановой и плутониевой бомб. Американские ученые вычислили, что благодаря информации Фукса срок разработки своего атомного оружия для Советского Союза сократился на 3—10 лет, а по водородной бомбе СССР даже опередил США.

Государства, расположенные на южной границе СССР (Турция, Иран), как правило, были прогерманскими. При возможности они могли легко предоставить плацдарм для нападения на СССР с южных рубежей. Резидентам приходилось тщательно отслеживать настроения политической верхушки этих стран.

Значительную роль разведка сыграла в предотвращении немецкого заговора против участников встречи «Большой тройки» в Тегеране в ноябре—декабре 1943 г. Руководители СССР, США и Великобритании обсуждали вопросы открытия 2-го фронта и послевоенного устройства в Европе. Перед переговорами советская и британская разведки смогли узнать о планируемом спецслужбами Германии покушении на И. Сталина, Ф. Рузвельта и премьер-министра Великобритании У. Черчилля. Руководил подготовкой покушения известный немецкий диверсант Отто Скорцени. Во время предпринятые шаги по ликвидации нацистского подполья в Иране позволили отвести угрозу, арестовать десятки вражеских агентов. В итоге встреча прошла без происшествий и завершилась согласием Англии и США открыть 2-й фронт во Франции в мае—июне 1944 г.

По данным советской разведки, в сложившейся ситуации наши западные союзники были заинтересованы во 2-м фронте больше, чем СССР, поскольку не хотели терять влияния на страны Европы. По этой причине в конце войны советская внешняя разведка должна была добывать сведения о послевоенных планах США и Англии, касавшихся устройства Европы. Рассчитывая на то, что Советский Союз обессилен после столь кровопролитной войны, они предполагали использовать этот фактор с наибольшей для себя выгодой. Великобритания стремилась сохранить свои восточные колонии и укрепить позиции

на Балканах. Исходя из этих соображений У. Черчилль активно предлагал провести высадку англо-американских войск в этом регионе, чтобы создать преграду на пути продвижения Красной армии в Южную и Центральную Европу.

Когда на горизонте замаячил конец войны не в пользу Германии, резко активизировались попытки немецких высших кругов установить связи с США и Англией. Впрочем, отдельные попытки наладить отношения с Великобританией предпринимались еще в 1942 г. в Турции, Швеции и Ватикане. В феврале 1943 г. советское руководство узнает, что в Швейцарии к переговорам с Германией присоединился высокопоставленный сотрудник американской разведки Аллен Даллес, после войны ставший директором ЦРУ. Рассматривались варианты возведения «кордона против большевизма и панславизма».

14 июня 1944 г. агентурная сеть НКГБ из столицы Соединенных Штатов сообщила советскому руководству о контактах в Швейцарии Даллеса с немецким фельдмаршалом фон Браухичем. Они обговаривали планы свержения фюрера группой немецких генералов и возможность формирования военного правительства. Стороны пришли к принципиальному согласию, что никакая часть Германии не должна попасть под контроль советских войск.

Покушение на Гитлера 20 июля 1944 г. провалилось, но контакты Германии с западными державами продолжались. Внешняя разведка довела до сведения Сталина, что 6 марта 1945 г. в Цюрихе А. Дал-

лес вступил в переговоры с уполномоченным СС при группе армий «С» в Италии генералом К. Вольфом. Темой переговоров, продолжавшихся до конца апреля, значилась капитуляция немецких войск в Северной Италии. Требование об участии в переговорах советских представителей США и Великобритании отклонили.

7 апреля 1945 г. Верховный главнокомандующий СССР обратился с личным посланием к Ф. Рузвельту, в котором настаивал на том, что советская сторона должна принять участие в переговорах с немцами в Швейцарии. В общем-то Сталина беспокоили не переговоры сами по себе, а возможность заключения сепаратных сделок союзников с врагом без учета интересов СССР. Поскольку Англия и США ответили отказом, то Сталин потребовал прекращения переговоров, после чего союзники стали утверждать, что никаких переговоров не ведется. Советское правительство настаивало на том, что контакты имели место, а союзники возражали: «Советские информаторы вводят в заблуждение советское правительство». Они, мягко говоря, лукавили, потому что на самом деле переговоры активно шли вплоть до окончания войны. Сталин, со своей стороны, разведчиков в обиду не давал и в письме к американскому президенту отмечал: «Что касается моих информаторов, то уверяю Вас, это очень честные скромные люди, которые выполняют свои обязанности аккуратно и не имеют намерения оскорбить кого-либо». Говорить так Сталин имел

полное право, так как обладал убедительными свидетельствами сепаратных переговоров, полученными от источников из Госдепартамента США, МИД Великобритании и английских спецслужб.

На заключительном этапе войны, когда поражение Германии было очевидно, основной задачей разведки стало определение планов Америки и Англии, касавшихся устройства Европы после войны. Двойные стандарты в отношении СССР Великобритания применяла еще с начала войны. Их выявлению поспособствовали «Кембриджская пятерка», состоявшая из К. Филби, Д. Маклейна, Г. Берджеса, Э. Бланта и Дж. Кернкросса, и некоторые другие агенты, имена которых до сих пор находятся под грифом «секретно». Д. Маклейн, работавший в британском МИД на высокой должности, снабжал советскую разведку информацией о переписке У. Черчилля с Ф. Рузвельтом и остальными главами государств касательно планов послевоенного устройства Европы.

В США у советских разведчиков тоже были хорошие позиции. Они регулярно передавали в Москву полезные военные и политические новости из ближайшего окружения президента, Госдепартамента, аппарата Конгресса и спецслужб, военных учреждений, а также касательно образцов новейших вооружений американской армии. Все это помогало советскому руководству быть в курсе политики, проводимой США и Великобританией, их военных планов, попыток обмануть СССР.

Аллен Даллес говорил о том, что информация, добываемая советской разведкой во время войны, была пределом мечтаний любой разведки мира. Кажалось бы, мелочь, но какие далеко идущие последствия имела, например, перехваченная незадолго до Ялтинской конференции шифрованная телеграмма У. Черчилля Ф. Рузвельту. В ней британский премьер рассуждал о том, как можно обойти Сталина на переговорах. Кроме того, разведка поставила в известность Верховного главнокомандующего о планах союзников оказать поддержку на конференции польскому эмигрантскому правительству. 23 и 28 января 1945 г. советское руководство смогло ознакомиться предоставленными разведкой ключевыми документами союзников, составленными к предстоящей Крымской встрече. В этих документах были отражены планы расчленения Германии, размеры территорий, которые Германия уступит СССР, судьбы Рейнско-Вестфальского и Кильского районов, переселения немцев с оккупированных территорий, обращения с высокопоставленными военными преступниками. Благодаря полной осведомленности советское руководство смогло договориться с союзниками так, чтобы учитывались интересы СССР, Польши и других стран Восточной Европы.

В июне 1945 г. незадолго до Потсдамской конференции советской разведке удалось получить доклад Комитета начальников штабов Великобритании Черчиллю под названием «Безопасность Бри-

танской империи». В нем Советский Союз объявляли «главным противником Великобритании и всего западного мира», а английскому руководству рекомендовалось предпринять ряд внешнеполитических и военных мер по противодействию Советам. Однако Великобритании это не помогло, и ее империя развалилась. В августе 1945 г., когда капитулировала Япония, завершилась Вторая мировая война.

Таким образом, советская внешняя разведка сыграла важнейшую роль в общей борьбе с нацистской Германией и подконтрольными ей странами. Имена разведчиков, честно выполнявших свой долг, отстаивавших свободу Родины и всего мира, навсегда вошли в историю.

Маршал СССР А. И. Еременко в мемуарах писал: «Нужно так активизировать нашу разведку, чтобы она дышать не давала врагу, проникала бы во все щели, дезорганизовывала бы его управление, связь, боевые порядки, тылы, изматывала врага и не давала ему покоя как днем, так и ночью... Для этого разведку нужно организовывать и ею руководить. Нужно разбудить в наших разведчиках замечательные качества, присущие русскому народу: храбрость, выносливость, инициативу, хитрость и находчивость.»

РАЗВЕДКА В ПЕРЕЛОМНЫЕ МОМЕНТЫ ВОЙНЫ

Московская битва

Военное командование нацистской Германии с самого начала вторжения планировало осуществить захват Москвы, чему придавалось большое значение. Судя по скорости их продвижения фашистов до нашей столицы, можно было предположить, что им это легко удастся. Возникало впечатление, что превосходство в силах и средствах у германских войск абсолютное, и они полностью владеют стратегической инициативой.

Но советская разведка не дремала, всячески пытаясь прояснить планы и намерения противника, его группировки, направления ударов, просчитать подходы резервов, вероятные сроки наступления. Для выполнения этих задач в тыл врага забрасывались

группы разведчиков. Например, 1 такой отряд во главе с И. Ф. Ширинкиным в сентябре—ноябре 1941 г., преодолев более 70 км по Витебской, Смоленской, Новгородской, Псковской областям, производил разведку и совершал диверсии. Аналогичные разведывательно-диверсионные группы создавались во многих районах СССР для контроля активности противника.

Приоритетными для авиации и подразделений разведки Западного фронта были переброски немецких резервов. Например, в сентябре 1941 г. силами разведки удалось установить факт переброски нацистами под Москву 2-й танковой армии, отозванной из-под Ленинграда. В октябре 1941 г. советское командование передвинуло под Москву 490-й радиодивизион для слежения за германской авиацией и заблаговременного предупреждения о возможных налетах на столицу, промышленные и административные объекты. Г. К. Жуков впоследствии вспоминал, что «в начале ноября 1941 г. нам удалось своевременно установить сосредоточение ударных группировок противника на флангах нашего фронта и правильно определить направления главных ударов врага». Кроме того, стало известно о перемещении немцами на Западный фронт еще 10 дивизий. В результате слаженная работа разведгрупп и глубокий тактический анализ военного командования позволили определить планы Германии, касающиеся нового наступления. Разведданные помогли раскрыть замысел немцев по окружению Тулы и предотвратить его, что помешало врагу организовать наступление на Москву с юга.

5—6 декабря 1941 г. советские войска силами Калининского, Западного и частично Юго-Западного фронтов предприняли контрнаступление под Москвой. В его планировании подспорьем послужили данные разведки. После наступления советских частей немецкие подразделения понесли значительные потери и оказались отброшены от столицы на 100—250 км.

С конца июня по август 1941 г. военная разведка забросила в тыл нацистов 184 диверсионные группы, а с сентября по конец декабря того же года — 71 группу и отряд численностью 1194 человека. Диверсионные группы мешали функционированию коммуникаций врага, уничтожали транспорт, штабы, живую силу.

Кровопролитные оборонительные сражения и контрнаступления советских войск в 1941—1942 гг. послужили для военной разведки тяжелыми испытаниями. Они выявили недостатки и ошибки в ее работе, высветили положительные аспекты деятельности, методики подготовки и использования кадров. Последующие годы показали, что недочеты предвоенного времени и начального периода войны были устранены, и с 1943 г. военная разведка продемонстрировала высочайшее мастерство в реализации поставленных задач.

Сталинградское сражение

Проиграв сражение под Москвой, Гитлер мобилизовал все силы для летнего наступления 1942 г.

В это время группа советского разведчика Ш. Радо в Швейцарии через свою агентуру наблюдала за всеми мероприятиями немцев. В Москву сообщалось о том, что Германия предпринимает соответствующие военно-экономические шаги и осуществляет формирование и перемещение войск в Германии и оккупированных странах. Самые ценные сведения поставляли помощники Радо под псевдонимами Зальтер, Лонг, Пакбо, Люци. Последний из них был связан с источником в Берлине. Значение швейцарской резидентуры было настолько велико, что дало основание многим историкам утверждать после войны, что она выиграна в Швейцарии, а не на полях сражений.

Одно из донесений звучало так: «3 и 4 апреля 1942 г. Директору от Луизы. В начале марта вся Восточная Германия, Прибалтика, Польша и территория СССР, оккупированная Германией, в особенности в южных районах, стали наполняться войсками, подготовленными для весеннего наступления. Количество войск, а главное техники, несомненно, больше, чем было в июне 1941 г. Количество артиллерии тоже больше, чем в июне 1941 г., особенно в южном секторе. Все дороги южного сектора полностью загружены переброской материалов». Далее по тексту шло расположение германских войск на первые числа марта 1942 г. Руководитель группы вспоминал: «В течение марта и апреля наши радисты чуть ли не ежедневно или, вернее, еженощно, отстукивали подробные сообщения... Можно сказать, что и в сорок первом, и в сорок втором годах наша организация

оправдала свое назначение, несмотря на отдельные промахи. Что же касается такой крупной акции, как подготовка германской армии к летнему наступлению сорок второго года, то переданная нами информация в основе своей оказалась верной... Так или иначе, планы противника своевременно были разгаданы».

О намерениях нацистского руководства сообщали также и другие источники. Так, попытка Берлина дезинформировать Советы и убедить их в том, что наступление летом 1942 г. планируется на Москву (операция «Кремль»), провалилась.

Когда немцы подошли к Сталинграду, то основная нагрузка в разведывательной работе легла на соответствующие подразделения Сталинградского и Донского фронтов. В тыл врага постоянно засылали разведывательно-диверсионные группы, разведчиков-маршрутников, связников. В начале наступления за спинами нацистов работали десятки радиофицированных разведгрупп.

Еще до наступления состав и численность вражеских войск в 1-й линии были определены с точностью до батальона, так же как и система обороны, и группировка соединений перед фронтом советских войск, вооружение и дислокация основных частей.

Подразделение радиоразведки внесло неоценимый вклад в успех Сталинградской операции. В начале июля 1942 г. она определила место расположения штабов противника и пристально наблю-

дала за действиями группы армий «Б». Были выявлены перегруппировки, боеспособность, подготовка к наступлению вражеских войск. Благодаря разведке советское руководство узнало о переброске в район прорыва 2 групп бомбардировочной эскадры «Эдельвейс», о составе и количестве окруженной группировки нацистов. Здесь очень полезной оказалась и воздушная разведка, определившая, что с Северного Кавказа подтягиваются 2 танковые дивизии.

Резидент Радо из Швейцарии сообщил в Центр, что, опираясь на имевшиеся у вермахта сведения, немецкое командование посчитало маловероятным сосредоточение советских войск в районе полупустынных земель на юго-востоке от Сталинграда. В связи с этим оно не предприняло мер по дополнительной защите фланга. Эти разведданные приняли во внимание советские военные, когда выбирали начальный рубеж для ноябрьского контрнаступления. Агентурная сеть в Швейцарии снабжала Москву подробными и своевременными данными о тыловых оборонительных рубежах противника, о резервах, о планах в связи с контрнаступлением советских частей под Сталинградом. К тому же в Сталинградской битве советская разведка осуществила мероприятия по дезинформации врага. Так, в германскую разведку (абвер) был внедрен «крот», который перед сражением обеспечил немцев ложной информацией о том, что якобы под Ржевом планируется мощное наступление Красной армии. Хотя наступление

на самом деле имело место и закончилось неудачей, насчет направления основного удара немцы обманулись. В результате армия генерала-фельдмаршала В. фон Паулюса попала в окружение под Сталинградом.

По поводу Курской битвы маршал Г. К. Жуков в мемуарах писал: «Благодаря блестящей работе военной разведки весной 1943 г. мы располагали рядом важных сведений о группировке немецких войск перед летним наступлением...»

Курская битва

Изматывающие зимние бои 1942—1943 гг. вынудили Германию лихорадочно собирать силы для осуществления летом 1943 г. крупных наступательных операций. Поэтому советское руководство 3 апреля 1943 г. издало директиву, в соответствии с которой разведке предписывалось «постоянно следить за всеми изменениями в группировке противника и своевременно определять направления, на которых он проводит сосредоточение войск, и особенно танковых частей». К тому же было необходимо определять резервы противника и их местонахождение, ход перегруппировки и концентрации нацистских военных соединений.

Немцы рассчитывали поддержать летнее наступление новой техникой, особенно бронетанковой. Благодаря разведке командование Красной армии своевременно узнало все необходимое о производстве этой техники. В мае 1943 г. было получено сообщение об ориентировании немецких заводов на изготовление танков «тигр», «пантера» и самоходных штурмовых орудий «Фердинанд», новых истребителей «Фокке-Вульф 190 А», штурмовиков «Хейнкель-129». К донесениям прилагались основные тактико-технические характеристики вооружений.

В мае того же 1943 г. резидентуры в Англии и Швейцарии сообщили важную информацию о плане наступления вермахта на Курск (операция «Цитадель»), причем были точно указаны количество дивизий и направление основного удара — захват города. То есть практически за 2 месяца до операции советские военачальники знали о ней все, что надо.

Особо стоит отметить резидентуру Ш. Радо, в частности Р. Ресселя, которая благодаря своим связям с германскими штабами имела возможность систематически отслеживать деятельность немцев по подготовке к операции. Параллельно с этим советская разведка (агентурная, войсковая, воздушная, радиоразведка) активизировалась по всем фронтам. Полученные данные помогли сформировать полноценную картину планов нацистов и перемещения вражеских войск. В тыл противника регулярно засылались разведывательно-диверсионные группы.

Как и в Сталинградском сражении, под Курском советская разведка через источник в абвере внедряла дезинформацию. Именно из-за нее нацисты оказались в заблуждении относительно планов Красной армии на лето 1943 г.

Несомненной заслугой разведки в этом сражении было то, что она сумела разузнать все необходимое как о планах Германии, так и о точных сроках начала наступления. Когда 1 июля 1943 г. Гитлер определился с датой наступления (5 июля), то уже 2 июля об этом стало известно советскому командованию. Захваченный немецкий сапер указал и точное время наступления. Советские войска предприняли артиллерийский контрудар по врагу, что способствовало его разгрому.

Днепровская и Белорусская операции

После поражения под Курском нацистское руководство решило закрепляться на предварительно созданной стратегической оборонительной линии — Восточном валу. Советская агентура Ш. Радо в Швейцарии с конца апреля 1943 г. перехватывала о ней важные сведения. Таким образом информация разведки и партизанских отрядов помогла вовремя установить систему укреплений немцев, что положительно сказалось на операциях Красной армии.

Эффективными были действовавшие в тылу врага в Левобережной Украине разведгруппы, например майора К. С. Гнедаша (псевдоним — Новый). Она подробно изучила систему обороны нацистов, разузнала количество и места дислокации войск, техники и складов в районах Киева, Чернигова, Коростеня и Житомира. Сведения от этой группы в свое время помогли успешному форсированию Днепра. Кроме того, группа действовала в районах Минска, Осиповичей, Слуцка, Барановичей, Слонима, Белостока. Гнедыш с товарищами оказали неоценимую помощь советским войскам при проведении Белорусской операции. В июле 1944 г. смелые разведчики попали в окружение близ Слонима и, не желая попасть в плен, подорвали себя гранатами. Руководитель группы посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Свой вклад в Белорусскую операцию внесла партизанская дивизия П. П. Вершигоры, которая орудовала в немецком тылу, ликвидируя живую силу и штабы. Разведчики и партизаны постоянно обеспечивали важной информацией советские войска, пока те не вышли к берегам Немана.

Также в тылу у нацистов активно решали разведывательные задачи партизанские отряды во главе с Н. П. Бановым, Г. М. Линьковым, И. Н. Федоровым, А. П. Бринским и др. Руководителям присвоены звания Героев Советского Союза. Эти группы оказали войскам существенную поддержку в Курской, Днепровской, Белорусской операциях. В 1943 г. они дер-

жали под контролем железнодорожные узлы во многих населенных пунктах в Украине и Белоруссии.

Необходимо сказать, что работали разведчики в крайне тяжелых условиях немецкой оккупации при тотальной переписи населения, наличии обширной сети нацистских осведомителей. Значительная часть населения принудительно участвовала в окопных и прочих работах или отправлялась в Германию. Почти все крупные населенные пункты и железнодорожные узлы усиленно контролировались, а передвижение по дорогам разрешалось только по специальным разрешениям. Территории патрулировали отряды гестаповцев, полицейских, контрразведчиков, полевой жандармерии, множественные карательные подразделения. В такой ситуации советские разведчики должны были соблюдать высочайшую осторожность, проявлять заповедную бдительность, хладнокровие, изобретательность, способность к действиям в экстремальных условиях.

Поражения, которые потерпела Германия в 1943 г., вызвали в ней серьезный политический кризис, находившийся под неусыпным наблюдением советской разведки. Весьма плачевно складывалась ситуация в Италии, откуда поступали сведения о близости краха фашистского режима. Италия на самом деле капитулировала в сентябре 1943 г., а немецкий фюрер лишился наиболее преданного союзника. В других странах-сателлитах обстановка тоже была напряженной, поскольку местное население все настойчивее требовало прекращения войны. Даже

принципиально нейтральные государства Швеция и Турция стали уменьшать объемы экономической помощи странам нацистского блока. Повстанцы ряда стран резко увеличили активность во Франции, Польше, Чехословакии, Югославии, Греции и т. д. Все это в совокупности облегчало задачи советской стратегической разведки. Существенно расширилась резидентурная база во вражеских странах. Это было очень важно, поскольку за предвоенные и первые годы войны советские агентурные сети ослабели и основной груз ответственности по снабжению армии сведениями о противнике пал на другие виды разведки.

Успешные кампании советских войск в 1942—1943 гг. обозначили коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны в пользу Советского Союза, да и Второй мировой войны в целом. Деятельность советских разведчиков стала свидетельством высокого развития советского военного искусства. Органы разведки, отдельные разведчики и их руководители приобрели огромный опыт, на основе которого постоянно совершенствовались методы работы, уровень взаимодействия между разными видами разведки.

Завершающий этап войны

Естественно, фронтам ставилась индивидуальная задача перед любой операцией, и обстановка ее проведения была уникальной, что не могло не от-

разиться на характере действий разведки. Последними операциями в этой затянувшейся войне были Висло-Одерская, Восточно-Прусская и Берлинская. При подготовке к 1-й из них в начале 1945 г. активно использовались ночной захват «языков», засады, скрытное наблюдение, разведка боем. Контроль деятельности немцев в глубине их территории осуществлялся с помощью авиации и соответствующей агентуры. Таким образом, вражеская оборона от Вислы до Одера была полностью известна. Нацисты постарались максимально усложнить проведение столь масштабной разведки и оборудовали за Вислой 7 оборонительных рубежей, эшелонированных на глубину до 500 км. Однако это им не помогло, и фронтовая разведка смогла вскрыть всю систему обороны противника. Благодаря этому в начале операции советские войска накрыли позиции гитлеровцев массированным артиллерийским огнем, причинив им значительный ущерб и полностью нарушив управление военными подразделениями.

Перед Берлинской операцией по линии 3-го Белорусского фронта разведке удалось провести фотосъемку всех вражеских оборонительных объектов до самого Кенигсберга (Калининграда). Были выполнены 1800 разведывательных поисков, в плен взяты примерно 1400 представителей вражеских сил и добыты приблизительно 2000 немецких штабных документов. Широкое распространение получила заброска разведывательных групп в тыл противника. К началу операции советскому командованию было

в подробностях известно о составе и боевых порядках германских соединений 1-го эшелона, об особенностях устройства одерско-нейсенского оборонительного рубежа. В общей сложности авиаразведка осуществила около 2580 разведывательных вылетов. Комплекс оборонительных объектов оказался многократно сфотографирован на глубину более 80 км, были предоставлены снимки и столицы Германии. Радиоразведка выявила дислокацию войск 3-й танковой армии, 9-й армии, штабов всех корпусов 15 из 25 дивизий нацистов. Использование разных видов и средств разведки сыграло исключительную роль в победном шествии Красной армии и благополучном исходе последних операций войны.

С 1943 по 1945 г. все разведгруппы обеспечивались рациями. Всего на протяжении войны были обучены порядка 5000 радистов, причем более 3000 работали в тылу врага. На 86 % состав радистов был женским.

К этому времени внешняя разведка «залечила раны», полученные из-за неудач 1941—1943 гг. Аппараты военных атташе в тех государствах, с которыми у СССР были дипотношения, активно расширяли свою деятельность по сбору информации о противнике, используя любые доступные средства, благо на завершающем этапе войны обстановка для подобного рода разведки во многих странах

была благоприятной. Давала о себе знать Высшая спецшкола ГРУ, созданная в 1943 г. и готовившая квалифицированных специалистов для восполнения имевшегося дефицита опытных кадров. Успешно функционировали разведывательные сети в Канаде, Иране, Италии, Японии, США, Болгарии, Турции и др. Все они предоставляли необходимые сведения о вооруженных силах Германии, ее военно-экономическом потенциале, об активности ее союзников. Не прекращалась заброска разведгрупп в тыл противника.

В 1944—1945 гг. радиоразведка продемонстрировала свои возможности на огромной территории. От линии фронта до ставки Гитлера она выявляла состав и порядок вражеских частей и соединений, перемещение войск, аэродромную сеть.

В последних операциях в основном использовалась засылка в тыл врага компактных, достаточно малых по составу радиофицированных разведгрупп, а также отдельных разведчиков, включая немцев. Например, операция в Восточной Пруссии была поддержана заброской 36 разведывательных групп, а в полосе 1-го Украинского фронта работали свыше 18 разведгрупп.

ВОЗДУШНАЯ СОВЕТСКАЯ РАЗВЕДКА

Воздушная разведка занимала важное место среди остальных видов разведок и осуществлялась в тесном контакте с ними. К началу войны существовали армейская и корпусная авиаразведки. Первую составляли отдельные разведывательные авиационные полки (орп), в каждый из которых входили по 4 разведывательные авиаэскадрильи (раз). В них находились по 12 самолетов-разведчиков типа СБ и Як-4, а также авиаэскадрилья связи с 12 самолетами У-2. Корпусная авиаразведка состояла из отдельных разведывательных авиаэскадрилий (ораз) с 9 самолетами-корректировщиками и разведчиками и 6 самолетами связи.

В общей сложности полностью или частично были образованы 10 разведывательных полков и 63 отдельные эскадрильи. Однако у значительной доли корпусных авиаэскадрилий не было материальной части и летного состава. Дело в том, что полки

и эскадрильи укомплектовали личным составом только на 37,7 %, а снабжение самолетами достигало лишь 5,5 % от общего состава боевой авиации ВВС.

В период с 1940 по 1941 г. в СССР были организованы училища и авиасоединения разных видов авиации, в связи с чем самый квалифицированный летный состав перевели туда. В авиаразведку набирали молодых летчиков, не имевших достаточной подготовки, навыков воздушной разведки и передачи данных с борта самолета. Поэтому качество подготовки летного состава этого рода войск заметно снизилось.

На тот период советским войскам очень не хватало точной и достоверной информации о немецких захватчиках. Как уже говорилось, в начале войны состояние всех видов разведки оставляло желать лучшего. Воздушная разведка не была исключением. С учетом потерь в авиатехнике она не могла на голом энтузиазме в полной мере выполнять поставленные задачи. Советское Верховное Главнокомандование было вынуждено предпринять ряд мер по исправлению создавшейся ситуации. В конце 1941 — начале 1942 г. сформировали 3 разведывательных авиаполка Главного командования, осуществлявшие воздушную разведку по прямому указанию Генерального штаба и командующего ВВС. Кроме того, появился отдельный запасной разведывательный авиаполк, в котором готовили квалифицированные экипажи. Весной 1942 г. открыли Училище воздушных разведчиков. Тогда же приняли решение присту-

пить к формированию отдельных разведывательных авиаполков и эскадрилий.

Постепенно количество самолетов у разведчиков увеличилось, улучшилась их подготовка, а также подготовка офицеров штабов и летного состава, повысилась эффективность воздушной разведки. Однако численность разведывательных самолетов на протяжении всей войны не превышала 5,5 % от всей боевой авиации. Это при том, что объем задач постоянно возрастал.

Постепенно довольно остро встал вопрос о необходимости задействовать в разведывательных мероприятиях остальные виды авиации. Директива командующего ВВС предписывала авиационным соединениям иметь нештатные разведывательные авиаподразделения. С 1942 г. в воздушных армиях появились воздушные разведчики в виде полка истребителей, пары эскадрилий штурмовиков и пары эскадрилий легких ночных бомбардировщиков, к которым прикомандировывали самых подготовленных пилотов. Обученные выполнению специфических задач истребители и штурмовики показали себя замечательными воздушными разведчиками поля боя и ближних тылов.

Штатная воздушная разведка, как правило, обеспечивала информацией штабы фронтов. Получалось, что в распоряжении штаба авиационного объединения оставались нештатные самолеты-разведчики.

При вынесении решения во время войны командиры и штабы, конечно, принимали во внимание

данные всех видов разведки. Однако первостепенное значение придавалось именно воздушной. Ни одна операция не начиналась без учета сведений, поставляемых авиаразведкой. Ранее принятые планы корректировались в соответствии с новой информацией воздушной разведки. В частности, 15 сентября 1943 г. разведчики 14-й ВА немного западнее Тарту обнаружили перемещение машин, вражеской живой силы, артиллерийских орудий на запад и юго-запад. Узнав об этом, командиры Ленинградского фронта изменили прежнее решение и направили удар левого фланга армии в северо-западном направлении, благодаря чему 22 сентября был освобожден Таллин.

Анализируя Львовско-Сandomирскую операцию, маршал И. С. Конев по поводу значения авиаразведки сказал так: «Благодаря хорошо организованной воздушной разведке, мужеству и настойчивости экипажей-разведчиков мы имели возможность упреждать противника во всех его действиях...»

Во время войны постоянно совершенствовались не только силы и средства авиаразведки, но и организационная структура органов, отвечающих за текущее руководство практической деятельностью воздушной разведки. На первом году войны в штабах фронтов при оперативном отделе находились

1—2 офицера разведки, примерно столько же было и в аналогичном отделе ВВС Красной армии. Но уже в начале 1942 г. в штабах ВВС фронтов формируют самостоятельные разведотделы, а в штабе ВВС Красной Армии — целое разведуправление из 4-х отделов.

Образованные органы разведки укомплектовывались высокопрофессиональными офицерами-разведчиками. В Разведуправлении ВВС не менее 50 % генералов и офицеров имели высшее военное образование. Весьма своевременное решение приняла Ставка Верховного Главнокомандования о закреплении офицеров разведки за соответствующими разведорганами. В результате опытные кадры перестали «утекать» в другие службы, улучшился анализ действий противника, наблюдение за ним велось более качественно.

На вооружение воздушная разведка взяла 2 способа — визуальное наблюдение и фотографирование, т. е. инструментальные средства. Увеличение доли последнего за годы войны составило внушительную цифру — с 10 % в 1941 г. до 87 % в 1945 г. Это говорит о том, что в планировании операций повысилась роль документированной информации. Довольно любопытен опыт воздушной фоторазведки для танковых и механизированных войск. В этом случае самолеты вылетали и фотографировали маршруты предстоящего наступления, после чего снимки монтировали в полноценную панораму запечатленной местности. Далее в виде фотосхем или

проецированием на экран все это показывали танкистам, чтобы те наглядно ознакомились с рельефом, естественными препятствиями, немецкими огневыми точками и т. п. Эти панорамы очень ценились командующими соединений и частей сухопутных войск.

За время войны Разведуправление ВВС обработало свыше 150 000 разведывательных документов. Получается практически по 100 в день. С 1943 г. «разведывательная машина» больше сбоев не давала. Все разведданные поступали в определенные сроки, как того требовала обстановка. Каждый служащий, будь это простой солдат или командир, отдавал себе отчет в том, что успех боевой операции зависит от предоставленной вовремя информации. Штабы всячески старались способствовать оперативности ее прохождения. Оперативность в воздушной разведке играла основополагающую роль: необходимо было довести информацию до соответствующих штабов любыми способами. Поэтому практически бесперебойно работала радиосвязь, причем для авиаразведчиков выделяли особые ее каналы. Все заинтересованные войсковые подразделения были обеспечены радиоприемниками.

Опыт Великой Отечественной войны продемонстрировал целесообразность закрепления за отдельными разведчастями постоянных полос и районов разведки, а за отдельными членами экипажа — конкретных объектов. Это упрощало определение изменений на местности, больше внимания уделяли непосредственно разведке и меньше — ориентировке.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ В ПРЕДВОЕННЫЕ И ВОЕННЫЕ ГОДЫ

«Красная капелла»

Тема о группе немецких антифашистов, именуемой «Красной капеллой», весьма популярна в европейских странах. Написано множество книг, затрагивающих этот сюжет. По словам известного французского писателя Жюль Перро, «Красная капелла» на Западе изучается в виде организации, которая по сути является сочетанием антифашистского сопротивления и элементов разведдеятельности, результат которой был впечатляющим. Но он же отмечает однобокость и фрагментарность западного понимания истории «Красной капеллы». Скорее всего, это вызвано использованием западными

историками в качестве источников в основном мемуаров нацистских контрразведчиков, естественно, видевших в участниках «капеллы» исключительно врагов.

Лишь с некоторых пор стало возможным ознакомиться с архивными материалами советской, американской и британской спецслужб.

Как появилось название этой антифашистской группы, поведал заместитель шефа гестапо Г. Мюллера оберфюрер СС Ф. Паннцингер на допросах в Смерш 1 февраля 1947 г. и 29 июня 1951 г. Он рассказал, что был осуществлен радиоперехват шифрованных сообщений — слышался стрекот морзянки нескольких передатчиков. Радистов контрразведчики называли «музыкантами», поэтому хор сигналов стал «оркестром», а по-немецки — «капеллой». Нацисты установили, что передачи шли в советскую Москву, так что цвет «оркестра» мог быть только красным.

Для немцев безуспешная борьба с «оркестрантами», естественно, была неприятным воспоминанием, и оберфюрер о подпольщиках высказывался весьма пренебрежительно. Несмотря на замалчивание немцами нелюбимого для себя факта, Харро Шульце-Бойзена (Старшину), Арвида Харника (Корсиканца) и остальных участников Сопrotивления многие помнят как мужественных людей, боровшихся за новую, свободную, мирную Германию.

В «Красную капеллу» входило много разных антифашистских групп, иногда не связанных друг с дру-

гом. Они либо сотрудничали с советской внешней разведкой под контролем Главного разведывательного управления Генштаба Красной армии, либо работали самостоятельно. Иногда говорят о том, что всем Сопротивлением управляли из-за границы через советского разведчика Л. Треппера. Это не соответствует действительности. Группа Старшины и Корсиканца вышла на советскую разведку ради повышения эффективности борьбы с гитлеровским режимом. Отношения между советскими разведчиками и повстанцами были партнерскими. По большей части «Красная капелла» не была разведывательной структурой в классическом понимании. До войны связь с ней осуществляли через легальную агентурную сеть в Берлине.

Все началось в 1933 г., когда канцлером Германии стал Гитлер. Советская разведка наблюдала за торжеством фашизма в отдельно взятой стране и получила задание связаться с силами, выступавшими против Гитлера, узнать о его планах во внутренней и внешней политике. Для этого было необходимо иметь своих людей во властных структурах.

Эту работу поручили Б. М. Гордону, возглавлявшему консульский отдел посольства Советского Союза в Берлине. Первый секретарь посольства А. Гиршфельд познакомил его с философом и юристом А. Харнаком. В конце лета 1935 г. была достигнута принципиальная договоренность о том, что Харнак объединит усилия с советскими товарищами

в противостоянии диктатуре фашизма и в недопущении развязывания мировой войны.

Гордон четко проинструктировал Харнака. Корсиканец стал членом Национал-социалистской партии, чтобы превратиться в своего человека для нацистов. Вскоре он поднялся до старшего правительственного советника в имперском министерстве экономики, где ему представилась возможность добывать сведения о любом секторе хозяйства государства, в том числе и военном. Вся эта неоценимая информация исправно поступала в Москву. Харнаку помогали верные друзья: писатель и театральный деятель А. Кукхоф (Старик) с супругой Гретой (Кан). В это же время Харнак заводит знакомство со служащим разведывательного штаба авиации Г. Геринга Харро Шульце-Бойзенем (Старшиной). Сложился костяк, наверное, самой известной группы антифашистов. Между Харнаком и Гордоном с соблюдением тщательной конспирации проходили регулярные встречи.

В заслугу «Красной капелле» прежде всего можно поставить то, что руководство СССР задолго до войны знало о военных приготовлениях Германии, свидетельствовавших о ее агрессивных намерениях. Другое дело, что им не уделяли должного внимания и сотрудничество по вине советской системы не всегда шло гладко.

В 1937 г. Гордона затребовали в Москву, чтобы арестовать по глупому и мелочному доносу какого-то незначительного человека. Клевета неудачно сов-

пала с очередной чисткой руководства разведки, и берлинского связного расстреляли. Это событие негативно повлияло на всю резидентуру в Германии, которая оказалась без фактического руководителя. Причем случилось все тогда, когда разведывательная деятельность становилась наиболее эффективной. Агентская сеть насчитывала до 15 разведчиков с доступом к важным источникам информации. Когда Гордон уехал, его функции на себя взял опытный разведчик А. И. Агаянц, но и с ним не повезло. В декабре 1938 г. он умер на операционном столе из-за прободения язвы желудка.

Может показаться странным, но по поводу важных и интересных данных у советских аналитиков и руководства возникали сомнения, а дезинформацию часто принимали на веру. Вероятно, тут дело в психологии человека. Не зря же министру народного просвещения и пропаганды третьего рейха П. Й. Геббельсу приписывают фразу: «Чем чудовищнее ложь, тем охотнее люди в нее верят».

Практически целый год агенты в Берлине существовали без резидента. В Москве чувствовался дефицит опытных разведчиков, так как многих репрессировали. В сентябре 1939 г. резидент в Берлине все-таки появился. Правда, А. З. Кобулов совершенно не имел опыта и попал на самое ответственное

направление что называется, по «блату», будучи братом заместителя наркома внутренних дел Л. Берии.

Перед отъездом Кобулов встретился с «ветеранами» разведки П. М. Фитиным и П. М. Журавлевым. У последнего от разговора с самонадеянным резидентом осталось неприятное ощущение. Прибыв на место, протеже Берии с энтузиазмом взялся за дело, в результате чего на прыткого болтливого молодого человека, заводящего знакомства со всеми подряд, обратил внимание начальник отделения гестапо штандартенфюрер Р. Ликус. Именно он поручил проверить не в меру активного Кобулова. По отчетам тайной германской полиции, он проходил как резидент советской разведки.

В это время П. М. Журавлев, предчувствуя беду, попытался как-то образумить Кобулова, подготовив соответствующий проект указания резиденту. Однако руководство смягчило первоначальный текст, поскольку со всесильным Берией ссориться никто не хотел. Несмотря на достаточно мягкое предупреждение, Кобулов возмутился и настроил письмо Фитину, в котором жаловался на то, что его работу критикуют, и просил денег, поскольку жизнь за границей дорогая. Его просьбу удовлетворили, но от греха подальше решили заменить на другого резидента — А. М. Короткова.

В апреле 1940 г. Коротков приехал на место и через некоторое время восстановил связь с Корсиканце» и Старшиной. От них узнал важные сведения о приготовлениях Германии к войне с Советским

Союзом. Но вскоре встречи пришлось на время прекратить, поскольку одна из сотрудниц угодила в ловушку гестаповцев. В Москве насторожились, приказали Короткову заморозить контакты и вернуться в СССР, что он и сделал в конце осени 1940 г. Руководство составило новый план, в котором почему-то основное внимание уделено обеспечению безопасности советских учреждений за границей. Лишь небольшая его часть была посвящена вопросу о военных приготовлениях Германии. При этом поручалось установить ее намерения по использованию экономических ресурсов СССР в случае начала военных действий. Сейчас очевидно, что военная подготовка Германии и должна была стать главным направлением во всей работе с немецкой резидентурой, но, видимо, в то время исходили из других соображений.

В январе 1941 г. Коротков (Захар) отъехал в Берлин, где Корсиканец сообщил ему о том, что для вооруженных сил Германии поручено составить карту промышленных объектов Советского Союза. Он видел в этом явный намек на цели, которые предполагается захватить или уничтожить. Эта информация сразу же была направлена в Москву.

От всех участников антифашистской группы поступали сведения, свидетельствующие об интенсивной военной подготовке Германии к нападению на СССР. Например, Старшина узнал о планах штаба ВВС, в которых предполагалась бомбардировка Ленинграда, Киева и других объектов на со-

ветской территории, об окончании подготовки к агрессии. Эти сведения надлежало правильно оценить и отреагировать адекватными действиями. Однако Короткову из Центра напоминали, чтобы он не «клевал» на англо-американскую и немецкую дезинформацию. Резидент же был полностью уверен в достоверности полученных сведений. В середине марта 1941 г. Корсиканец получил информацию о том, что «подготовка удара по СССР стала очевидностью». Что и было доведено до сведения наркома госбезопасности В. Н. Меркулова.

Конечно, советская внешняя разведка постоянно сообщала получаемые от резидентов в Берлине сведения высшему руководству страны. Проблема была в наличии среди истинной информации о приближающейся войне фактов противоположного характера, над чем ломали голову в Центре уже давно, а особенно напряженно — с весны 1941 г., когда ситуация стала резко ухудшаться. Было решено освободить Корсиканца от подысточников (других членов антифашистского движения, от которых он также получал сведения), чтобы он самостоятельно и тщательно анализировал только материалы, попадающие напрямую к нему. Со стороны это выглядело так, будто его отодвигают. Поэтому, когда из Центра пришло соответствующее указание, Коротков долго подбирал правильные слова, так как без Харнака работа группы была немыслима. Корсиканец все понял и согласился познакомить резидента с другими антифашистами. Коротков благополучно

наладил прямые контакты с некоторыми участниками группы, в частности со Старшиной, К. Беренсом (Лучистым), Стариком. Правда, эти меры не облегчили для Центра задачу по проверке и оценке информации из Германии.

Весной 1941 г. Старшина передал Короткову сообщение: «Возможен неожиданный удар. Будут ли при этом выдвинуты германской стороной какие-либо требования, неизвестно. Первые удары германской авиацией будут нанесены по узлам Мурманска, Вильно, Белостока, Кишинева, авиазаводам Москвы и ее окрестностей, по портам Балтики, Беломоро-Балтийскому каналу, железнодорожным линиям в направлении границ и мостам». Резидент переправил донесение в Москву, где оно вызвало переполох. Руководство внешней разведки даже не решилось доложить вышестоящему начальству и уведомило Разведуправление Генштаба. Обстановка общей неуверенности царила и там, поэтому военные разведчики посчитали, что сообщение напоминает провокацию, хотя и признали, что источник, вероятно, сообщал достоверную информацию.

Короткову такая реакция Центра казалась странной. Он не понимал, почему не верили его немецким друзьям, причем в то время, когда решалась судьба родины. Но все-таки, раз угроза войны была, в марте—апреле 1941 г. Москва предприняла ряд мер по формированию в Берлине нелегальных резидентур, обеспеченных радиосвязью с Центром. Радиосвязь играла важную роль в сохранении контак-

тов с немецкой резидентурой и между группами Сопrotивления. Радистом назначили коммуниста Г. Коппи, а вот соответствующее техническое оборудование пришло лишь в начале мая. В багаже обнаружили 2 портативные радиы, работавшие от батареек. Радиус действия устройства достигал 1000 км. Принимающая база находилась около Бреста. Короткову при виде маломощных радиий на батарейках оставалось только почесать затылок. Ему было непонятно, во-первых, как ими пользоваться: инструкция отсутствовала; во-вторых, как с их помощью можно поддерживать устойчивую связь антифашистской группы с Центром. Что касается базы на границе с Польшей, то резидент подумал, что советские войска будут бить врага на его территории.

Тем временем группа Корсиканца продолжала собирать тревожные сведения. Касались они завершения подготовки нацистов к агрессии против СССР. 16 июня 1941 г. в Москву ушло известное сообщение, предупреждавшее о том, что война может начаться в любой момент. По поручению Фитина информацию немедленно довели до сведения Сталина и Молотова. В своих мемуарах начальник разведки вспоминал, что 17 июня Сталин вызвал к себе его и Меркулова. Войдя в кабинет, посетители остались стоять у двери, тогда как Сталин, покуривая трубку, молча прохаживался вдоль стола и периодически поглядывал на подчиненных, как будто пытаясь определить, понимают ли те всю сложность ситуации. Через некоторое время Иосиф Виссарионович оста-

новился напротив Фитина, пристально посмотрел ему в глаза и сказал, что знает содержание сообщения. Он попросил разъяснить, откуда и как источник получает эти сведения, почему ему верят и может ли главный разведчик поручиться за его правдивость и искренность.

Фитин, справившись с волнением, разъяснил, что источник уже давно делится с советской разведкой достоверной информацией, будучи убежденным антифашистом, и по поводу его честности у разведки сомнений нет. На это Сталин возразил, что верить можно только одному немцу — В. Пику. Он поручил все тщательно перепроверить. По мнению Меркулова, которое он высказал Фитину на обратном пути, Сталин имел в виду, что доверять можно только немецкому коммунисту.

В докладной записке о членах «Красной капеллы» шеф гестапо Г. Мюллер отмечал: «Как явствует из протоколов допросов, подсудимые боролись не только против национал-социализма. В своем мировоззрении они настолько отошли от идеологии Запада, который считали безнадежно больным, что видели спасение человечества только на Востоке».

Поручение Сталина нужно было выполнять, для чего в единый список свели все сообщения Харнака и Харро Шульце-Бойзена с информацией о подготовке Германии к войне. Количество таких с на-

чала 1941 г. превышало цифру 100. Центр намеревался переслать список в Берлин и потребовать подтверждений, но не успел, поскольку наступило 22 июня и подтверждений уже не потребовалось.

Список сообщений Корсиканца, так называемый «Календарь», до сих пор хранится в архиве СВР РФ. В трагическом мае в Берлин успели уйти последние распоряжения по активизации «Красной капеллы».

Центр дал резидентуре в Берлине указания уничтожить секретные документы и обеспечить контакты с агентурой. Для чего сотрудник советского посольства В. М. Бережков вместе с Коротковым, якобы влюбленным в немецкую девушку и желающим с ней проститься, 24 июня выехал из охраняемого посольства. С собой они везли замаскированный под чемодан радиопередатчик, который был передан женщине из группы антифашистов вместе с кодом для шифровки букв и деньгами.

Уже 2 июля всех работников посольства вывезли из города. Через Турцию они попали в Ленинанкан. Таким образом, «прощание с девушкой» резидента оказалось последним свиданием советских разведчиков с представителями «Красной капеллы». Москва не сообщила длину своей волны для того, чтобы ее можно было услышать, да и возможности все равно не было, потому что в первые дни войны принимающая станция под Брестом была разрушена. Попытки поймать сигналы от агентов в Берлине из Великобритании и Швеции также не увенчались успехом.

А в это время антифашисты пытались передать в Центр важные сведения. В частности, Старшина сообщал о планах нацистов на 1942 г. Предполагались боевые походы на Кавказ, где имелись запасы нефти. Особенно немцев интересовал Майкоп. Такое любопытство было вызвано серьезным дефицитом горючего. Педантичные немцы подсчитали, что после марта 1942 г. вся их техника встанет. Также они планировали увеличить группировку германских войск под Москвой и Ленинградом воздушными десантниками, принимавшими участие в боях за Крит. Атаковать Ленинград, по сведениям антифашиста, немцы не собирались, предприняв вместо этого плотную блокаду города. Кроме того, в донесении подчеркивалось, что за первые месяцы войны количество немецких самолетов сократилось, а пополнение тормозилось из-за разрушения основной массы авиационных заводов в захваченных странах. По части химической войны Германия обладала большими возможностями. Указывались расположения ставки фюрера и штаба Г. Геринга, хотя отмечалось, что места постоянно менялись.

Информацию по радио адресат так и не получил. Впрочем, по каналам нелегальной разведки Центр все-таки узнал все, что ему предназначалось. Разведданные довели до сведения Главнокомандующего, который высоко их оценил. Но необходимая постоянная связь с «Красной капеллой» по-прежнему отсутствовала. Советская разведка решила направить в Берлин связного. Отобранные опытные аген-

ты никуда выехать не смогли, поскольку 1 из них получил травму на тренировке. Тогда в январе 1942 г. шведской резидентуре СССР поручили самостоятельно найти курьера. В качестве связного в Берлин отправили директора одной из фирм, известного под псевдонимом Адам. Он посетил столицу Германии лишь в июне и встретился с радистом антифашистов К. Шульце. Последний пожаловался на нехватку деталей для рации и анодных батарей питания, сказав, что по этой причине не может связаться с Центром. По неизвестным обстоятельствам явки, сообщенные Адаму, оказались провалены, и Берия утверждал, что Адам является провокатором, из-за которого источники информации в Берлине арестованы. Хотя никаких свидетельств его причастности к арестам в архивах разведки обнаружить не удалось.

Советская разведка решила попробовать заброску в тыл немцев 2 парашютистов: А. Хесслера (Франц) и Р. Барта (Бек). Первый уже давно был борцом с фашистским режимом, а 2-й — военнопленным, принадлежавшим к Коммунистической партии Германии. Их направили в разведшколу для подготовки по особой программе.

В августе 1942 г. Хесслер без затруднений добрался до Берлина. В начале и конце сентября в Москве услышали его рацию. 9 сентября Бек уведомил Центр о прибытии на место. Позднее стало известно, что гестаповцы схватили обоих парашютистов. В середине октября как ни в чем не бывало связь с ними восстановилась. Полезной информа-

ции было мало, и в сообщениях содержались намеки на определенные проблемы и на арест некоторых членов группы.

В октябре от посланников стали поступать странные радиogramмы, составленные в непривычной для них манере. Дешифровать их не удавалось. На изменения в стиле не обратили внимания и после того, как Бек сообщил об исчезновении Хесслера, даже передали ему явки к ценным контактам. Вероятно, его прочили на должность главы группы берлинских источников информации, но Бек в ответ посылал путанные объяснения о провале всех явок.

При должном внимании можно было бы догадаться, что Москва общалась с гестапо. В сообщениях присутствовали нехарактерные ошибки, отмечалась неуверенность действий, что, скорее всего, было способом предупредить Центр. К сожалению, никто не принял во внимание необычность посланий. Отмечалось только, что это могло быть сознательным поведением или следствием плохих погодных условий и удаленности. Сейчас уже не узнать, ставилась ли перед радиоцентром задача фиксировать отклонения в сообщениях. Когда Хесслер догадался, что его предупреждения уходят в пустоту, он отказался помогать гестаповцам, за что и был расстрелян в начале 1943 г.

Р. Барт окончил свою жизнь не менее драматично. Под конец войны он попал в плен к американцам, которым рассказал об участии в радиоигре немцев с англичанами. По просьбе Москвы его передали Советам. На Лубянке быстро выяснили, что

всех пленных в Германии помечали и следили за их возвращением. Когда Барт в нарушение инструкций навестил свою жену, то его схватила германская контрразведка. Поскольку он признался в том, что выдал ей Хесслера, то совещанием при НКВД СССР его приговорили к расстрелу как изменника.

Все эти события имели самое непосредственное отношение к «Красной капелле». Петля смертельной опасности все туже затягивалась на шеях участников антифашистской группы. Нацисты собрали сотни метров записей «концертов» неизвестных «музыкантов». Через год после регистрации 1-го сигнала в начале войны пленки даже хотели сжечь, но потом с новым энтузиазмом взялись за их расшифровку.

Ближайшей целью нацистов был арест хотя бы 1 антифашиста. Правда, такой возможности у них долго не было. В конце концов с помощью закрепленного на автомобиле подозреваемых «жучка» и некоторых других способов гестаповцы вышли на Старшину. Примерно в то же время из Барта «выбили» всю необходимую информацию. Этого момента немецкая контрразведка ждала давно. Ликвидация «Красной капеллы» началась после ареста Харро Шульце-Бойзена. До этого с середины 1942 г. за ним установили слежку и прослушивали телефон, изучали все его контакты, чтобы определить остальных участников Сопротивления. Довести до конца замысел не удалось, поскольку сотрудник службы радиоперехвата Х. Хайльман, симпатизировавший Старшине, предупредил его. 31 августа 1942 г. в слу-

жебном кабинете Шульце-Бойзена арестовали, а на рабочее место усадили гестаповца, чтобы тот отвечал на звонки. Сохранить арест в секрете не получилось — все тот же Хайльман, узнав о появлении незнакомо-го человека в кабинете Старшины, догадался обо всем и сообщил его супруге. Часть документов ему удалось спрятать, но большего он не успел, будучи задержанным 5 сентября. В середине месяца тайная полиция произвела массовые аресты. По состоянию на конец сентября в Берлине задержали около 70 человек, а на конец ноября — свыше 100.

Делу «Красной капеллы» присвоили наивысшую степень секретности, чтобы никто не знал о немецких патриотах, боровшихся с нацистским режимом. Допросы проводились с особой жестокостью, но антифашисты стойко переносили пытки. Обвиняемых было очень много, поэтому их разбили на группы, с которыми работали параллельно, причем показания одних часто использовали для обвинения других арестованных.

Среди множества способов избежать ловушек гестапо довольно необычен «обратный язык». Когда договариваются его использовать, то все делают наоборот или совершенно по-другому: на встречу приходят за несколько суток плюс какое-то время, значения слов противоположные — «все хорошо» означает «все плохо», «я скоро вернусь» — «я не вернусь» и т. п.

В последнем слове обвиняемые объясняли, что Германия в любом случае проиграет войну и поражение будет тяжелым. Они подтверждали свою приверженность демократической Германии, социальной справедливости, миролюбивой политике и международному авторитету своей страны. Причем все это «пианисты» связывали в первую очередь с СССР, тогда как в альянсе с западными странами видели лишь очередное унижение своей страны. Они с надеждой рассуждали о собственном пути, по которому пойдет послевоенная Германия. Сохранились письма некоторых осужденных участников «Красной капеллы», в которых они признавались в искренней любви к родным людям, к жизни, к родине, выражали уверенность в правильности выбранного пути и надежду на то, что светлая память о них дойдет до потомков.

До октября 1943 г. повесили 31 мужчину и обезглавили 18 женщин. Семь человек совершили самоубийство, 7 отправили в концлагеря, 25 — на каторгу, 8 — на фронт, нескольких расстреляли. Но даже столь кровавая расправа над основными участниками «Красной капеллы» не остановила остальных. Начальник политической разведки нацистской Германии В. Шелленберг писал в своих воспоминаниях, что полностью прекратить борьбу «Красной капеллы» так и не удалось.

Руководство Советского Союза высоко оценило подвиг немецких антифашистов. В октябре 1969 г. указом Президиума Верховного Совета СССР 32 членам «Красной капеллы» были присвоены награды,

из них 29 — посмертно. Основная часть награжденных относилась к группе Старшины — Корсиканца.

Смерш

Хотя публикаций о военной контрразведке СССР Смерш достаточно, многое до сих пор остается тайной. Значительная часть информации долгое время была закрыта, да и сегодня не все еще ясно. Это и логично, учитывая специфику деятельности организации и стремление советского руководства все засекретить.

Органы безопасности Вооруженных сил в СССР появились 20 декабря 1918 г. Периодически в этой структуре кое-что менялось, но суть оставалась прежней. Что касается конкретно Смерш, то основными направлениями этой организации были борьба с иностранными разведками, а также выполнение задач идеологического характера, связанных с высылкой лиц, ограничением свободы передвижения, переселением, возвращением на родину военнопленных, борьбой с инакомыслием.

В Великую Отечественную войну органы военной контрразведки вступили в виде 3 подразделений: 3-го управления Наркомата обороны, 3-го управления Наркомата Военно-морского флота и 3-го отдела Наркомата внутренних дел СССР. 17 июля 1941 г. их объединили в Управление особых отделов НКВД.

«Нашупывалась» эффективная организация ее деятельности уже в обстановке военного времени. В апреле 1943 г. произошло очередное реформирование структуры в Главное управление военной контрразведки, названное хлестко — «Смерть шпионам» (Смерш).

Управления Смерш имелись в Наркомате обороны, в Наркомате Военно-морского флота. Отдел контрразведки существовал при НКВД. Фактическое руководство взял на себя И. Сталин. Основной задачей органов контрразведки определялась борьба с агентурой противника, со внедрившимися в войска антисоветскими элементами, с изменниками Родины и предателями, с дезертирами и членовредителями. Официальным начальником контрразведки назначили опытного сотрудника НКВД В. С. Абакумова, сделавшего головокружительную карьеру, начиная с рядового сотрудника и заканчивая главой одного из самых значительных силовых ведомств. Правда, завершилась его карьера трагично — 19 декабря 1954 г. Абакумова расстреляли с клеймом «враг народа».

Особенно активная деятельность Германии по заброске в советский тыл специально подготовленных агентов пришлось на 2-ю половину 1943 г. и весь 1944 г. Чаще это были военнопленные Красной армии (иногда — эмигранты), согласившиеся работать на врага ради выживания. Этим людям нельзя не сочувствовать, поскольку посылали их на задания, от которых перевербоваться они не могли. Причем

сзади на них были направлены штыки нацистов, а спереди советская контрразведка безжалостно уничтожала «изменников Родины».

Начиная со 2-й половины 1943 г., контрразведка стала активно участвовать в радиоиграх с нацистами, чтобы парализовать деятельность немецкой разведки и способствовать победе над врагом. Выглядело это следующим образом: противнику от лица засланных ими же немецких агентов или завербованных ими советских граждан передавалась дезинформация, разработанная с учетом указаний Генерального штаба. К концу 1943 г. радиоигр, которые вел Смерш, насчитывалось 83. Советское командование придавало огромное значение дезинформированию противника. В январе 1945 г., когда уже не возникало сомнений в поражении Германии, активно функционировали 6 радиоточек контрразведки, в феврале — 4, столько же — в апреле, а последняя длилась 20 дней и называлась весьма символично — «Финал». Именно она морзянкой возвестила о завершающем этапе войны.

В период с 1943 г. до самого конца войны центральный аппарат контрразведки вместе с соответствующими подразделениями на фронтах провел 186 радиоигр, заманив на советскую территорию более 400 штатных сотрудников немецких разведывательных служб и нацистских агентов, перехватив не 1 десяток тонн грузов. В 1941 г. в сфере своей ответственности (прифронтовой зоне) Смерш обезвредил примерно 45 % всех пойманных вражеских агентов.

В 1943 г. их количество уже достигло 55 % и в последние годы войны находилось на уровне 88 %.

На одну лишь Курскую битву пришлось свыше 1500 обнаруженных контрразведкой германских агентов и диверсантов. В полосе Центрального фронта были раскрыты 15 разведывательно-диверсионных групп, включая ту, которой поручалось устранить командующего фронтом генерала К. Рокоссовского. В ходе Днепровской операции сотрудники Смерш нейтрализовали свыше 200 немецких агентов и 21 разведывательно-диверсионную группу. В 1944 г. контрразведчики предупредили подготовку покушения на Главнокомандующего СССР. При проведении Советской армией Висло-Одерской операции были обезврежены 68 засланных групп противника, а в ходе Кенигсбергской операции — 21.

Деятельность Смерш была хорошо скоординирована и осуществлялась в виде специальных операций. Можно упомянуть операцию «Березино», в которой участвовали несколько тысяч человек, или операцию «Монастырь» по дезинформации врага.

Когда 3-я ударная армия 1-го Белорусского фронта вошла в Берлин, сотрудники Смерш проводили зачистку Рейхстага и Рейхсканцелярии; свой вклад они внесли и в поимку высокопоставленных нацистских лидеров, а также в опознание трупов Гитлера и Геббельса. Правда, за такую эффективную работу приходилось дорого платить. Служба в этой организации была очень опасной. Оперативник в среднем через 3 месяца выбывал из строя либо

по смерти, либо, если повезет, — по ранению. В кампании по освобождению Белоруссии погибли 236 и пропали без вести 136 смершевцев. Не одна тысяча контрразведчиков сложила головы на полях сражений. Среди смершевцев немало награжденных. Первым, кто был удостоен звания Героя Советского Союза, к сожалению, посмертно, стал старший лейтенант П. Жидков. Во время неожиданного нападения превосходящих сил противника он личным примером вдохновил солдат на контратаку.

Рассказывая о героической составляющей работы контрразведчиков, нельзя не упомянуть о другой ее стороне. Например, Сталин считал советских немцев возможными предателями, в результате чего в 1941—1942 гг. в восточные регионы СССР переселили 367 000 советских немцев, а в следующем году — 187 000. Ключевую роль здесь играли смершевцы, которым поручалось выявлять советских немцев в рядах вооруженных сил и посылать их валить лес в Сибирь или на Урал. Кроме того, контрразведчики участвовали в депортациях: крымских татар — 183 000 человек, греков, болгар, армян — 37 000, чеченцев и ингушей — около 500 000, калмыков — 93 000, карачаевцев — 69 000, балкарцев — 33 000. Эхо тех событий звучит в России по сей день в виде националистических движений, беспокойной обстановки в некоторых регионах и затаенной людской обиды.

Жестко смершевцы поступали с теми из военнопленных, которым «посчастливилось» вырваться из нацистских лагерей смерти. Относились к таким бегле-

цам в соответствии с высказыванием Сталина: «Русских в плену нет, русский солдат сражается до конца, если он выбрал плен, он перестает быть русским».

Смершевцы следили за беженцами, переехавшими в Европу из России после революции 1917 г., за пленниками, угнанными на работы в Германию с захваченных территорий, и за теми, кто сражался против большевиков на стороне противника (власовцами). Как правило, их насильственно высылали в СССР, а с некоторыми контрразведчики расправлялись независимо от степени вины, поскольку видели в них «врагов народа». Например, 31 октября 1944 г. британские корабли высадили в Архангельске советских граждан, бывших в плену у немцев или угнанных на работы. Контрразведчики, выполняя приказ, их расстреляли.

П. И. Прядко (Гальченко) был внедрен в спецшколу немецкой разведки. За 16 месяцев отсутствия связи он собрал важную информацию и передал ее с проверенными агентами. Будучи сотрудником абвера, Прядко встретил девушку, подготовил ее и помог переправиться через линию фронта с сообщением. Потом она стала его связной, а после войны — супругой.

Расправы над советскими военнопленными смершевцы производили и в Западной Европе. В австрийском городе Лиенце они расстреляли эмигрантов-казаков. Надо сказать, что таких «предате-

лей» не нужно было долго искать, поскольку западные страны по предварительной договоренности с Советским Союзом выдавали их сами.

Под конец войны политическое руководство СССР усмотрело признаки инакомыслия в самом Смерш. Прошли аресты офицеров-контрразведчиков. В их числе был и известный разоблачитель ужасов ГУЛАГа А. Солженицын.

Но все-таки главными врагами Смерш были абвер (немецкая разведка и контрразведка), полевая жандармерия и Главное управление имперской безопасности. В начале 1942 г. в Германии появился специальный орган под названием «Цеппелин», предназначенный для организации заброски агентуры в глубокий тыл советских войск. В ноябре 1942 г. нацистами была сформирована сеть школ, подготавливавших разведчиков и каждый год выпускавших до 10 000 агентов, диверсантов и террористов. В 1944 г. был образован «Ваффен СС Ягдфербанд» под руководством Отто Скорцени. В задачи организации входило осуществление диверсионно-террористических операций.

С 12 февраля 1944 г. после очевидного поражения в борьбе со смершевцами в качестве самостоятельного образования абвер больше не существовал. «Цеппелин» тоже оказался бесполезным, в чем признался Г. Гиммлер в 1943 г.

Неудачи германских спецслужб на ниве тайной войны вполне объяснимы. Высокий профессионализм советских контрразведчиков позволял эффективно выполнять поставленные задачи. В руководство

немецкой разведки и школы внедрялись агенты. За первые 2 года войны был накоплен бесценный опыт. Смершевцы научились не только срывать планы неприятеля, но и перешли к активным действиям по разложению механизма немецкой разведки изнутри. Основной упор делали на проникновение опытных советских разведчиков в исполнительный аппарат вражеской организации. Таким образом советские контрразведчики могли заранее узнавать планы врага и поступать соответствующим образом.

Довольно показательны в этом смысле истории смершевцев Н. Матвеева и М. Каращенко. Первый умудрился проникнуть в подразделение немецкой разведки и 4 раза был послан врагом в советский тыл в качестве разведчика, за что получил «Восточную медаль». Второго также отметили наградой за результативные вылазки в лагерь противника и добычу важных разведданных (на самом деле их ценность была противоположной, поскольку являлась дезинформацией Смерш). Причем нацистская разведка ни разу не попыталась провернуть что-либо подобное и ввести своих агентов в органы Смерш, возможно, полагая, что это неосуществимо. Основная вражеская тактика заключалась в массовой заброске агентов в советский тыл. Она показала себя малоэффективной.

Просуществовал Смерш до мая 1946 г. Потом, согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП (б) ГУКР (Главное управление контрразведки) он вошел самостоятельным главным управлением в Министерство государственной безопасности СССР.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕМЕЦКОЙ РАЗВЕДКИ В ПРЕДВОЕННЫЕ И ВОЕННЫЕ ГОДЫ

Абвер

Разведывательная и контрразведывательная структура Германии появились уже после Первой мировой войны. По условиям Версальского договора количество сухопутных войск страны, потерпевшей поражение, не могло превышать 100 000 человек. Требования договора предписывали ликвидировать обязательную военную службу, ограничить состав и численность флота, запрещали развивать танковые и авиационные части, иметь Генеральный штаб и наступательную разведку. Испытанное тогда унижение породило у немцев желание взять реванш. По инициативе офицеров прежнего Генштаба и развед-

ки с конца 1919 г. разведывательные службы разных войсковых объединений начали создавать единую организацию, которая в 1921 г. стала структурной единицей Министерства обороны и получила название абвер (в переводе с немецкого — «оборона»).

Поначалу это была небольшая структура из нескольких человек, но в 1925 г. ее расширили, в результате чего она приобрела классическую форму. В это время между абвером и разведкой военноморского флота возникло недопонимание, а в 1928 г. эти 2 спецслужбы были объединены.

Когда к власти в Германии пришли нацисты, в январе 1935 г. во главе абвера поставили опытного капитана 1-го ранга В. Канариса. До него разведывательная служба выполняла узкоспециализированные армейские задачи и не обладала политическим весом. При Канарисе абвер разросся, взял на себя новые функции, стал оказывать влияние на политику страны. Причем разведка часто конкурировала со службой безопасности (СД) и тайной полицией (гестапо). В 1936 г. благодаря Канарису было достигнуто соглашение о разграничении полномочий указанных спецслужб — Договор десяти заповедей.

За СД закреплялась политическая разведка в государстве и за рубежом, за гестапо — расследование политических и уголовных дел, а за абвером — военная разведка и контрразведка. Последняя примерно до середины Второй мировой войны оставалась основной спецслужбой Третьего рейха по осуществлению военной разведки за границей.

Впрочем, конфликты с СД и гестапо полностью устранить не удалось. В конце 1936 г. в резиденции абвера нашли микрофоны. Разразился скандал, в который пришлось вмешаться Гитлеру. Но и после этого настороженность в отношениях между спецслужбами сохранялась.

При Канарисе разведка заметно активизировалась. Используя высотные самолеты-разведчики, немцы время от времени проводили аэрофотосъемку территорий Польши, Франции, Великобритании, Чехословакии. В Гибралтарском проливе разместили фотоаппаратуру для съемки проплывающих судов. Аналогичную технику нацисты применяют и на побережье Ла-Манше после оккупации Франции. Фотографирование могло осуществляться и в инфракрасных лучах. Специально для разведки было изготовлено оборудование, позволявшее делать фотоснимки размером около 1 мм², которые использовались для передачи информации от резидентов за границей.

Разведка активно вела промышленный шпионаж, к которому привлекались возможности германских фирм. Крупные компании всегда имели разведотдел, поставлявший сведения не только хозяевам, но и абверу. Разведка против Франции не представляла сложности. Под видом торговцев, туристов, журналистов туда часто засылали агентов. С Великобританией дела обстояли хуже. На этом направлении «палки в колеса» вставляла английская контрразведка МИ-5. Да и географические особенности

расположения острова затрудняли работу. МИ-5 с помощью радиоигры выявила почти всех нацистских агентов (120). Через некоторых из них англичане снабжали немцев дезинформацией. Перевербованный немецкий агент Вольф Шмидт с 1940 г. и до конца войны исправно сообщал своему нацистскому начальству информацию, согласованную с британской контрразведкой. Можно привести множество других примеров: все дело в том, что польские, французские и английские специалисты совместно раскрыли коды шифровального аппарата «Энигма», распространенного в вооруженных силах Третьего рейха. Именно поэтому многие тайные планы Германии переставали быть таковыми.

В 1930-е гг. абвер интересовался в США по преимуществу экономическими вопросами, уделяя основное внимание возможностям американской промышленности по производству военной техники. Сведения шли как через немецкие компании, участвовавшие в международных концернах, так и от агентов, которых чаще засылали через Аргентину и Бразилию. Сперва их легализовывали в этих странах. Тактика заброски разведчиков напрямую себя не оправдала. Так, в 1942 г. на американский берег с субмарины высадили 8 диверсантов, но их задержали в течение 2 недель.

Нейтральные государства также попадали под наблюдение немецких спецслужб. В 1940 г. сотрудники их разведки уничтожили мостовое сооружение с железнодорожными путями в Южной Франции,

чтобы помешать поставкам в Британию швейцарского агата, который применялся во взрывателях зенитных снарядов. Одним взрывом убили 2 зайцев, поскольку, кроме самого виадука, подорвали грузовой поезд с сырьем.

Перед Второй мировой войной руководитель абвера наладил тесные контакты со спецслужбами Эстонии, Японии, Испании, Румынии, Австрии, Финляндии, Венгрии, Италии. Когда Германия захватила Австрию, начальник австрийской разведки передал немцам всю документацию спецслужб министерства обороны.

В абвере предполагали, что из русских военнопленных можно будет завербовать многих агентов, которые, по идее, должны были быть подавлены успехами немецкой армии и негативно относиться к советской власти. Расчеты оказались ошибочными. Г. Гиммлер в директиве от 18 декабря 1941 г. отмечал: «Пленные, в особенности молодое поколение, беззаветно преданы большевикам. Они способны на всякую низость...»

Еще до абвера Канарис завел связи с испанскими спецслужбами, влиятельными военными и политиками, сформировал в Испании агентурную сеть. Как раз благодаря этим связям удалось подготовить путч генералов, во главе которого поставили генерала Ф. Франко. Германия, оказав помощь Испании

в ходе гражданской войны, до конца Второй мировой войны использовала ее в качестве основной базы для противодействия Великобритании и США.

4 февраля 1938 г. в Германии образовали Верховное командование вооруженных сил (ОКВ), в которое Абвер вошел как Управление разведки и контрразведки, встретив войну в качестве Управления ОКВ «Заграница-абвер». Состояло оно из центрального аппарата из 5 отделов, напрямую подотчетных Канарису. Отделу абвер-1 (А-1) поручили создавать резидентуры за границей и добывать необходимые сведения о других странах. Он дробился на 12 подотделов: 1-Z выполнял общее руководство, 1-Н ост, 1-Н вест и 1-Н норд — агентурную разведку в соответствующих регионах, 1-L — разведку для воздушных сил. Разведкой для военно-морских сил ведал подотдел 1-M, 1-КО занимался вопросами мобилизации, 1-G — снабжением агентов всеми необходимыми предметами, например фальшивыми документами, изготавливавшимися в специальной лаборатории. Подотделы 1-I и 1-I/Lw проводили разведку с использованием разнообразной техники, в частности аэрофотосъемки, 1-i осуществлял радиосвязь с агентами, а 1-Wi занимался промышленным шпионажем.

В зону ответственности отдела абвер-2 входила диверсионная работа за рубежом и в тылу войск противника, а также психологическая война. Состоял он из подотделов: администрации (2-A), «Вест», «Ост» и «Зюйд-ост», морского подразделения, лабо-

ратории. Кроме того, отдел контролировал диверсионную школу (2-Те), эскадрилью «Гартенфельд», которая занималась заброской агентов, и полк особого назначения «Бранденбург-800».

Отдел абвер-3 проводил контрразведывательные мероприятия в армии и военной промышленности, присматривал за неразглашением военной тайны и организовывал внедрение агентов в иностранные спецслужбы. Когда полыхнула Вторая мировая война, этот отдел занялся борьбой с антифашистами в самой Германии и на оккупированных территориях, плотно взаимодействуя с тайной государственной полицией и службой безопасности. Он состоял из 15 подразделов. Общее руководство осуществлял 3-А, 3-В занимался общими вопросами безопасности, 3-Н — контрразведкой в сухопутных войсках, 3-Л — контрразведкой в военно-воздушных силах. Контрразведкой на флоте ведал подраздел 3-М, контрразведывательной защитой промышленности — 3-Wi. Аналитикой занимался 3-G, 3-D осуществлял дезинформацию противника, 3-N и 3-K — контрразведку в СМИ и на радиовещании. Учебная структура отдела была на попечении 3-U, военная безопасность — 3-Z, контрразведка и вербовка агентов в лагерях для военнопленных — 3-K, зарубежная контрразведка (внедрение в спецслужбы) — 3-F, радиоперехват и расшифровка сообщений — 3-F/Fu.

В 1936 г. в при абвере-3 организовали полевую тайную (военную) полицию для содействия контрразведке в осуществлении арестов и допросов. Числен-

ность полиции в середине Второй мировой войны достигала 7000 человек. Однако в 1942 г. ее функции перешли к СД.

Отдел «Заграница» включал в себя 17 подотделов, работал с МИДом, давал указания военным атташе, собирал информацию из доступных источников (литературы, радио).

Основной отдел абвера — отдел Z, в структуру которого входили 7 подотделов. Направления деятельности — административные, кадровые, финансовые, юридические вопросы, ведение центрального архива и документации на агентов.

Абвер поучаствовал в подготовке оккупации Чехословакии, развязывании войны с Польшей и Францией. Несомненным успехом немецкой спецслужбы можно считать захват архива польской разведки, ликвидировать который не успели. Немцы обнаружили бункер, где хранился архив. Материалы перевозили в Германию на 6 грузовых машинах. Нацистам оказались весьма полезными сведения о польских агентах в СССР и Европе, о расположении советских и британских воинских частей. Полученная информация учитывалась при планировании операций «Морской лев» (предполагавшееся вторжение на острова Туманного Альбиона) и «Барбаросса» (нападение на СССР). Часть раскрытых польских агентов была перевербована.

Практически сразу после начала войны с СССР абвер потерял весомую долю своего значения. В июне 1941 г. командование вооруженными сила-

ми Германии, ревностно наблюдавшее за ростом влияния руководителя разведки, недовольное его вмешательством в военные вопросы и испытывавшее «головокружение» от успехов немецкой армии на Западе, «продавило» директиву, в соответствии с которой за абвером закреплялась агентурная работа исключительно в прифронтовой зоне. Таким образом ранее обширная деятельность абвера теперь свелась к стандартной тактической разведке под контролем военных. Впрочем, в сентябре 1941 г., когда голова у нацистов перестала кружиться, Гитлер отменил директиву.

Еще до непосредственных боевых действий в СССР немецкая разведка стала забрасывать на территорию противника многочисленные диверсионно-разведывательные группы и отдельных террористов. Перед ними ставилось множество задач. Они оборудовали склады оружия, места для парашютных десантов, производили взрывы, нарушали связь, размещали ориентиры для воздушных бомбардировок на военных, промышленных и транспортных объектах. Также они отравляли воду, привлекали к сотрудничеству кадры, которые подавали бы сигналы и указывали цели для самолетов, формировали антисоветские банды, совершали поджоги.

Начиная с мая 1941 г., диверсанты приступили к своей работе. Например, в Таурагском уезде Литовской ССР, расположенном вдоль границы с подконтрольной немцам территорией, огнем были уничтожены приблизительно 400 га леса, в Тракайском

езде — 200 га. Пожары, устроенные «засланцами», тушили всем миром: пограничники, военные, местные жители, которые к тому же очень помогли в поимке террористов. В период с 18 по 22 июня 1941 г. на минском направлении чекисты нейтрализовали 211 диверсионных групп и одиночек.

Недалеко от Варшавы появилась штаб-квартира специальной структуры под названием Вали-II, призванная усилить эффективность диверсионно-террористической деятельности. Под ее контролем находились диверсионные группы, которые закреплялись за воинскими подразделениями и на значимых направлениях фронта засылались в советский тыл для его разрушения.

Когда немцы проиграли Московскую битву, Гитлер раскритиковал качество разведданных об СССР, полученных абвером. Канарис попытался исправить положение с помощью «тотального шпионажа» — массовой заброски агентов. Для этого не хватало людей. Тогда в Германии и на оккупированных территориях организовали 60 специализированных учебных заведений для подготовки агентов. Их вербовали из лояльно настроенных местных жителей и военнопленных. Поскольку управленческий аппарат стал слишком громоздким и неуправляемым, в Риге, Минске, Каунасе, Таллине, Вильнюсе были учреждены региональные представительства немецкой разведки.

Аналогичную с абвером диверсионную работу выполнял разведывательный орган «Цеппелин» под руководством Отто Скорцени. Во многих случаях абвер и «Цеппелин» проводили совместные мероприятия.

В 1942 г. около г. Бологое Тверской области диверсанты Отто Скорцени пустили под откос несколько советских поездов, перевозивших войска. Сотрудники немецкой разведки в 1942 г. взорвали мост возле Минеральных Вод, заняли мост рядом с Пятигорском и ждали, пока не подойдут немецкие части.

В общей сложности в 1942 г. на территорию Советского Союза были заброшены примерно 20 000 агентов. Но надежды, связанные с тотальным шпионажем, не оправдались. С октября 1942 по сентябрь 1943 г. были подготовлены и засланы 150 разведывательных и диверсионных команд. Однако вернулись из них лишь 2, к тому же они не сообщили ничего ценного. Остальных поймали смершевцы или они сами сдались. Серьезными неудачами абвера признают советские операции «Монастырь» и «Березино». Советские разведчики по всем параметрам переиграли немцев. Конечно, этому способствовало то, что 1 из участников «Кембриджской пятерки» Джон Кернкросс имел непосредственный доступ к материалам расшифровки англичанами немецких сообщений.

Были у абвера и успешные операции. В частности, операция «Салям», в ходе которой высаживался десант агентов-радиостов в тыл британских войск в Северной Африке, и операция «Маргарете-I» как часть кампании по захвату Венгрии. Абверовцы, диверсанты Скорцени захватили стратегические объекты в Будапеште и задержали почти все руководство страны, чтобы она не вышла из войны.

Но дни Канариса на посту руководителя абвера

были уже сочтены. Все-таки он не был убежденным нацистом, контактировал с англичанами, иногда принимал на работу антифашистов и евреев. Причем подобные протестные настроения были распространены среди многих сотрудников разведки, особенно в центральном аппарате. Не утихало противостояние с РСХА — Главным имперским управлением безопасности (бывшим СД).

18 февраля 1944 г. Гитлер своей директивой сформировал единую разведывательную систему, во главе которой поставил Г. Гиммлера. Соответственно Канарису ничего не оставалось, как отойти в сторону. Его понизили до руководителя Управления торговой и экономической войны. Абвер распустили, а его отделы вошли в разные ведомства.

Когда очередное покушение на фюрера, совершенное 20 июля 1944 г., провалилось, многих бывших сотрудников абвера арестовали. После того как начальник политической разведки службы безопасности В. Шелленберг лично задержал Канариса, его долго пытали и 8 апреля 1945 г. повесили.

---

25 ноября 1936 г. между Японией и Германией было заключено военное соглашение, по сути направленное на совместную борьбу против СССР. Помимо технического взаимодействия между немецким и японским генеральными штабами, оно предусматривало и координацию действий разведки.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЯПОНСКОЙ РАЗВЕДКИ

В 1930-х гг. отношения между СССР и Японией не были спокойными. Постоянно происходили пограничные конфликты. Так, летом 1938 г. столкновение 2 государств имело место около озера Хасан на границе Советского Союза, Кореи и Манчжурии (северо-восток современного Китая и восток Внутренней Монголии). В этом конфликте японцы показали себя упорными бойцами. На самом деле для их стойкости была причина — японская разведка частично перехватывала радиопереговоры русских, что являлось значительным преимуществом.

С 1938 г. подобных конфликтов насчитывается более 1000. Наверное, самый известный из них — битва у Халхин-Гола в июне 1939 г. Неудивительно, что, будучи под прессингом советских войск, японская армия всячески пыталась ограничить советское военное присутствие на Дальнем Востоке. Немаловажное значение в этом играла японская разведка.

В Советском Союзе в 1930-х гг. функционировала серьезная и эффективная служба безопасности. Иностранные дипломаты сетовали, что советские чиновники вообще стараются с ними не общаться на скользкие темы. Условия работы для японских агентов были еще тяжелее, чем для представителей Запада, поскольку Москва воспринимала японцев как главных врагов на Дальнем Востоке. И. Сталина сильно встревожили агрессивные действия японцев в конце 1930-х гг. Японская миссия размещалась в определенном ей отеле, телефонные звонки прослушивались, переписка читалась, за всеми японцами устанавливалась слежка во всех местах вплоть до общественных туалетов. Но несмотря на такие препятствия, японская разведка регулярно добывала информацию через перебежчиков, агентов и с помощью радиоперехватов.

В Маньчжурии японцы держали Квантунскую армию, при которой имелось отделение разведки «Харбин Токуму-кикан» с прикомандированными к нему несколькими тысячами офицеров, получивших образование на русском языке в специализированной школе или образовательном центре. Эти учреждения ежегодно выпускали примерно 100 русскоговорящих офицеров. Самые надежные разведданные о России Япония получала от наблюдателей с границы Манчжурии и СССР. Разведгруппы постоянно следили за приграничной советской территорией и фиксировали количество солдат, танков и лошадей.

Значение разведки для Японии было предельно велико, поскольку она не могла похвастаться военно-экономической мощью. При этом война предполагалась с крупными и сильными странами — СССР, Англией и США. Конечно, победить в одиночку их никакая разведка не поможет, но японцы рассчитывали на военную машину Германии, которая должна была отвлечь на себя основные силы противника. Кроме того, японские военные планы включали в себя усиленную работу по разложению тыла противника и деморализацию с помощью многочисленных диверсионно-террористических актов.

В странах Азии японские разведчики нередко маскировались под религиозных, буддийских и других проповедников и священников, а в храмах и монастырях устраивали тщательно законспирированные опорные пункты для проведения шпионажа и диверсий. Иногда японские разведчики проникали в иностранные государства, гримируясь и переодеваясь прачками, парикмахерами, прислугой, поварами, грузчиками попадали на вражеские корабли для совершения диверсий. На Дальнем Востоке в советских водах Тихого океана японцы проводили разведку под видом рабочих в рыболовных хозяйствах. Зачастую их перебрасывали в СССР под видом корейцев и китайцев. Большое значение в работе японской разведки придавалось использованию антисоветски настроенных мусульман, в основном тюрок и татар. Много скрытых агентов присутствовало в Китае.

Ряды японских шпионов против СССР пополнялись за счет белых эмигрантов, в частности «харбинцев», контрабандистов корейской национальности, различных антисоветских элементов в самом Советском Союзе, например троцкистов, бухаринцев. Причем те, кто обладал партийными билетами, ценились выше, поскольку могли проникать на ответственные участки.

В Харбине были организованы специальные курсы для будущих шпионов в СССР, прятавшиеся под вывесками заведений, обучающих определенной профессии, например шофера, радиста и т. п. Завербованные должны были обучиться соответствующим техническим навыкам и проникать в СССР на военные заводы, значимые железнодорожные узлы и т. п.

На подконтрольной территории японцы довольно часто прибегали к предварительному задержанию лиц, которых предполагалось вербовать, чтобы в таких условиях склонять их к разведдеятельности в пользу Японии. Применялись запугивания с угрозой расправы с близкими людьми и жестокие пытки. При отказе от ведения разведывательно-диверсионной работы практиковался шантаж. Подобные методы воздействия оказывались весьма эффективными.

Порой японцы использовали родственные или какие-либо другие связи кандидатов в шпионы. Например, вне Советского Союза вербовали жен ответственных советских работников. После возвращения семейной пары в СССР принимались за мужа, склоняя его тоже к шпионажу, угрожая разоблачить супругу. Завербо-

ванных корейцев часто засылали под видом политически преследуемых элементов. В этом случае все выглядело как «побег» из японской тюрьмы, где они якобы находились за свою революционную деятельность.

Другим полезным источником были японские дипломатические курьеры, сотрудничавшие с разведкой. Они регулярно пересекали всю Сибирь по железной дороге, садясь во Владивостоке и выходя в Москве. После не слишком продолжительных тренировок курьеры могли запоминать количество составов, число примыканий и протяженность железнодорожных мостов. Таким образом японцы составили точную схему Сибирской железной дороги, чтобы оценить ее пропускную способность. Плоды своего труда японцы передали полякам, которые оказывали помощь в радиотехнической разведке. Иногда получалось добывать информацию непосредственно от русских.

Большое распространение получила радиоразведка. Еще в 1923 г. японцы стали активно интересоваться советскими средствами связи и шифрами, которые изучали с помощью польского специалиста Я. Ковалевского. Кроме того, из Страны восходящего солнца в Польшу с целью изучения советских шифров направлялись несколько агентов. В 1934 г. в Маньчжурии появился специальный отдел радиоразведки, занимавшийся расшифровкой радиопереговоров. На восьми станциях перехвата работали почти 1000 человек. Ежедневно они перехватывали до 20 радиопередач, а в общей сложности их количество в год равнялось приблизительно 50 000.

В мае 1936 г. от поляков японцы узнали ключ к шифру Советской армии (ОКК5), благодаря чему летом того же года взломали советские коды. Для японцев это было значительное достижение, позволившее им одерживать победы в пограничных конфликтах. Появившийся новый 5-значный цифровой код ОК40 японцы раскусить не смогли. Впрочем, это удалось сделать финским специалистам во время Русско-финской войны 1939—1940 гг. Они, в свою очередь, поделились этой информацией с японцами, которые таким образом смогли расшифровать новый код.

Военный историк Э. Кукс, изучавший разведку Японии, считал, что до конца 1941 г. она была по большей части топорной, ограниченной, неполноценной, негибкой, громоздкой. Однако по отношению к СССР все указанные эпитеты заменялись им на противоположные по значению.

Кроме нелегальной разведки, при Квантунской армии сформировали специальный отдел сбора информации из открытых источников. В нем работали 50 нанятых русских политических беженцев. В первую очередь их интересовали личные данные 4000 советских штабных офицеров. Также они выискивали указания на особенности расположения советских войск из радиопередач, газет, например из «Правды» и «Известий». Как ни странно, но это оказалось весьма эффективным способом разведки — так японцы предугадали вторжение СССР в Польшу в сентябре 1939 г.

За все предвоенное и военное время И. Сталин не смог организовать в Китае и Японии по-настоящему боеспособную резидентуру, поскольку за ту чисто символическую плату, за которую служили многие советские разведчики по всему миру (в основном они были преданны идее), большинство «жадных китайцев» и «хитрых японцев» подставлять свои шеи не хотели.

Перед Второй мировой войной японцы потратили много ресурсов на разведку против Советского Союза. Кроме всего прочего, это объясняется вступлением Японии в затяжное военное противостояние с Китаем, когда надо было опасаться удара СССР в тыл Квантунской армии. Таким образом, разведывательная деятельность Японии против Советского Союза перед и в начале войны была достаточно успешной. С началом в декабре 1941 г. тихоокеанской войны расплывать свои силы еще на США и Великобританию с сохранением той же эффективности Япония уже не смогла. Потому с этого момента японская разведка на советском направлении становится малопродуктивной.

После битвы за Гуадалканал (Соломоновы острова), переломного момента тихоокеанской кампании, продолжавшейся с ноября 1942 по декабрь 1942 г., которую Япония проиграла, основной ее задачей стало «замирение» России и Германии. Японцы хотели помочь немцам «развязать руки» и тем самым направить их силы против главных врагов Японии —

США и Англии. Основной расчет был на то, что даже если попытка не удастся, то определенный результат все равно будет. Сам факт таких контактов вызовет недоверие между союзниками по антигитлеровской коалиции, договорившихся не вступать в сепаратные переговоры с противником.

10 сентября 1943 г. японский посол в СССР Н. Сато в разговоре с наркомом иностранных дел В. Молотовым высказал идею о прибытии в Москву особой «миротворческой миссии». На что Молотов ответил: «При существующей обстановке в условиях нынешней войны Советское правительство считает возможность перемирия или мира с гитлеровской Германией совершенно исключенной». СССР отказался от сепаратных переговоров и уведомил США о «поведении» Японии. Однако неприятие Москвой таких переговоров Японию не смутило. На военном совещании 5 сентября 1944 г. фельдмаршал Г. Сугияма высказывался за возврат к миротворческим усилиям и заявлял: «Командование сухопутных сил, основываясь на данных разведки, считает, что Советский Союз с начала войны с Германией уже потерял более 15 миллионов человеческих жизней, лишился большей части материальных средств и испытывает усталость от войны... С другой стороны, хотя Гитлер вновь планирует наступление на восточном фронте, он вполне сознает невыгодность продолжения войны с СССР. Таково реальное положение, существующее между Германией и Советским Союзом. Именно поэтому складывается благоприятный момент для

активной посреднической помощи Японии в достижении перемирия между Германией и СССР».

Советскому руководству послали официальное предложение принять специальную японскую миссию. Посол СССР в США А. Громыко конфиденциально озвучил ответ для американцев: «Советское правительство, зная хорошо, что указанная миссия имеет своей задачей не столько вопрос об отношениях между Японией и СССР, сколько выяснение вопроса о возможности заключения сепаратного мира между Германией и СССР, отклонило предложение японского правительства».

Впрочем, даже это не остановило японцев. В 1945 г. они обратились к Сталину с просьбой помирить их с американцами и обещали в этом случае «добровольно» отдать Южный Сахалин и Курилы. Сталин на это не пошел.

Любопытен еще 1 момент. Рядовые японцы до сих пор уверены в том, что о секретных договоренностях в Ялте относительно вступления СССР в войну с Японией их правительство узнало только после войны. Однако это не совсем так. Скорее всего, политика замалчивания используется, чтобы обелить милитаристское руководство Японии того периода. Признание осведомленности об этом факте властей, несомненно, вызвало бы вопрос об их ответственности за атомные бомбардировки США и за вступление СССР в войну с Японией.

Что касается японской разведки, то в этом случае упрек неуместен, так как после окончания Ялтинской

конференции поляк-резидент в Лондоне под псевдонимом Иванов передал сведения о решении руководителей стран антигитлеровской коалиции, касающегося Японии. В 1985 г. Юрико Онодэра в своих мемуарах вспоминала о том, как, будучи с мужем (офицером разведки) в Скандинавских странах и выполняя функции шифровальщицы, она пересылала эти разведданные в Центр. Юрико пишет: «С тяжелым сердцем я шифровала сообщение о намерении СССР вступить в войну (с Японией — ред.), которое затем ушло в Токио».

Спустя 2 дня после конференции 14 февраля 1945 г. принц Ф. Коноэ обратился к императору Хирохито с докладом, в котором утверждал, что необходимо завершать войну, подчеркивая: «С точки зрения сохранения национального государственного строя наибольшую тревогу должно вызывать не столько само поражение в войне, сколько коммунистическая революция, которая может возникнуть вслед за поражением. Существует серьезная опасность вмешательства в недалеком будущем Советского Союза во внутренние дела Японии».

Заметила японская разведка и факт переброски советских войск с запада на восток, которая началась сразу после Ялтинской конференции. Из военного аппарата японского посольства в Москве в апреле 1945 г. доложили: «Ежедневно по Транссибирской магистрали проходит от 12 до 15 железнодорожных составов... В настоящее время вступление Советского Союза в войну с Японией неизбежно. Для переброски около 20 дивизий потребуется приблизительно два месяца».

Закончилось все следующим образом. Когда 7 августа 1945 г. президент США Г. Трумэн заявил о готовности сбросить на Японию атомные бомбы, последняя расценила это как «пропаганду союзников». Руководство страны даже не обсуждало вопрос бомбардировок на заседании Высшего совета по руководству войной. То, что бомбы все-таки упали на японские города, правительство не афишировало и продолжало подготовку к последней битве на своей территории.

Однако нападение на Квантунскую армию советских войск все поменяло. 9 августа премьер-министр Судзуки заявил: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным продолжение войны». Император Хирохито признал, что «...теперь, когда в войну против нас вступил и Советский Союз, продолжать сопротивление... означает поставить под угрозу саму основу существования нашей империи».

Спор по поводу того, нужна ли была ядерная бомбардировка для завершения войны, ведется давно. И у той и у другой точек зрения есть авторитетные приверженцы и противники. Более вероятным кажется вывод о том, что бомбы не закончили Вторую мировую войну, а начали «холодную». Британский исследователь П. Блэкетт заметил, что атомные бомбардировки по большей части служили актом против России. Да и Трумэн это подтверждал: «Если бомба взорвется — что, я думаю, произойдет — у меня, безусловно, будет дубина для этих парней». С этих пор для спецслужб Советского Союза началась новая эпоха.

Раздел 2

Знаменитые разведчики

РИХАРД ЗОРГЕ

Один из самых известных советских разведчиков Рихард Зорге родился 4 октября 1895 г. в столице Азербайджана — Баку. В 1898 г. он с отцом-немцем и матерью-русской переезжает в Германию близ Берлина.

Во время Первой мировой войны Рихард проходил службу в вооруженных силах Германии. На войне Зорге успел повоевать как с Францией, так и с Россией. На фронте получил 3 ранения, в результате чего хромотал всю жизнь, потому что одна нога была длиннее другой на 25 мм. Демобилизовавшись, он пошел учиться в Гамбургский университет на политолога. Под впечатлением от трудов К. Маркса будущая легенда разведки в 1919 г. вступает в Коммунистическую партию Германии.

Увлеченно выполняя партийные функции, Зорге в 1924 г. попадает в СССР. Здесь его вербует советская внешняя разведка. Спустя 5 лет, по линии международного объединения коммунистических партий (Коминтерна) его направили в Китай для организа-

ции оперативной разведдеятельности и формирования сети осведомителей.

В начале 1930-х гг. он находился в Китае под псевдонимом Рамзай, представляясь немецким журналистом и настоящим арийцем, чем заслужил симпатии со стороны нацистов.

Рихарда Зорге отличали живой аналитический ум, удивительное обаяние, остроумие, любвеобильность, да и внешность его была достаточно привлекательной. Все это в совокупности и предопределило его успех у женщин. Официально он был женат 3 раза. В ходе своей шпионской деятельности в Японии он поддерживал весьма тесные отношения с 52 женщинами.

Вторжение японцев в Маньчжурию, естественно, изменило расстановку сил в Азии. Теперь внимание советских разведчиков переключилось на Японию. Зорге отзывают из Китая обратно в СССР и в 1933 г. поручают оценить возможности создания агентурной сети в Японии. Задание было сложным, поскольку ранее у советских разведчиков не получалось надолго задерживаться в этой стране.

Ввиду европейской внешности Рихард сначала отказался: подозрительные японцы наверняка станут относиться к нему с повышенной настороженностью. Однако руководитель Разведуправления Я. К. Берзин возразил, что это, наоборот, преимущество,

и посоветовал Зорге выставлять напоказ свое немецкое происхождение. Кроме того, должность журналиста позволяла беспрепятственно и без особых подозрений интересоваться любыми вопросами. Хорошее образование тоже должно было сыграть свою роль, поскольку доктор общественно-политических наук разбирается во многих вопросах, в том числе в политике и экономике. Рихарду поручили возвратиться в Германию и наладить деловые контакты с газетами, для которых он станет писать из Японии.

Вернувшись в Германию в 1933 г., Зорге вступил в нацистскую партию (НСДАП), завел связи с военной разведкой и гестапо. Некоторое время он работал журналистом. Корреспондентом от нескольких изданий его направили в Токио. Он писал хорошие статьи, часто публиковавшиеся в нацистской прессе, считался главным немецким журналистом в этой азиатской стране.

Перед войной Зорге назначили пресс-атташе германского посольства в Японии. Будучи эрудированным человеком с великолепными манерами и знанием нескольких иностранных языков, Рихард органично вписался в высшее общество немецкого посольства. Вскоре Зорге добился признания в качестве высококлассного журналиста-аналитика, обзорами которого не пренебрегали самые крупные нацистские газеты, например «Франкфуртер цайтунг». В таких условиях работа по созданию резидентуры в Стране восходящего солнца проходила удачно. В нее вошли немецкий коммунист-радист Б. Вендт; югослав,

корреспондент французского журнала Б. Вукелич; японский художник И. Мияги. В дальнейшем в группу вступит японский журналист Х. Одзак, который станет наиболее ценным источником информации.

Еще одним важным информатором был германский военный атташе Э. Отт. Чтобы войти в доверие, Зорге сообщал ему подробные сведения об армии и военной промышленности Японии. С тех самых пор докладные записки атташе, ничем ранее не выделявшиеся, вдруг приобрели аналитическую глубину и понравились берлинскому начальству, а советскому разведчику всегда были рады в доме Отта.

В 1935 г. через США Рихард приезжает в Москву, где начальник 4-го управления (разведывательного) Генштаба РККА С. П. Урицкий поручает ему установить степень готовности к нападению на СССР Японии: определить ее материальные и людские ресурсы. Кроме того, в группе Рамзая заменили прежнего радиста на М. Клаузена. Интересно, что шифр Клаузена никто не смог рассекретить ни в Японии, ни на Западе. Зорге придумал использовать для шифровок статистические ежегодники нацистов, номера которых могли варьироваться до бесконечности. К тому же при передаче особо важных фотографий их с помощью специальной техники уменьшали до размеров точки и вставляли в строчки ничем не примечательного письма.

Затраты на японскую агентурную сеть для советской разведки оказались совсем незначительными, учитывая при этом, что всего в группе Рамзая состоя-

ли до 25 человек, а жили они далеко не в самом дешевом городе мира. Агенты рассчитывали в основном на доходы от своей легальной деятельности.

В феврале 1936 г. Страну восходящего солнца всколыхнула попытка военного переворота, окончившаяся неудачей. Ряд офицеров хотел сместить правительство адмирала Окады Кейсуке. Советский разведчик, сопоставив известные ему сведения о причинах и результатах заговора, сделал вывод, что от того, какая группировка встанет в стране у власти, зависит вероятность нападения Японии на Советский Союз. Эти умозаключения Рихард представил не только Москве, но и Берлину. Э. Отт отправил в Германию доклад с анализом ситуации в интерпретации своего друга. В канцелярии Третьего рейха докладу поставили высшую оценку и назначили Э. Отта послом.

А в это время столицу Японии продолжало лихорадить. Ее жители, и так-то обычно подозрительные, стали с удвоенным рвением выявлять шпионов. Правительство регулярно объявляло дни и даже недели борьбы со шпионажем. Средства массовой информации призывали усилить бдительность, а в витринах магазинов выставляли изображения вражеских агентов, по внешности отличавшихся от местных. Поэтому группа Рамзая была вынуждена строго следовать правилам конспирации. Конечно, случались и досадные ошибки, и нелепые случайности, которые могли закончиться трагично. Например, однажды Рихард присутствовал на вечеринке в отеле «Империал», где обычно собирались иностранцы. После

чего, в нетрезвом состоянии он уселся на мотоцикл и помчался домой. В тот вечер разведчику не повезло: он не вписался в поворот, влетев в стену рядом с будкой охранника американского посольства. В итоге Зорге не только напугал полицейского, но и получил серьезное сотрясение мозга и сломал челюсть. Когда его доставили в больницу, он не мог думать ни о чем другом, кроме исписанного английскими словами листка бумаги, лежавшего у него в кармане. Изо всех сил удерживая себя от обморока, Рихард дождался Клаузена, о чем-то с ним переговорил, только после чего потерял сознание.

В середине июня 1938 г. произошло событие, которое при определенных обстоятельствах могло бы вызвать крах всей советской разведки в Японии. Тем злополучным днем границу Маньчжурии пересекли начальник управления НКВД по Дальнему Востоку, комиссар государственной безопасности 3-го ранга Г. Люшков, а также, по удивительному стечению обстоятельств, журналист влиятельной нацистской газеты «Ангрифа» И. Лисснер. По просьбе японских пограничников последний перевел показания перебежчика, который рассказал, что спасался от очередных сталинских репрессий. Бывшего комиссара перевезли в Токио и спрятали столь ценный источник информации в тщательно охраняемом здании. Сведения, сообщенные Люшковым, были настолько важны, что начальнику абвера В. Ф. Канарису даже предложили прислать специального агента. Обо всем этом Рихарду Зорге стало известно довольно быстро.

Люшков подробно и со знанием дела описывал потенциальным противникам дальневосточную группировку Красной армии, надеясь таким образом заслужить их благосклонность. Это был единственный раз, когда Япония и Германия вплотную приблизились к секретам советской разведки. Предотвратить несчастье помог Зорге, сфотографировавший каждую из 100 страниц документа, в котором были зафиксированы показания предателя. Через курьера эти микроплёнки попали в Москву, благодаря чему советское командование быстро сменило кодовые таблицы для зашифрованной связи и предотвратило возможную утечку секретной информации.

В середине 1938 г. легендарный разведчик получил доступ к информации о главе японского правительства принце Ф. Коноэ, секретарем которого стал бывший одноклассник и лучший друг Рихарда О. Усиба. Через него Зорге полтора года узнавал все планы японских политиков и военных. Когда позднее Усиба будет работать на высокой должности в правлении Южно-Маньчжурской железной дороги, то продолжит информировать своего товарища о перемещениях подразделений Квантунской армии, предполагающихся диверсиях и заброске агентов на советскую территорию.

В сентябре 1939 г. немцы вошли в Польшу, после чего дипломатические службы Германии активизировались. Немецкий посол в Токио позвал Рихарда на службу в посольство. Зорге отшутился и отклонил

предложение, уверив в готовности неофициально исполнять обязанности секретаря посла и обеспечивать сотрудников посольства доступной информацией. В таком виде и был составлен договор между ними. Ко всему прочему Зорге должен был каждый день выпускать информационный бюллетень для 2000-й германской колонии в столице Японии. Разведчик посчитал, что, даже несмотря на обременительность новых функций, он сможет добывать свежие радиограммы, присылаемые из Берлина.

В мае 1941 г. разведчику становится известно о том, что немцы планируют нападение на СССР. Он передает новость в Москву, назвав даже конкретную дату — 22 июня. И. Сталин не поверил сообщению, посчитав его донесением очередного паникера.

Рихард Зорге был одним из первых, кто передал сведения о составе немецкой армии вторжения, дате нападения. Детальность разведанных и несоответствие ожиданиям И. Сталина привели к тому, что их не восприняли всерьез. Выказывалась мысль, что Зорге является двойным агентом.

Между Москвой и ее японским протезе «пробежала черная кошка». Советское руководство выказывало недовольство чрезмерной самостоятельностью, независимостью Рихарда и эпизодическим

пренебрежением правилами конспирации. Например, ему ставилось в вину, что он почти не проверяет собственных агентов и игнорирует настойчивые предупреждения о необходимости уничтожать секретные материалы. Резидент не обращал внимания на сохраняемые Клаузенем копии радиogramм и ведение им дневниковых записей о деятельности всей группы. К тому же излишняя любовь к женщинам и множественные романы, включая супругу посла, а также его секретаршу и любовницу, вполне закономерно настораживали московских начальников. В дальнейшем из полицейских протоколов вскрылись похождения Зорге в пьяном виде. Ну а поразительнее всего то, что он в любой компании, даже высокопоставленных сотрудников немецкого посольства, частенько выражал симпатии к Сталину и СССР. До поры до времени судьба была благосклонна к разведчику. Как всегда бывает в подобных ситуациях, начало конца оказалось незаметным.

В октябре 1941 г. по подозрению в причастности к коммунистической партии был задержан японской разведкой один из подчиненных О. Усибы. На допросах арестованный упомянул о художнике Мияги, у которого провели обыск и обнаружили немало компрометирующих материалов. Вскоре арестовали журналиста Х. Одзаки. После чего задержали других участников группы: Клаузена, Вукелича и 17 октября 1941 г. — Рихарда Зорге.

Германское посольство переполошилось. Отто, сообразив, что дружба с иностранным разведчиком

бросает на него тень, пытался всячески замять историю и убеждал начальство на родине, будто Рихард стал невинной жертвой японской полиции. И ему это почти удалось, хотя остальные члены группы прямо указывали на Зорге. Гитлер лично требовал, чтобы японцы выдали этнического немца. Все еще могло бы закончиться мирно, не вмешайся резидент абвера на Дальнем Востоке И. Лисснер. Благодаря ему Рихарда уверенно заклеямили агентом Москвы. Отто ничего не оставалось делать, как уйти в отставку и забыть о карьере дипломата. Японцы хотели обменять Зорге на своих разоблаченных резидентов в СССР, однако Сталин отказал.

В мае 1943 г. участников группы Зорге судили: Мияги к этому моменту был мертв (умер от пыток), Вукелич, приговоренный к пожизненному заключению, погиб спустя полтора года. Клаузен также получил пожизненное, но будет освобожден американцами в 1945 г. Основных членов резидентуры, Одзаки и Зорге, приговорили к смертной казни, которую привели в исполнение 7 ноября 1944 г. в токийской тюрьме Сугамо. Перед смертью Рихард произнес: «Да здравствует Красная армия! Да здравствует Советский Союз!» Советский разведчик упокоился во дворе тюрьмы, но в 1967 г. его останки перезахоронили на кладбище Тама в Токио.

Пока был жив Сталин, о Зорге в СССР не знали, поскольку он считался «врагом народа». Его реабилитировали лишь при Н. С. Хрущеве, который присвоил разведчику звание Героя Советского Союза

посмертно. Генсеку понравился фильм о разведчице, снятый французским режиссером Ивом Чампи. Некоторые считают, что восстановление доброго имени героя началось благодаря Юрию Гагарину, увидевшему фильм во время одной из своих зарубежных поездок. Другие ставят это в заслугу министру культуры Е. Фурцевой, посмотревшей киноленту на закрытом показе и рассказавшей об этом Никите Сергеевичу. Во многих населенных пунктах России имеются улицы, названные в честь Зорге. В Берлине есть улица Richard-Sorge-Straße.

Кое-кто называет Р. Зорге духовным отцом Перл-Харбора и в общем-то имеет право, потому что разведчик точно определил время нападения Японии на США и первую цель — Перл-Харбор. Сообщение об этом ушло в Москву, а оттуда — в Вашингтон, однако американцы проигнорировали предупреждение. В августе 1951 г. в Конгрессе США была подробно изучена деятельность советского разведчика по втягиванию Японии в войну с США на Тихом океане.

В Японии имя Зорге больше популярно в качестве образа поп-культуры, описанного в манге О. Тэдзука «Адольф». Кроме того, японский режиссер М. Синода, которого спонсировали Германия и США, сделал художественный фильм «Шпион Зорге». В Токио опубликовали материалы судебного процесса по делу агентов, большими тиражами выпущена предсмертная литературная исповедь Х. Одзаки «Любовь, подобная падающей звезде». Газета «Аса-

хи» упомянула имя Зорге среди 100 выдающихся исторических фигур XX в.

Каждый год в день казни легендарного разведчика многие японцы посещают могилу, облагораживают ее, кладут свежие цветы, говорят слова поминовения, зажигают свечи и благовония, по очереди поклоняются перед могильным камнем. Дальше они переходят к памятнику другому участнику разведгруппы и повторяют ритуал. Таким образом они отдают дань уважения тем, кто сделал столь много для предотвращения войны между Японией и Советским Союзом.

НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ

Будущий знаменитый разведчик родился 27 июля 1911 г. в деревне Зырянка Камышловского уезда Пермской губернии. Через 15 лет, получив свидетельство об окончании семилетки, он поехал в Тюмень и поступил в техникум на специальность агронома. Но вскоре грянула коллективизация. Николая, отличавшегося страстью к авантюрам, исключили из комсомола с мотивировкой «антисоветский элемент» и отчислили из техникума. Правда, через 2 года его восстановили.

В 1934 г. Кузнецов переезжает в Свердловск и идет работать на завод «Уралмаш». Там он проявляет способности к языкам и практикуется в немецком, поскольку в то время на предприятии было много специалистов из Германии. Кузнецов не только учил язык, но и старался узнать как можно больше о другой культуре, подражал поведению немцев, интересовался их обычаями. По всей видимости, в службе безопасности обратили внимание на подобную любознательность и предложили Николаю стать негласным сотрудником ОГПУ. Кузнецов согласился.

В январе 1936 г. он ушел с предприятия, чтобы вплотную заняться новой деятельностью под псевдонимом Колонист. Как раз в это время по стране прокатилась волна чисток — ежовщина. Неопытного и горячего молодого человека тоже арестовали. Освобожденный через 3 месяца пребывания в тюрьме, Николай познакомился с наркомом НКВД в Коми АССР М. И. Журавлевым, который предоставил ему возможность продолжать службу в органах безопасности. Кузнецову придумали правдоподобную легенду, превратив его в Рудольфа Шмидта.

Работая на авиационном заводе, Кузнецов через знакомых завел роман с сотрудницей германского посольства и впервые получил возможность снабжать советскую разведку информацией. С помощью Николая удалось наладить доступ к документам германского военно-морского атташе Н. В. фон Баумбаха. Кроме того, молодой агент помогал советским спецслужбам знакомиться с немецкой дипломатической почтой.

В начале трагичного 1941 г. Николай отправился в г. Черновцы в Западную Украину. Там он вышел на связь с находившимся в подполье опытным немецким разведчиком Кестнером, передал ему документы, забрал чемодан, наполненный валютой и драгоценностями, и доставил в Москву. Впоследствии советская контрразведка арестовала Кестнера.

С началом войны у нераскрытого нацистской контрразведкой Кузнецова сменили псевдоним на

Пауля Зиберта. Через некоторое время его прикомандировали к партизанскому разведывательно-диверсионному отряду «Победители» во главе с капитаном государственной безопасности Д. Н. Медведевым. Районом деятельности группы определили украинский город Ровно и его окрестности. Вся Украина была оккупирована гитлеровцами, поэтому членам отряда предстояло работать среди врагов в форме вермахта и с соответствующими документами. О непосредственной задаче Кузнецова знали только разведчики, с которыми он имел дело.

Несколько месяцев Николай скрупулезно изучал структуру и методы работы немецкой разведки и контрразведки. Знание этого во многом определяло успех или неудачу его миссии в тылу противника, не говоря уже о жизни и смерти. Кузнецову необходимо было «стать» нацистом, поэтому он запоминал даже содержание соответствующих книг того периода, кинофильмов, игравших в них актеров, спортсменов, отличившихся в спортивных мероприятиях Германии, и т. п. Ведь стоило ему ошибиться в какой-то мелочи, как практически наверняка последовал бы провал. Чтобы советский лазутчик поближе узнал быт и нравы немецких военных, его послали в лагерь военнопленных в Подмосковье. Результат был обнадеживающим, поскольку разведчик легко вошел в их среду и не дал повода в чем-то себя заподозрить.

В советских спецслужбах Николай Кузнецов занимал весьма специфическую должность. Он был глубоко засекреченным агентом с зарплатой, соответствовавшей окладу штатного оперуполномоченного центрального аппарата разведки, но без звания и удостоверения. На Лубянке разведчик никогда не был, чтобы «не светиться». О нем почти никто не знал, в связи с чем он неоднократно попадал в разработки своих же.

Кузнецову создали качественную легенду, «поставили» на подходящую должность, связанную с оккупированными территориями и пригодную для того, чтобы служить прикрытием для разведчика. Его не приписали к какому-нибудь конкретному немецкому учреждению в каком-либо украинском городе, а дали возможность появляться в любом из них.

26 августа 1942 г. на самолете, летевшем во вражеский тыл, находились 11 парашютистов, в том числе и Николай. Руководитель группы ждал его в пункте назначения. Прибыв к партизанам и осмотревшись, «Зиберт» впервые поехал в Ровно, чтобы прогуляться в форме, привыкнуть к ней и разработать план вживания. В этот раз Кузнецов ходил по городу под присмотром своих сослуживцев. По возвращении он описал свои наблюдения Медведеву, и в образ Зиберта внесли уточнения.

Время шло. Кузнецов успешно справлялся с ролью представителя вермахта и завел много

знакомых на разных уровнях военного и чиновничьего аппарата, в штабах и отделах нацистских спецслужб. «Подружиться» с комендантом фельд-жандармерии было несложно, поскольку тот любил вкусные подарки и выигрыши в карты. Кузнецов частенько ему поддавался. В результате комендант стал важнейшим источником информации о планируемых в городе облавах, давал пропуска и пароли для ночного передвижения. Благодаря этому деятельность разведчиков и связных была менее опасна. Через тот же канал Николай добыл список телефонов городских учреждений нацистов.

Иногда полезные сведения поступали из довольно неожиданных источников. Например, Кузнецов регулярно навещался в небольшую продуктовую лавочку, хозяин которой, проникнувшись доверием к постоянному клиенту, как-то проговорился о том, что получил разрешение на торговлю и помещение для этого от начальника одного из отделов немецкой службы безопасности в обмен на согласие быть негласным осведомителем. Причем он с гордостью заявил о нескольких успешных операциях, которые по его доносам провели немцы в 1941 г. против партизан. Кроме того, лавку навещал друг продавца, тоже осведомитель. В разговоре он признался Николаю, что в местных партизанских отрядах существовал германский агент, сумевший приблизиться к командирам и выполнявший обязанности связного между борцами с захватчиками в городе и находившимися в лесах. При этом советскому разведчику даже была описана

внешность вражеского провокатора. Естественно, Кузнецов сообщил об этом в Москву, а оттуда предупредили штабы партизанских отрядов.

Основной задачей в то время оставалась добыча военных разведданных. Этим занимались большинство партизан. Условия были таковы, что пользоваться рацией в маленьком городе и при усиленных мерах безопасности было опасно. Поэтому все сведения приходилось доставлять в опергруппу, находившуюся за городом, лично или со связными. Ни агенты, ни связные не ходили в отряд, а завершали свой вояж где-то на полпути, в определенном хуторе. Николай добирался туда и обратно сначала на лошадях, позднее появились угнанные автомобили и мотоциклы, которые обязательно перекрашивали и заменяли их номера. На месте встречи и по дороге обратно в город разведчика охраняли его коллеги.

Еще в Москве Кузнецову поручили нейтрализовать рейхскомиссара Украины Э. Коха. Параллельно с установлением места пребывания последнего, путей его перемещения по стране, выездов в Кенигсберг (Калининград) опергруппа занималась сбором данных о локализации полевой ставки Гитлера. Когда ситуация была проанализирована, наиболее вероятными определили Луцк, Ровно, Винницу. Наибольший интерес вызвал последний населенный пункт. Версия подтверждалась развернувшимся в тех местах летом 1942 г. большим строительством, которое посещал рейхкомиссар. Возникла идея захватить «языка», используя технологию мобильной заса-

ды. Зимой 1942—1943 гг. организовывали не одну такую засаду, пока в руки к партизанам не попали достаточно крупные чины вместе с топографической картой, которая и позволила установить расположение искомой ставки под Винницей.

Теперь первоочередной целью становилась ликвидация Коха, для чего были нужны подходы к нему. В конце концов их нашли. Через связи с нацистскими офицерами 31 мая 1943 г. Кузнецов и Валя Довгер попали на аудиенцию к «объекту», однако покушения не получилось. После этого Николай сокрушался, что не надел на себя пояс со взрывчаткой — тогда бы уж он точно унес с собой в могилу наместника фюрера. Впрочем, результат от неудавшегося приема все-таки был. Из разговора с рейхскомиссаром стало известно о планируемом наступлении вермахта под Курском. Донесение отправили в Москву.

В июне 1943 г. с согласия Центрального советского командования осуществляется подготовка к ликвидации теоретика нацистской партии, министра по делам оккупированных восточных территорий рейхслейтера А. Розенберга. Покушения и в этом случае не получилось, но снова выяснилась важная деталь — прибытие столь высокопоставленного чиновника связано с предполагаемым наступлением на восток. Это совпадало с информацией от других разведчиков.

20 октября 1943 г. в Ровно Николай пытается убить П. Даргеля, заместителя А. Коха, но тот оказы-

вается лишь контужен. Нападающие успели скрыться от преследователей, Кузнецов получил ранение. В лесу ему сделали операцию и изъяли осколок гранаты. После непродолжительного восстановления он приступил к новым заданиям. Съездив в Ровно, разведчик вернулся озадаченным: нацисты существенно усилили спецслужбы. Среди населения проводилась сплошная регистрация.

15 ноября 1943 г. Зиберт с коллегами похитили из-под охраны командующего «восточными войсками» генерал-майора М. Ильгена, а 16 ноября убили президента верховного суда на Украине А. Функа.

Членам отряда приказали выдвигаться во Львов. Там они ликвидировали вице-губернатора Галиции О. Бауэра и руководителя канцелярии губернаторства Г. Шнайдера. 12 февраля 1944 г. после отъезда из города Кузнецова с товарищами попытались задержать около села Куровицы. На требование предъявить документы, которых у Николая не было, он только и мог, что идти на прорыв. Немцы открыли огонь по удаляющейся машине и пробили колеса. Бросив транспортное средство, разведчики несколько дней ходили по лесу, пока не наткнулись на еврейскую группу самообороны. Отсидевшись с ними было нельзя, поскольку в группе свирепствовал тиф. Тогда в сопровождении проводника разведчики вышли к линии фронта. Мнения о дальнейшей их судьбе расходятся.

По одной версии, Кузнецов с коллегами, будучи в немецкой форме, приближаясь к селу Боратин

в Львовской области, заметили там людей в советской военной форме. Николаю не повезло: он принял за своих переодетых бандеровцев и в ходе перестрелки был убит, как и его спутники. Когда «борцы за независимую Украину» выяснили, кто им попался, то стали торговаться с немцами, соврав, что у них в руках живой советский разведчик. В качестве доказательства они предлагали отчет, написанный Николаем под неизвестным на Украине псевдонимом Пух во время блуждания по лесу, — он опасался, что погибнет от рук своих при переходе линии фронта.

Существует еще 1 версия. По ней, на разведчиков, остановившихся в 1 из домов этого села, внезапно напали боевики Украинской повстанческой армии, и Кузнецов подорвал себя гранатой.

Первая версия подтверждается копией того самого отчета, позднее обнаруженной командиром «Победителей» Медведевым в архиве гестапо во Львове. Его оригинал лег на стол Г. Мюллеру в Берлине. А в пользу 2-й говорят раскопки, проведенные в 1959 г. на месте захоронения около г. Броды (перезахоронен во Львов), и заключение экспертов, исследовавших останки Кузнецова (установлено отсутствие кисти руки и т. п.).

5 ноября 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР своим указом посмертно присвоил Н. И. Кузнецову звание Героя Советского Союза. Кроме того, он был награжден 2 орденами Ленина. На Урале и Украине Николаю установлены памятники,

его именем были названы музеи, школы, более 100 пионерских дружин, даже малая планета. Перед распадом СССР в Ровенской области Украины появился город Кузнецовск. О похождениях разведчика написано множество книг: «Это было под Ровно» Д. Н. Медведева, «Человек, который не знал страха» Б. Китановича и др. Сняты художественные фильмы «Подвиг разведчика», «Сильные духом», «Отряд специального назначения» и документальные киноленты — «Гений разведки» и т. д.

ГАРОЛЬД АДРИАН РАССЕЛ ФИЛБИ (КИМ ФИЛБИ)

Ким Филби был одним из тех, кто боролся на фронтах невидимой войны за общую победу над нацизмом. Талантливый советский разведчик являлся для отечественной разведки наиболее результативным источником разведданных. Только в период Великой Отечественной войны он передал в СССР 914 документов. Вместе с А. Блантом, Г. Берджесом, Д. Кернкроссом и Д. Маклейном он был членом знаменитой «Кембриджской пятерки», сформированной советским резидентом А. Дейчем. Основная роль в работе группы принадлежала Филби.

Прозвище Ким за ним закрепилось с детства, данное родителями в честь персонажа романа Р. Киплинга про английского разведчика. Филби появился на свет 1 января 1912 г. в семье потомственного аристократа, занимавшего высокий пост в колониальной администрации Индии, Джона Филби. Отец с детства культивировал в мальчике любопытство к окружающему миру.

В 6 лет Ким переезжает в Англию к бабушке, продолжает получать знания, много читает, увлекается географией, приобретая тягу к путешествиям. В 1929 г. после Вестминстерской школы поступает в колледж Кембриджского университета. В это время Филби интересуют антифашистские идеи. Вскоре он связывается с Коммунистической партией Великобритании, рассматривая ее как единственную силу, способную противостоять нацизму.

Решив посвятить жизнь социалистическим идеалам, после окончания колледжа летом 1933 г. Ким едет в Австрию, в то время стоявшую на пороге фашистского переворота. Но предотвратить его уже было нельзя, и Филби женился на Л. Фридман, чтобы спасти боевую подругу от неизбежной расправы, перевез ее в Англию и развелся. Попробовал вступить в компартию, но, пока проходил проверку, был завербован советской разведкой.

По рекомендации знакомой, в начале июня 1934 г. он встретился в парке с важным человеком, который, по ее уверениям, мог его заинтересовать. После немногословного введения незнакомец предложил Филби стать советским агентом глубокого проникновения. Как потом выяснилось, вербовщиком был А. Дейч. С этого момента Ким порвал связи с компартией. Перед ним поставили задачу: попасть в британскую разведку Интеллидженс сервис (СИС) и разузнать как можно больше о ее планах и деятельности, касающихся СССР. По совету новоиспеченного агента, он привлек к работе своих друзей Г. Берджеса

и Д. Маклейн. Сам Ким через некоторое время становится редактором журнала Ассоциации британских финансистов, симпатизировавшего нацистам. Это помогло ему сблизиться с немецким послом в Великобритании И. фон Риббентропом, который в недалеком будущем возглавит МИД Германии.

Филби продолжал встречаться с Риббентропом в Германии и сотрудниками немецкого посольства в Великобритании. Появились связи с германским министерством пропаганды Й. Геббельса.

Периодически Ким передавал советской разведке полезные политические новости.

Работа с министерством пропаганды длилась недолго, поскольку там отказались от услуг журнала, который представлял Филби. Его это не особенно расстроило — подоспело новое задание, связанное с Испанией.

Для советской разведки деятельность К. Филби была очень полезной. Ему же все это давалось психологически тяжело, поскольку он вынужден был проводить основную часть своего времени с теми людьми, которых ненавидел и, собственно, из-за чего стал советским агентом.

Предполагалось, что Филби в воюющей Испании займется не столько сбором данных о положении дел у мятежников генерала Ф. Франко, сколько расширит свои разведывательные возможности,

чтобы впоследствии внедриться в британскую разведку. Ким работал в качестве военного корреспондента при генерале и обеспечивал Москву важной информацией о планах повстанцев, передвижении и вооружении их армии, об общей ситуации в стране. Его статьи о ходе испанского восстания попадают в поле зрения британской разведки, в результате чего Филби становится и ее доверенным лицом.

Война закончилась, и в Испании установился мир. В начале августа 1939 г. Филби вернулся в Лондон. С 1940 г. он официально работает на СИС, сначала в школе по подготовке кадров. В 1941 г. он уже поднимается до заместителя начальника отдела В, занимавшегося контрразведкой во время всех операций стран антигитлеровской коалиции. Филби обладал обаянием, которое помогало ему выходить из многих трудных ситуаций, трудолюбием, исполнительностью, способностью к глубокому анализу и выработке нестандартных решений, целеустремленностью. Все это не могло не вылиться в успешную карьеру разведчика. Он старался со всеми вести себя уважительно, не ссориться, поэтому коллеги признавали, что у него единственного нет врагов в аппарате спецслужбы.

Когда Филби стал полноправным сотрудником СИС, то информационный поток от него резко увеличился. В Москву стала регулярно приходить документальная информация касательно разнообразных вопросов функционирования британской разведки, ее структуры и кадрового состава, резидентур и от-

дельных агентов, особенно 5-го контрразведывательного отдела.

Филби с энтузиазмом подключился к борьбе с нацистской резидентурой на Пиренейском полуострове, получив доступ к ценной информации, включая дешифрованные телеграммы абвера. Благодаря Филби Центр впервые узнал о связях британской разведки с адмиралом В.-Ф. Канарисом.

Информация добывалась также через личные контакты с сотрудниками МИ-5, МИДа Великобритании, американских спецслужб. Например, в конце ноября 1941 г. Филби прочитал дешифрованное сообщение немецкого посла в Токио, который уведомлял Риббентропа о скором нападении Японии на Сингапур. Ким внимательно наблюдал за развитием ситуации вокруг открытия Второго фронта. В середине августа 1943 г. он согласился на предложение работать после войны в контрразведывательном отделе СИС.

В ходе Второй мировой войны Филби сообщает в Центр важные сведения о том, как союзники воспринимают СССР, о вооруженных силах Германии и засылаемых на территорию Советского Союза диверсантах, о попытках немцев вести сепаратные переговоры с Францией и Англией. В 1943 г. разведчик из разговора с американским офицером узнал о том, что американцы и англичане вместе создают урановую бомбу.

Филби продвигался по службе. Он писал: «Я рассматривал все занимаемые мною посты в СИС ис-

ключительно как прикрытие своей основной деятельности, а мое стремление к компетентному выполнению своих служебных обязанностей диктовалось стремлением занять те должности, на которых я мог принести максимальную пользу Советскому Союзу». То, чему он научился у советских разведчиков, очень помогло ему и позволило считаться лучшим сотрудником британской спецслужбы. В 1944 г. Ким становится главой 9-го отдела СИС, занимавшегося отслеживанием «советской и коммунистической деятельности» в Англии. В это время предоставляемая им советской разведке информация была бесценна.

В конце войны резидент оказался в опасной близости от провала. В 1945 г. советский вице-консул в Стамбуле К. Волков ходатайствовал в английском консульстве о предоставлении ему с супругой политического убежища, обещая раскрыть имена советских агентов, работающих в СИС. Узнав об этом, советское руководство сразу же отозвало вице-консула домой.

По окончании войны Филби едет в Стамбул в качестве резидента СИС. В период с 1949 по 1951 г. он обеспечивает координацию действий англичан с ЦРУ и ФБР, узнавая таким образом о намерениях основного противника СССР.

Поскольку работа Филби находилась под грифом «особо секретно», то говорить о ней довольно сложно. Сам он высказался в своей книге так: «Не мне, советскому разведчику, снабжать противника

информацией или рассеивать его мучительные сомнения, поэтому я умышленно почти не упоминаю о моей работе с советскими товарищами... Это обидно, потому что описание моей работы в советской разведке было бы, наверное, самой интересной частью моей истории. Но до тех пор, пока идет тайная война с непримиримым противником, основные принципы нашей деятельности сохраняют свою первостепенную важность. Первый из этих принципов, грубо говоря: держи язык за зубами!»

Кое-что все-таки просочилось. В частности, известное «албанское дело», когда американцы и англичане в конце 1940-х гг. планировали внедрить агентов в Албанию, чтобы поднять мятеж. Советский разведчик уведомил Центр, и сразу по прибытии агентов на место их схватили и расстреляли.

Когда в 1951 г. в Великобритании раскрыли коллег Кима по «Кембриджской пятерке», то он успел предупредить Г. Бержеса и Д. Маклейна об этом и спасти их от ареста. Но тучи неумолимо сгущались. Компрометирующие связи привели к тому, что в 1952 г. его отозвали в Лондон и допросили с пристрастием. Но не добились признания, и за недостатком улик Ким был отпущен.

Хотя ему и удалось публично восстановить свое доброе имя, в 1955 г. он все-таки подает в отставку. Правда, уже в следующем году по заданию английской разведки он журналистом едет в ливанский Бейрут. В течение 7 лет он продолжает собирать ценную информацию о деятельности и планах Вели-

кобритании и США в этом регионе и передавать ее в Москву.

В 1963 г. угроза раскрытия его стала реальной и Филби нелегально вывезли в столицу СССР. Здесь он работал консультантом по спецслужбам Запада и в одном из институтов встретился с Р. Пуховой, ставшей впоследствии его супругой, с которой счастливо жил до самой смерти. 11 мая 1988 г. Филби не стало. Похоронили выдающегося разведчика на Новокунцевском кладбище Москвы.

Значимость того, что он делал при жизни, вполне можно выразить словами одного из представителей ЦРУ, оценившего работу Филби следующим образом: «Это привело к тому, что все чрезвычайно обширные усилия западных разведок в период с 1944 по 1951 год были безрезультатными. Было бы лучше, если бы мы вообще ничего не делали...»

ЛЕОПОЛЬД ТРЕППЕР

Талантливого разведчика Леопольда Треппера на Западе называют руководителем «Красной капеллы» и почитают в этом качестве, хотя это не совсем отражает действительность.

Леопольд родился 23 февраля 1904 г. в еврейской семье в маленьком польском городке Ноймаркт. В 1914 г., спасаясь от наступавших русских войск, семья переехала в Вену, где мальчик поступил в еврейскую гимназию. В 1917 г. после смерти отца Треппер вернулся в Галицию и начал работать, чтобы прокормить семью, оставшуюся без мужчины.

Через некоторое время Леопольд вступил в молодежную еврейскую организацию Польши «Молодой страж» и в 1920 г. стал одним из ее руководителей. Уже в следующем году молодой человек возглавил отделение организации в Домброве и сотрудничал с подпольной Коммунистической партией Польши. В дальнейшем Треппер перебрался в Израиль, где его неоднократно задерживали за подрывную коммунистическую деятельность. В 1929 г. по

решению британских мандатных властей Леопольда выслали из Израиля. К концу этого года он прибывает во Францию и продолжает поддерживать контакты с коммунистами. Здесь Треппер работал на еврейскую газету, проявляя способности к европейским языкам.

Когда французская контрразведка раскрыла местную советскую агентуру, в основном состоявшую из коммунистов, на Леопольда снова пало подозрение. В 1932 г. ему пришлось уехать из страны на учебу в СССР, где на него и обратили внимание соответствующие спецслужбы: ему предложили работу в Управлении службы внешней разведки Красной армии под руководством Я. Берзина.

В 1936—1937 гг. Леопольд занимался служебными заданиями в Бельгии и Франции (псевдоним — Отто). Суть их заключалась в исправлении последствий провала разведывательного звена в Париже. Закончив работу, разведчик возвратился в Москву, но отдыхал недолго. С новым заданием его опять отправили в Бельгию: он должен был наладить поставку иностранных паспортов, необходимых разведке.

В 1938 г. московский резидент в Бельгии выносит на рассмотрение Разведуправления план по формированию агентурной сети в этой стране под вывеской торгово-экспортной фирмы, но с перспективой расширения деятельности на всю Северную Европу. Реализации плана дали «зеленый свет».

Непосредственно перед Великой Отечественной войной он передавал в Москву важные сведения. В мае 1941 г. вместе с ценными военно-экономическими данными Леопольд доводит до сведения московских начальников, что немцы выполняют масштабную переброску войск к северной и западной границам СССР. И уже в июне называет точную дату начала войны. Но И. Сталин не поверил этому донесению, как и сообщениям от других разведчиков, сочтя все это британской или немецкой дезинформацией.

В период с 1938 по 1940 г. он руководил обширным звеном «Красной капеллы». Необходимо особо подчеркнуть, что только звеном, поскольку «Красная капелла» представляла собой децентрализованную разведывательную сеть зачастую не связанных между собой групп. В Бельгии и Франции «Красной капеллой» считают именно резидентуры Треппера. Отчасти такая путаница связана с тем, что он часто без согласования с Центром менял клички: то он Отто, то Адам Миклер, то Гран-шеф, то Жан Жильбер.

16 августа 1940 г. по указанию Москвы Треппер отправился во Францию, поставив вместо себя руководителем бельгийской резидентуры А. М. Гуревича (Кент).

В Париже Треппер занимался организацией сопротивления. В ноябре 1942 г. в Париже Леопольда задержала германская контрразведка. Гестапо предложило ему поучаствовать в дезинформационной операции, в ходе которой он должен был про-

должать передавать сведения в Москву, но уже под контролем нацистов. Операция именовалась «Большая игра». Находясь под арестом, разведчик с помощью активистов коммунистической партии Франции смог составить и переслать в Центр подробный отчет о провалах резидентуры и о деятельности немцев по дезинформированию советской разведки.

В декабре 1941 г. в Брюсселе Л. Треппер встречался с товарищами по бывшей бельгийской резидентуре. В доме функционировал радиопередатчик, вышедший в эфир более чем на 5 ч. Естественно, его запеленговала немецкая контрразведка. Многих присутствующих на вилле задержали, но Леопольду удалось скрыться.

Рассчитывая не допустить провала разведсетей в Швейцарии и Италии, Треппер согласился участвовать в радиоигре, на что получил одобрение Москвы, организовавшей после его отчета свою радиоигру. Через некоторое время разведчик узнал, что схватили связного французской коммунистической партии и, не дожидаясь, пока до нацистов дойдет информация о переданном им отчете, в сентябре 1943 г. совершил побег и прятался до освобождения Парижа.

Наступивший 1945 г. для Треппера был неудачным, поскольку его вызвали в Москву и арестовали. Несмотря на ожесточенные допросы, он не при-

знался в предательстве. Тогда его обвинили в компрометирующих связях с евреями и в январе 1947 г. приговорили к 15 годам лишения свободы. В мае 1954 г. дело Леопольда пересмотрели, отменив приговор за отсутствием состава преступления.

Не добившись от Н. С. Хрущева согласия на возрождение еврейской культурной жизни в СССР, в 1957 г. он уехал в Польшу. Там он занимался просветительской деятельностью, выпустив в общей сложности свыше 200 книг, посвященных по большей части холокосту в странах Восточной Европы.

Когда в 1968 г. в Польше развернулась антисемитская кампания, Треппер ушел из издательства и попросил власти разрешить ему переехать в Израиль, на что получил отказ. Под международным давлением польские власти в 1973 г. разрешили Леопольду покинуть страну. И уже на следующий год он прибыл в Израиль, где вскоре написал книгу «Большая игра. Воспоминания советского разведчика». В России она появилась только в 1990 г. Треппер же скончался в Израиле в 1982 г.

Свою книгу Леопольд закончил словами, которые вполне могут служить напоминанием человечеству: «...Я принадлежу к поколению, ставшему жертвой мировой истории. Люди, в ходе октябрьских боев присягнувшие коммунизму, которых понес вперед сильный ветер революции, не могли подозревать, что спустя десятилетия от Ленина не оставят ничего, кроме его забальзамированного тела на Красной площади. Революция выродилась, и мы при-

существовали при этом... Но разве мы этого хотели? Разве стоило бороться ради такого извращения идеи? Разве мы не принесли свою жизнь в жертву поискам какого-то нового мира? Мы жили мыслями о будущем, и так же, как мечта о рае для верующего, так и наша мечта о будущем оправдывала то неопределенное настоящее, в котором мы жили...

Мы хотели изменить человека и потерпели неудачу. Этот век породил два чудовища — фашизм и сталинизм, и наш идеал потонул в этом апокалипсисе».

НАУМ ЭЙТИНГОН

Истории советской разведки известны два человека, награжденные полководческими орденами Суворова, — это П. Судоплатов и Н. Эйтингон. Последний знаменит еще тем, что был одним из тех, кто возглавлял операцию «Утка» по ликвидации Л. Троцкого в 1940 г.

Будущий разведчик, Наум Эйтингтон родился 6 декабря 1899 г. в г. Шклове Могилевской губернии, сейчас это территория современной Белоруссии. Он проучился 7 лет в Могилевском коммерческом училище и весной 1919 г. поехал в Москву на курсы при Всероссийском совете рабочих кооперативов. В начале осени Наум возвратился домой и вместе с коммунистами внес посильный вклад в восстановление советской власти в Гомеле.

Весной 1920 г. в 20 лет молодой человек вступает по линии партии в ряды сотрудников ВЧК. Годом позже он становится заместителем председателя ЧК Гомельской губернии. В этом качестве Наум успел принять участие в вооруженных столкновениях

с польскими бандами Булак-Балаховича, в разработке и задержании неугомонного авантюриста Э. О. Опперпута, который был начальником Минского укрепрайона, в нейтрализации савинковской организации «Народный союз защиты Родины и свободы».

Весной 1923 г. Наума вызывают в Москву и назначают сначала уполномоченным, а затем заместителем начальника отделения Восточного отдела ОГПУ. Через 2 года Эйтингон заканчивает восточный факультет Военной академии РККА. Тогда же его назначают в иностранный отдел ОГПУ, а через некоторое время отправляют в Китай служить Советскому Союзу в качестве резидента внешней разведки.

С 1926 г., занимая для вида должность вице-консула, он возглавил резидентуру в Пекине, а со следующего года — и в Харбине. Результатом работы на китайском направлении можно считать освобождение нескольких советских военных советников, которых захватили в Маньчжурии местные националисты, воспрепятствование захвату советского консульства в Шанхае агентами Чанкайши.

Весной 1929 г. Эйтингона направляют в Турцию, чтобы мобилизовать агентурную сеть на получение разведданных в австрийском, японском, французском посольствах Константинополя. Он заменяет Я. Блюмкина, отозванного из-за контактов с Л. Троцким.

Когда Наум возвратился в Москву, его повысили до заместителя начальника Особой группы при

председателе ОГПУ. По роду деятельности он часто бывал за границей, например в американском штате Калифорния, где занимался созданием глубоко законспирированной резидентуры, а также во Франции и Бельгии.

В 1936 г. в Испании шла гражданская война, и Наум под именем Леонида Котова посетил Мадрид, чтобы помочь в подготовке органов госбезопасности страны, в руководстве партизанскими операциями республиканцев, в налаживании разведывательной и контрразведывательной работы. На завершающем этапе войны он следил за отправкой в советскую столицу испанского золота, оценивавшегося в более чем 500 млн долларов.

На тот момент испанской резидентурой НКВД руководил А. Орлов. Он же возглавлял операции по устранению троцкистов и являлся советником по безопасности у республиканцев. В июле 1938 г. Орлов сбежал во Францию, прихватив с собой кассу резидентуры. Когда в войне наступил переломный момент, главным резидентом стал Эйтингон.

Осенью 1938 г. приверженцы генерала Франко с помощью немецких военных частей захватили Барселону. Интересно, что с ними в город вошел военный корреспондент британской гачеты «Таймс» Ким Филби, знаменитый член «Кембриджской пятерки». Поскольку предыдущего резидента уже не было, то Эйтингон принял его на связь через Г. Берджеса. Сохранение «Кембриджской пятерки» — одна из заслуг Наума. Вместе с тем в Испании он приобрел бес-

ценный опыт руководства партизанским движением и организации разведывательно-диверсионной работы. Эти знания ему пригодились буквально в ближайшие годы на фронтах сражений с нацистами.

В 1939 г. испанская война закончилась поражением республиканцев, в результате чего пришлось производить эвакуацию советских специалистов и добровольцев. Весной 1941 г. разведчик снова оказался в Москве, где 17 июня 1941 г. был удостоен ордена Ленина.

5 июля 1941 г. Эйтингон, будучи заместителем П. А. Судоплатова, руководившего Особой группой при наркомате внутренних дел СССР, принимал участие в организации диверсий и формировании отдельной мотострелковой бригады особого назначения, знаменитой своей деятельностью за линией фронта. В это спецподразделение принимали только добровольцев. Они проходили соответствующую диверсионную подготовку для выполнения заданий особой важности. К тому же Наум сыграл значительную роль в проведении самых известных оперативных радиоигр против нацистской разведки — «Монастырь» и «Березино». Основным «актером» этих «драм» был агент НКВД А. Демьянов: советский псевдоним — Гейне, а немецкий — Макс. Как впоследствии выяснилось, германское военное руководство слишком сильно полагалось на разведданные абвера из источников в советском верховном командовании. Это и понятно, поскольку стратегические ходы Красной армии в 1942—1943 гг. действи-

тельно совпадали с предсказанными Демьяновым, но все-таки это были по большей части отвлекающие маневры. В итоге операция «Монастырь» получилась на удивление успешной. Макса считали наиболее ценным своим информатором в абвере. Немецкая сторона даже наградила его «Железным крестом с мечами». От СССР ему достался орден Красной Звезды.

Что касается Эйтингона, то за выполнение специальных заданий во время Великой Отечественной войны его удостоили орденов Суворова II степени и Александра Невского. В победном 1945 году ему присвоили звание генерал-майора госбезопасности.

Когда было создано подразделение, связанное с вопросами «атомного шпионажа», Эйтингон многое сделал на этом поприще для организации взаимодействия отечественных спецслужб и ученых-атомщиков. Кроме того, он участвовал в установлении контроля над болгарскими урановыми рудниками, данные о наличии которых в Родопских горах были получены в феврале 1945 г. Именно эту руду применяли для запуска 1-го советского атомного реактора. Позднее на территории Советского Союза обнаружат более значительные месторождения. Необходимо было поддерживать у американцев убеждение в том, что Советам очень нужны болгарские залежи. Для этого Науму пришлось предпринять полномасштабные дезинформационные мероприятия и длительное время «водить за нос» спецслужбы США.

Сразу после войны Эйтингон продолжал разведдеятельность. В частности, в 1946—1947 гг. он курировал подготовку к выводу за рубеж разведчика Р. Абея.

В годы войны советская разведка приобрела большой опыт и оставила задел на послевоенное время. Еще в 1942 г. в Турции Н. Эйтингон создал обширную резидентуру для проникновения по окончании войны в боевые организации Палестины. А сведения, полученные Наумом в 1943 г. в Китае, помогли нейтрализовать диверсионные группы, действовавшие там под руководством британской разведки.

До октября 1951 г. разведчик оставался заместителем Судоплатова, возглавлявшего в МГБ службу диверсий за рубежом. Помимо этого, Наум руководил проведением антитеррористических операций на территории страны. 28 октября 1951 г., когда он вернулся в Москву из Литвы, где принимал участие в ликвидации бандформирований «лесных братьев», то был арестован по обвинению в «заговоре МГБ». После смерти Сталина 20 марта 1953 г. Эйтингона освободили и даже восстановили на работе. В мае его назначили заместителем начальника 9-го отдела МВД, отвечавшего за проведение разведывательно-диверсионных мероприятий.

РАЗДЕЛ 2. ЗНАМЕНИТЫЕ РАЗВЕДЧИКИ

21 июля 1953 г. Наума опять задержали, но уже по «делу Берии». Его приговорили к 12 годам лишения свободы и заключили во Владимирскую тюрьму. Освободили Эйтингона в 1964 г. А с 1965 г. он работал редактором в издательстве «Международные отношения».

За решеткой доблестному разведчику пришлось перенести сложную медицинскую операцию. Перед этим он послал Н. С. Хрущеву письмо с лаконичным описанием службы, жизни на воле и в тюрьме. Эйтингон сокрушался, что потерял в заключении здоровье и последние силы, а ведь мог быть полезным своей родине. Он задавался вопросом: «За что меня осудили?». Под конец послания он просил первого секретаря КПСС освободить осужденного на 15 лет П. Судоплатова, завершив послание словами: «Да здравствует коммунизм! Прощайте!»

В 1981 г. Эйтингон умер, а в 1991 г. его посмертно реабилитировали.

ПАВЕЛ СУДОПЛАТОВ

В 1907 г. в украинском городе Мелитополе родился мальчик по имени Павел. С началом Первой мировой войны он стал ходить в школу, однако проучился совсем немного. В 1917 г. скончался его отец, а в 1918 г. в Красную армию ушел старший брат. Буквально на следующий год после этих событий будущий разведчик покинул родной дом и прибил к красноармейцам.

В 1921 г. Павла Судоплатова приписали к особому отделу дивизии шифровальщиком и телефонистом. Тогда ему было всего лишь 14 лет. По мнению самого Судоплатова, это было началом его карьеры в спецслужбах.

При переводе 44-ой стрелковой дивизии в Житомир юноша в роли помощника командира участвовал в переговорах с националистами. Чтобы иметь возможность помогать семье, Павел ходатайствовал о переводе в Мелитополь. Здесь он работал в должности младшего оперуполномоченного в окружном ГПУ и занимался надзором за информа-

торами в болгарском, греческом, немецком поселениях.

В 1927 г. Павел был переведен на более «высокую» должность в Харьков, где встретил любовь всей жизни, красавицу Э. Каганову. Она стала его супругой и прошла вместе с ним через тяжелые времена. Не оставив супруга до самого конца, она умерла у него на руках в 1988 г. Но это будет потом, а пока Судоплатов работал в Харькове. Среди прочего он занимался беспризорниками в детской колонии. Здесь уместно заметить эффективность, с которой советская власть справлялась с беспризорщиной. Она как явление была ликвидирована на всей территории необъятной страны и, кстати говоря, также быстро возродилась с распадом Советского Союза после 1991 г.

В 1933 г. на должность заместителя председателя общесоюзного ОГПУ в Москву позвали руководителя Главного политического управления УССР В. А. Балицкого. Он взял с собой Павла, определив его на место старшего инспектора в отделе зарубежной разведки. Начальником у него был А. Х. Артузов, сумевший разглядеть в неопытном молодом человеке выдающиеся способности разведчика. Предложение стать агентом-нелегалом ему сделал не начальник, а его заместитель — А. А. Слуцкий. Судоплатов согласился и приступил к специальной подготовке, длившейся 8 месяцев. Далее последовало 1-е задание в новом качестве.

В это время во Львове произошло убийство одного из сотрудников ГПУ. Поскольку в нем оказа-

лись замешаны украинские националисты, то несколько поутихшая активность по их ликвидации вновь была активизирована. Предпринимались действия по внедрению в их ряды агентов. Один из таких «кротов», названный в книге Судоплатова «Спецоперации» Лебедем, отправился в зарубежную командировку с Павлом, который, по легенде, разочаровался в коммунистах.

По прибытии в Финляндию в июле 1935 г. молодого разведчика передали в ведение другого агента ГПУ — К. Полуведько. Не поставленный в курс дела относительно Судоплатова, он проявлял чрезмерную подозрительность к юноше и даже предлагал его ликвидировать. Как можно было ожидать, в Центре проигнорировали подобные рекомендации. Уже через 2 месяца иностранной жизни и контактов со связными руководителя всех украинских националистов полковника Е. М. Коновальца Судоплатов (псевдоним Павлусь) отправился в столицу Германии, где летом 1936 г. лично познакомился с главным оуновцем. После нескольких продуктивных встреч новый член организации поступил в нацистскую партийную школу, благодаря чему завел связи со многими активными украинскими «деятелями».

Павел все больше входил в доверие к Коновальцу, и встречи происходили все чаще. Вскоре Коновалец предложил Судоплатову поехать вместе с ним с инспекцией во Францию и Австрию. Так у советского разведчика появилась возможность встретиться в Париже со связным из Центра. Каково же было

его удивление, когда при входе в столичное кафе он увидел свою ненаглядную Эмму. Иногда жизнь все-таки похожа на кино — достаточно вспомнить сцену встречи в кафе Штирлица со своей женой из «Семнадцати мгновений весны».

Советское руководство рассматривало украинских националистов как достаточно серьезную опасность для страны. Они поддерживали тесные связи с нацистами и западными спецслужбами, от которых получали финансовую помощь, используя ее на подготовку и засылку в СССР агентов, обучение на Западе и формирование специальных батальонов. Поэтому возникла настоятельная потребность в решительном противодействии им.

Чтобы подчеркнуть значимость борьбы с потенциальными вражескими пособниками, И. Сталин даже считал важным и нужным лично встречаться с сотрудниками спецслужб, работавшими по этой части.

В 1937 г. Павел вернулся на родину в роли агента украинских националистов. Здесь ему вручили орден Красного Знамени, а осенью он впервые удостоился приема у Сталина. В кабинете Главного командующего Судоплатов в общих чертах обрисовал суть борьбы за власть среди оуновцев и рассказал о бесконечных обсуждениях того, кто какое министерство возглавит в будущем правительстве Украины. При этом разведчик особо отметил опасность лидера националистов. На вопрос вождя о конкретных предложениях Павел честно признал-

ся в отсутствии таковых. Сталин дал ему недельный срок на раздумья. По истечении отсрочки Судоплатов доложил Сталину о плане активизации работы НКВД с боевиками ОУН (организация украинских националистов) и о внедрении дополнительных агентов в руководство организации. Что касается Коновальца, то Сталин, узнав о неистребимой любви того к шоколадным конфетам, обратил внимание Павла на этот необычный момент. В итоге для ликвидации главаря было решено использовать «сладкий подарок».

В коробку украинских шоколадных конфет поместили специально изготовленное взрывное устройство. Павел под видом радиста сел на грузовой корабль «Шилка» и добрался до Роттердама, где 23 мая 1938 г. в ресторане «Атланта» провел кратковременную встречу со своим «руководителем». Поговорили они недолго, решив повидаться позднее в центре города. Судоплатов обрадовал Коновальца конфетами и положил подарок на край стола. Часовой механизм заключенного в коробке устройства запускался при переворачивании ее в горизонтальное положение.

Павел сходил в магазин, приобрел шляпу и плащ, переоделся и на выходе услышал взрыв. Судно, на котором приплыл советский агент, отправилось без своего пассажира. А Павел к вечеру был уже в Париже, откуда передал в Центр шифрованное сообщение: «Подарок вручен. Посылка сейчас в Париже, а шина автомобиля, на котором я путешествовал, лопнула, пока я ходил по магазинам».

Лидеру националистов выжить не удалось — его разорвало на части, когда он остановился у ближайшей к ресторану витрины.

Этой операции придавалось очень большое значение. И на это были причины. Связь с ячейками украинских националистов осуществлялась лично через Коновальца. Он сам посылал и встречал отсюда курьеров. Соблюдая секретность, полковник ничего не рассказывал остальным членам ОУН, а лишь в общих чертах информировал о положении на востоке Украины. Делалось это с целью предотвращения крушения всей сети организации — о целостной картине имел представление 1 человек. Возможно, замысел был не таким уж удачным, поскольку советская разведка смогла 1 ударом разрушить формировавшуюся годами систему националистического подполья на Украине.

На очередном приеме у Сталина разведчику поручили руководить операцией по нейтрализации Л. Д. Троцкого. Для этого создавались группа нелегалов «Конь» во главе с мексиканским художником Д. А. Сикейросом и группа «Мать» испанца К. Меркадера. В 1940 г. все действующие лица собрались в Мексике.

Попытка убийства, предпринятая группой «Конь», не увенчалась успехом. Один из членов группы познакомился с охранником дома «объекта». Так что 23 мая 1940 г. ворота виллы были открыты без каких-либо подозрений. Охранника тут же «сняли», в дом проникли автоматчики и расстреляли кровать Троц-

кого. Но проверить ее никто не удосужился. На самом деле бывший советский партийный деятель прятался под кроватью.

Центр узнал о провале и задействовал Меркадера, который к тому времени уже стал «женихом» одной из доверенных сотрудниц Троцкого С. Агелоф. Поэтому Рамон имел возможность посещать дом Троцкого и встречаться с ним. После неудавшегося покушения возникла опасность задержания и раскрытия Меркадера. Судоплатов обратился по этому вопросу к Берии, а тот — к Сталину. Вождь дал добро на продолжение операции.

20 августа 1940 г. Меркадер дал почитать Троцкому посвященную ему газетную статью. Под одеждой советский агент прятал альпинистский ледоруб, которым предполагалось совершить убийство. Когда Лев Давидович знакомился с заметкой, он немного повернул голову, и ледоруб опустился неточно. Троцкий закричал, прибежали охранники и не дали растерявшемуся «киллеру» завершить дело. Впрочем, 21 августа раненый умер в больнице.

Меркадера приговорили к 20 годам тюремного заключения. Он вернулся в СССР в 1960 г. и стал Героем Советского Союза. В это время Судоплатов томился во Владимирской тюрьме.

В начале Великой Отечественной войны, 5 июля 1941 г., Павла поставили во главе Особой группы при наркомате внутренних дел. В ее задачи входило руководство разведывательно-диверсионной деятельностью в тылу немецких войск. Указывать все на-

правления его работы — занятие довольно утомительное, настолько их было много. Скажем только, что в их реализации как никогда проявился незаурядный организационный талант Судоплатова.

Павел курировал деятельность известного партизанского отряда «Победители» полковника Д. Н. Медведева. Про выдающегося участника этой группы Н. И. Кузнецова уже рассказывалось. Можно упомянуть, что именно он вывел советскую разведку на Отто Скорцени, готовившего покушение на И. В. Сталина, У. Черчилля и Ф. Д. Рузвельта в Тегеране в 1943 г. Памятник Кузнецову, ранее находившийся во Львове и демонтированный после 1991 г., перенесен в Екатеринбург.

Кроме того, в своей книге П. Судоплатов вспоминает резидентуру Р. Зорге, самоотверженную борьбу немцев из «Красной капеллы», проведение радиоигр с германской разведкой, неоценимую работу советских разведчиков в странах третьего мира. Двадцать три разведчика из 28 сотрудников спецслужб, удостоенных звания героя Советского Союза, работали под управлением Судоплатова.

В ноябре 1949 г. в Украине жестоко убили писателя Я. Галана, разоблачившего связи Греко-католической церкви с нацистами. Сталину такой поворот дела в борьбе с националистическим подпольем не понравился. По его мнению, работа проводилась недостаточно эффективно. Павла направили во Львов, где он пробыл 6 месяцев, успев за это время склонить к сотрудничеству защитника и влиятельно-

го участника бандеровского движения В. Горбового и поближе подобраться к тщательно скрывавшемуся главнокомандующему Украинской повстанческой армии Р. Шухевичу.

В обнаружении точного местонахождения лидера подполья невольно помогла его сожительница и телохранительница Д. Гусяк. 5 марта 1950 г. проводилась операция по захвату Шухевича, в ходе которой возникла перестрелка и националист погиб под пулями.

После убийства Е. Коновальца Судоплатов из Франции перебрался в республиканскую Испанию, где практически целый месяц представлялся польским добровольцем в международном партизанском отряде под руководством НКВД.

Бандеровское движение оказалось парализовано и стало утихать. Примерно через год для его реанимирования британцы попытались заслать парашютистов-диверсантов, но они попали в руки агентов Судоплатова. Еще через несколько лет движение оуновцев само собой сошло на нет.

Дальнейшая карьера у разведчика не сложилась. Генерал-лейтенант в возрасте 46 лет, много знавший о Н. С. Хрущеве, 21 августа 1953 г. был арестован. По ложному обвинению его приговорили к 15 годам лишения свободы. В тюрьме у Судоплатова серьезно ухудшилось здоровье, но он про-

РАЗДЕЛ 2. ЗНАМЕНИТЫЕ РАЗВЕДЧИКИ

должал отстаивать свое честное имя. 21 августа 1968 г. его освободили. Реабилитирован он был лишь в 1991 г.

Пока не распался СССР, практически никто не знал о яркой жизни П. Судоплатова. После перестройки о нем многие заговорили в немалой степени благодаря его книге «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы».

Скончался Судоплатов 26 сентября 1996 г. и похоронен в Москве.

РАДО ШАНДОР

Будущий разведчик родился 5 ноября 1899 г. в столице Венгрии Будапеште. Окончил гимназию и пошел служить в австро-венгерскую армию, где его определили в артиллерийское училище. Вместо фронта Радо попал в бюро секретных приказов артиллерийского полка. Здесь у него имелся доступ к сообщениям, из которых становилось понятно реальное положение дел в стране и армии.

Параллельно Шандор поступил на юридический факультет будапештского университета. В 1918 г. он становится членом Коммунистической партии Венгрии и принимает участие в революционном движении. Желание воевать у него было, но из-за плохого зрения его взяли только картографом в штаб дивизии.

В 1922 г. в Германии Радо встретил Х. Янсен — соратницу, женщину, ставшую его супругой. Он был одним из тех, кто возглавил подготовку к организованному Коминтерном восстанию в Гамбурге. Оно закончилось, не успев начаться, будучи жестоко подавленным властями. После этого революционер

некоторое время провел в Москве и летом 1924 г. с женой и старшим сыном вернулся в Германию.

Здесь, памятуя о своих картографических навыках, Шандор создал агентство «Пресс-географи», совмещая работу с чтением лекций в марксистской школе. Когда в 1933 г. к власти пришел Гитлер, он был вынужден покинуть страну. Местом жительства был выбран Париж, где Радо учредил информационное агентство «Инпресс».

В октябре 1935 г. по приглашению редакции «Большого советского атласа мира» Шандор приехал в столицу СССР. В это время им уже заинтересовалась советская разведка. Был организован прием у заместителя начальника Разведуправления А. Артузова. После довольно длительного общения Радо согласился стать военным разведчиком-нелегалом. До того как новоявленный разведчик покинул страну, разъяснительную беседу с ним провел начальник военной разведки С. Урицкий. Именно он и определил 1-ю задачу. Под прикрытием вывески информационного агентства Шандор должен был сформировать в Бельгии нелегальную агентурную сеть для сбора информации о Германии и Италии.

Вернувшись во Францию, завербованный Шандор (псевдоним Дора) прекращает там деятельность своей организации и пытается открыть ее уже в Бельгии. Однако местные власти разрешения на это не дали. В ход пошел альтернативный вариант, по которому аналогичное обращение было направлено швейцарским чиновникам. В мае 1936 г. нако-

нец-то появилась возможность официально учредить в Женеве акционерное общество «Геопресс». Кроме того, Шандор получил вид на жительство в этой стране.

Через некоторое время молодая картографическая организация стала весьма популярной и была представлена при отделе печати Лиги Наций, благодаря чему брала заказы на карты от официальных организаций многих государств. Таким образом Шандору удавалось узнавать планы и намерения европейских правительств и военных кругов. В Москве эти сведения получали высокую оценку.

Когда в Европе началась Вторая мировая война, швейцарские границы закрылись, связь с Шандором прервалась. У резидентуры имелся передатчик, но не было радиста.

В конце 1939 г. советскому агенту У. Кучински (Соне) в Швейцарии, подготавливавшей радистов, поручили наладить контакт с Радо, который в переписке обозначался именем Альберт, и организовать постоянную связь с Центром. Весной 1940 г. в Женеву прибыл руководитель бельгийской резидентуры А. М. Гуревич (Кент). С собой он привез все, что было необходимо, кроме валюты, поскольку ее на границе могли посчитать контрабандой.

Дело оставалось за радистами. В этом качестве в июне 1940 г. к сотрудничеству была привлечена семейная пара — Э. Хамель (Эдуард) и О. Хамель (Мауд). Мужчина по специальности был радиотехником и к тому же хозяином магазина радиоаппарату-

ры. После инструктажа у Сони и установки собственного передатчика у себя дома с августа 1940 г. муж и жена приступили к работе. В результате Дора и Соня независимо друг от друга с помощью своих шифров и режимов выхода на связь смогли передавать донесения в Москву.

Война заметно сократила количество заказов у фирмы «Геопресс», поэтому Шандор и его семья стали испытывать серьезные финансовые затруднения. При этом оперативные расходы постоянно возрастали. Тогда в октябре 1940 г. Москва решила снабдить разведчика деньгами — их ему должны были передать в Белграде. Через знакомого Шандор договорился о посещении Венгрии с заездом в Белград. Там курьер передал ему деньги, которые были доставлены в Швейцарию в пышных волосах супруги (Мария), сопровождавшей Радо.

В конце 1940 г. Соня с детьми уехала из страны. Позднее, к лету 1941 г., она окажется в Англии. На ее передатчике работал радист А. Фут (Джим), перебравшийся в Лозанну. Связь с ним поддерживалась через оставшегося в Женеве агента Л. Бертонна — мужа урожденной Кучински. В марте 1941 г. Джим настроился на стабильную связь с Центром, посылая донесения, тексты которых получал от Бертонна. После того как последний летом 1942 г. тоже уехал в Великобританию, содержание посланий стало исходить непосредственно от Доры или Марии.

В феврале 1941 г. к журналисту О. Пюнтеру (Пакбо) от его агента Луизы (офицер швейцарской разведки Б. М. фон Бальдег) приходили тревожные данные о перемещении германских войск на восток. Обо всем сообщалось в Центр.

Тем временем резидентура Шандора расширялась. К ней присоединились бывшие французские офицеры, вписавшиеся в «коллектив» под псевдонимами Зальцер (сторонник полковника Ш. де Голля) и Лонг (бывший представитель французской разведки со множественными полезными источниками). В числе источников последнего можно упомянуть австрийского аристократа с большими связями М. фон Гримма (Грау), журналиста и редактора Э. Леммера (Агнесса).

Конечно, наиболее важным приобретением агентурной сети Радо был Р. Ресслер (Люци), показавшим себя одним из лучших шпионов Второй мировой войны. Он работал на СССР и Швейцарию. Его подключила Р. Дюбендорфер (Сиси), когда в феврале 1942 г. вышла на работника Международного бюро труда Х. Шнейдера (Тейлор), среди знакомых которого был и Люци. Благодаря увеличению количества источников объем информации для советской разведки постоянно возрастал.

Имевшихся в Лозанне и Женеве 2 радиопередатчиков уже было недостаточно. Тогда Дора завербовал антифашистку М. Болли (Роза), на чьей квартире в Женеве установили еще 1 радиопередатчик, сконструированный Эдуардом. Фут обучил

молодую радистку, и с августа 1942 г. она начала выходить в эфир. Теперь резидентура Ш. Радо обрела законченный вид.

Нацистские службы радиоперехвата заинтересовались активно функционирующими 3 неопознанными радиоточками. Начальник радиотехнической разведки докладывал своему немецкому руководству, что еще в июле 1941 г. эти нелегальные радиостанции были запеленгованы прослушивающими радиоточками, расположенными на границах Швейцарии с прилегающими странами. Спустя год местонахождение источников радиосигналов удалось определить точнее. Однако германские специалисты так и не смогли выяснить, какие используются шифры и на кого работают станции.

Лишь когда в ноябре 1942 г. во Франции попали под арест руководители «Красной капеллы» в Бельгии и Франции (А. Гуревич и Л. Треппер), немцы, используя захваченные шифры, сумели вникнуть в смысл некоторых радиogramм разведсети Шандора. Они были ошеломлены, поскольку через Швейцарию в СССР утекала сверхсекретная информация из самых высоких начальственных кабинетов германских вооруженных сил. Неизвестная группа получила название «Красная тройка». Перед немецкой контрразведкой была поставлена задача раскрыть и ликвидировать ее.

С этим у немцев возникли некоторые осложнения — «тройка» находилась на территории нейтральной страны. Несмотря на это, участников агентуры

попытались вычислить официальным способом по каналам связи начальника политической разведки службы безопасности Третьего рейха В. Ф. Шелленберга с руководством швейцарской разведки и контрразведки. Использовали и неофициальные источники: через резидента Г. Мейснера, значившегося генеральным консулом Германии в столице Швейцарии Берне. Нацисты имели информацию о Доре и Пакбо, поэтому за ними сразу установили слежку и таким образом вышли на Розу.

По указанию Мейснера 1 из его агентов в Женеве Г. Петерс должен был войти в доверие к Болли и установить близкие отношения, вскружив той голову. Сделать это симпатичному молодому человеку, который притворялся антифашистом и участником Сопротивления, было нетрудно. Но самое прискорбное, девушка ничего не сообщила Радо, и гестапо проникло в его агентурную сеть. К лету 1943 г. немцы имели данные на всех членов группы за исключением Сиси и Тейлор. Кроме того, не удалось выполнить главного, а именно: определить источники и тем самым перекрыть утечку информации.

Единственное, что можно было сделать в такой ситуации, — это разорвать связи группы с Центром. Еще в сентябре 1942 г. Шелленберг ездил в Швейцарию и просил начальника швейцарских спецслужб Р. Массона ликвидировать советскую резидентуру. Он получил уверения в том, что будет сделано все возможное. Швейцарцы ничего не предприняли,

и «Красная тройка» продолжала работать. Конечно, самым действенным и наиболее привычным способом для нацистов были бы похищение Шандора с радистами и переправка их в Германию, где под пытками они бы заговорили. Однако война складывалась не в пользу нацистов и лишний раз вызывать международный скандал им не хотелось. Поэтому Шелленберг в марте 1943 г. опять поехал в Берн и мягко, но твердо намекнул швейцарским силовикам, что если они не пошевелятся, то германо-швейцарские отношения серьезно ухудшатся.

Группа Шандора сообщала советскому руководству новые важные разведданные о планах германских войск под Курском, подробные тактико-технические характеристики танка «Тигр», о сговоре ряда немецких генералов, лелеявших надежду и готовых физически устранить Гитлера и его сторонников. В сентябре 1943 г. швейцарские спецслужбы запустили мобильную систему радиопеленгации в виде передвигавшихся автомобильных фургонов, которые постоянно перехватывали сигналы радиопередатчиков. Ночью 13 октября 1943 г. около 24.00 ч задержали с поличным радистов Эдмонда Хамель и Ольгу Хамель. В руки силовиков попали шифры, программы связи, тексты сообщений. 14 октября дома у Петерса схватили влюбленную в него М. Болли. На допросах арестованные полностью отрицали какую-либо связь с советской разведкой и «не узнавали» Шандора по фотографии.

В феврале 1941 г. Луиза сообщила Ш. Радо о наличии немецких дивизий на востоке и о планах Германии напасть на СССР в конце мая. 17 июня советский резидент радировал: «На советско-германской границе стоит около 100 пехотных дивизий, из них треть — моторизованные. Кроме того, 10 бронетанковых».

Когда до Шандора дошли новости о провале радистов, он переложил обязанности главного резидента на О. Пюбнера и «залег на дно». Связь осуществлялась через единственного оставшегося нераскрытым радиста — А. Фута. Однако периодически он был вынужден включать рацию, и пеленгаторы все-таки его засекли. Ночью 20 ноября 1943 г. к нему вломилась полицейские как раз во время приема радиogramмы из Москвы. Полиции пришлось выбивать дверь, и Джим успел обработать приемник молотком, а радиogramмы сжечь на пламени свечи.

В полиции Фут согласился с тем, что являлся радистом, но с маленьким уточнением: работал он не на советскую, а на британскую разведку, передавал сведения исключительно о Германии. Он заявил, что сообщников у него нет, а с Шандором, Болли, супругами Хамель он не знаком. 19 апреля 1944 г. задержали еще нескольких членов группы, включая и Р. Дюбендорфер, которая, чтобы пустить полицию по ложному следу, утверждала, будто работает на англичан. Аналогичная судьба постигла и Р. Ресслера.

Любнер с некоторыми коллегами оставались на воле, однако это было уже не важно, поскольку без радиосвязи группа оказалась бесполезна. 16 сентября 1944 г. Шандор с Хеленой при содействии французских участников Сопротивления тайно пересекли франко-швейцарскую границу и укрылись в подконтрольном коммунистам городе Аннси. Затем Радо с женой отправились в столицу Франции, к тому времени очищенную от оккупантов. 26 октября 1944 г. они вступили в контакт с сотрудниками Главного разведуправления СССР, уведолив о деталях ликвидации швейцарской резидентуры. В том же месяце власти Швейцарии, не опасаясь больше Германии, освободили остальных членов «Красной тройки».

После войны в октябре 1945 г. швейцарский суд обвинил Ш. Радо, Х. Радо, Р. Дюбендорфер, ее возлюбленного и помощника П. Бетхера, А. Фута, Р. Ресслера, Х. Шнейдера, М. Болли, Э. Хамель, О. Хамель и некоторых других в осуществлении разведдеятельности на территории Швейцарской Конфедерации. Все они получили разные сроки. Одного Р. Ресслера оправдали. Впрочем, посидеть взаперти никому не удалось, поскольку кого-то осудили заочно, Хамеля и Болли — условно, а Шнейдера отпустили, засчитав ему срок, уже проведенный в тюрьме.

Казалось бы, это конец драмы Ш. Радо, но не тут-то было. Швейцарскому правосудию пришлось применять заочное осуждение, поскольку еще в самом начале 1945 г. Ш. Радо и прочие агенты улетели

в Москву. При этом Шандор пребывал в глубокой скорби, узнав о гибели всех своих родных в фашистском концлагере. К тому же он считал себя виноватым в неудачах резидентуры. Продолжительное подпольное существование также наложило свой отпечаток. Вылилось все это в побег из гостиницы в Каире, где самолет совершил промежуточную посадку, и обращение в посольство Великобритании с просьбой о политическом убежище. Так как Шандор летел под вымышленным именем в качестве бывшего советского военнопленного, то он не представлял интереса для англичан. Тогда Радо попытался убить себя, но и здесь ничего не вышло — его спасли и поместили в лагерь для интернированных.

Советская разведка обеспокоилась исчезновением своего резидента. Посол СССР в Египте обратился к властям с требованием выдать «военнопленного», который обвинялся в тяжком преступлении. В августе 1945 г. просьбу удовлетворили и Шандора все-таки довели до Москвы, где им занялась военная контрразведка. В декабре 1946 г. психологически неустойчивого разведчика осудили на 10 лет тюрьмы за шпионаж и по обвинению в провале швейцарской резидентуры. В вину ему ставили халатное отношение к хранению шифров и документации, недостаточную конспирацию, наличие в группе двойных агентов. Самого Шандора тоже посчитали таким, иначе зачем ему надо было убегать в Каире.

Через 8 лет, в 1954 г., его дело пересмотрели, надуманные обвинения сняли, реабилитировали

РАЗДЕЛ 2. ЗНАМЕНИТЫЕ РАЗВЕДЧИКИ

и освободили. Летом следующего года Шандор возвратился в Венгрию к жене, не получавшей от него весточек на протяжении 10-ти лет. В мирной жизни он посвятил себя научной деятельности, связанной с географией и картографией, стал доктором наук и членом Академии наук Венгрии. Советские власти удостоили его орденов «Дружбы народов» и «Отечественной войны I степени».

Скончался Ш. Радо 20 августа 1981 г. в Будапеште.

ЯН ЧЕРНЯК

Ян Черняк — один из самых успешных разведчиков Советского Союза. Он появился на свет 6 апреля 1909 г. в Черновицах, тогда еще на территории Австро-Венгрии. В Первую мировую войну его родители пропали без вести. Ребенок получил воспитание в суровых реалиях сиротского приюта. В 1927 г., окончив среднюю школу, Ян поступил в Пражское высшее техническое училище и достиг на этом поприще значительных успехов. Больше всего он любил изучать новые языки — в 20 лет знал 7 языков. Русский он выучил немного позднее.

Имея на руках диплом, молодой человек пошел на завод, но из-за экономического кризиса его сократили. Ян не унывал. Решив получать образование дальше, он поступил в Берлинский политехнический колледж. Еще в школе он принадлежал к немецкому Социалистическому союзу молодежи, а в столице Германии стал членом ее Коммунистической партии.

В это время на него и вышла советская разведка. В июне 1930 г. в берлинском кафе новоиспеченный коммунист встречался с Матиасом — сотрудником Разведуправления РККА. На предложение разведчика о помощи в борьбе с фашизмом Черняк ответил согласием.

В том же году завербованного призвали в армию Румынии, и он занялся делопроизводством в штабе артиллерийского полка. Тогда-то в Москву начали приходить первые военно-технические данные по Германии и ее союзникам. К 1934 г. Черняку удалось сформировать свою агентурную сеть, работавшую в стране и вне ее.

Когда в 1935 г. одного из осведомителей Яна арестовали, резидента срочно отозвали в Москву. Там с ним общался начальник разведки РККА Я. Берзин, а специальную подготовку с недостаточно опытным агентом проводили под надзором заместителя Разведуправления Генштаба А. Х. Артузова.

В таком напряженном графике для изучения русского языка нашлось совсем немного времени. В 1936 г. Черняк, будучи выпускником разведшколы, а официально — в роли корреспондента ИТАР-ТАСС, посетил Швейцарию. Долго не мешкая, разведчик приступил к созданию резидентуры. Для него это не составило труда, поскольку естественное обаяние и общительность позволяли Яну быстро и легко входить в контакт с людьми, которые были готовы помогать СССР. В числе ценных информаторов числились люди с разным общественным положением, например секретарь министра, офицер разведки, влиятельный банкир и т. д.

В ходе зарубежной поездки Черняк осуществил очень важную работу и лично завербовал 20 агентов. Все они поставляли весьма разные сведения, включая информацию о европейских системах во-

оружий и военной техники. Ян обладал незаурядными качествами настоящего профессионального разведчика. Благодаря своей феноменальной памяти Черняк с 1-го раза запоминал до 10 страниц текста или же особенности расположения в помещении до 70 предметов. При этом язык не имел значения, главное, чтобы он его знал. Очень внимательный и чуткий, прирожденный психолог, он часто наверняка предугадывал намерения собеседника.

Кроме того, внешность его была обманчива: незаметный и с виду не принадлежавший к какой-то определенной нации, он отличался удивительной силой и ловкостью, будучи настоящим мастером рукопашного боя. С помощью подручных приспособлений мог подделать любой документ, изготовить печати и штампы. Проникнуть в секрет шифра сообщений, которые он передавал, не получалось ни у кого (кроме адресата, естественно).

Когда в 1938 г. было заключено Мюнхенское соглашение о расчленении Чехословакии, разведчик-нелегал прибыл в Париж, где в атмосфере уже чувствовалась повышенная нервозность. Немецкая армия, вторгнувшаяся в страну летом 1940 г., не застала там Яна. Он заранее успел перебраться сначала в Швейцарию, а потом в Великобританию.

Резидентура, сколоченная Черняком, называлась «Крона», и ее участники были вхожи в самые высокие кабинеты Третьего рейха, а передаваемая ими информация военно-стратегического характера всегда получала неизменно положительную

оценку в Центре. Причем ни 1 из агентов группы Яна не был разоблачен.

12 июня 1941 г., т.е. до соответствующих донесений Р. Зорге и участников «Красной капеллы», Черняк переслал в Москву секретный приказ, в котором черным по белому была прописана дата, главные цели и сигналы вторжения в СССР в пределах принятого плана «Барбаросса».

За время выполнения ответственных разведывательных заданий у Я. Черняка постоянно менялись оперативные псевдонимы, причем с определенной последовательностью и через конкретные интервалы. Так было нужно, чтобы никто и ни при каких условиях не смог установить его подлинное имя и свести воедино информацию о времени, местах, людях, с которыми разведчик имел дело.

Когда переданное сбылось, агентурная сеть Яна, охватывавшая Германию, Италию и несколько других европейских государств, активизировала свою работу и превратилась в ценнейший источник информации, которая оказала значительное влияние на ход войны. Из 35 источников (местных кадров с безукоризненной репутацией) многие находились на важных постах, включая вермахт, гестапо, абвер и даже ставку Гитлера.

Деятельность группы продолжалась практически 11 лет, и если «Красную капеллу» и «Красную трой-

ку» нацисты выявили и нейтрализовали, то о «Кроне» они могли лишь догадываться по перехваченным радиодиаграммам. Расшифровать их немцы так и не смогли. Определить места, откуда шли радиопередачи, у них тоже не получилось.

А между тем в Москву беспрепятственно «летели» разведданные о системах противовоздушной и противолодочной обороны врага, современных технологиях и авиаматериалах. Исправно отправлялась информация о технических характеристиках и конструктивных особенностях германской военной техники и аппаратов связи, о состоянии оборонной промышленности, имеющихся ресурсах, о прогрессе в деле создания ракеты Фау-1. Причем передавались не просто лаконичные сообщения, а полноценная документация и чертежи. Иногда присланные материалы умещались более чем на 1000 листах. Такие большие объемы передавались с помощью хитрой системы курьерской связи.

Перед Курской битвой группа «Крона» снабдила Центр довольно подробной технической документацией по новейшим танкам «тигр» и «пантера» (такие же сведения передавала и «Красная капелла») и сверхсекретными сведениями о стратегических планах немецкого командования на Курском направлении. Основная задача кампании заключалась в окружении и ликвидации многочисленной группировки Советской армии. Если бы у Германии это получилось, то поражение СССР было бы не за горами. Благодаря своевременным разведданным

и невзирая на ощутимые потери, советские войска разбили немцев и переломили ход войны.

Отдельного упоминания заслуживает роль Яна в ядерном проекте. В первой половине 1942 г. он под псевдонимом Джен ездил в Англию с целью завербовать доктора физических наук по имени А. Н. Мей. Отличительными чертами ученого были серьезность, замкнутость и симпатии к коммунистам и СССР. В апреле 1942 г. его приобщили к британской ядерной программе Tub Alloys.

В общем и целом советская разведка знала о планах разработки в Англии оружия на основе расщепления урана. Об этом докладывал в сентябре 1941 г. участник «Кембриджской пятерки» Д. Маклин. Одним месяцем ранее сведения о создании нового оружия в Великобритании и США добыл легальный резидент советского Разведуправления в Лондоне полковник С. Кремер. Он использовал данные немецкого физика К. Фукса, с лета 1941 г. участвовавшего в английском проекте.

В июне 1942 г. Ян приступил к успешной вербовке Мея. Связавшись с ученым, разведчик уверил его, что информация о британском атомном проекте поможет Советскому Союзу победить фашизм. Оставшуюся половину года Черняк не раз встречался с ядерщиком и получал документальную информацию о главных направлениях научно-исследовательских работ по урановой тематике. Помимо этого, ученый делился и более конкретными данными: об установках по отделению изотопов урана, описанием технологиче-

ского производства оружейного плутония, — всего примерно 130 листов документальных материалов.

Общение физика и разведчика продолжалось до конца 1942 г. В начале следующего года ученого перевели в Монреальскую лабораторию. Они обсудили возможность восстановления связей в Канаде, однако о сроках условливаться не стали, поскольку между этой страной и СССР дипотношений еще не было.

Через некоторое время после того как над Рейхстагом взвился советский флаг, Яна направляют в США для осуществления разведки по «манхэттенскому проекту» — аналогичному британскому проекту создания ядерного оружия. Работавшего по этой теме в Канаде советского военного атташе полковника Н. Заботина раскрыла контрразведка. Скандал был грандиозный — советскому правительству пришлось быстро отзывать полковника и извиняться за «личную инициативу резидента».

Как раз на замену Заботину Черняк и прибыл. По приезде он реорганизовал резидентуры, определил новые источники полезных сведений. Через некоторое время Москва уже читала объемный доклад о том, как продвигаются работы по созданию атомной бомбы, в том числе доклад итальянского физика Э. Ферми, список научно-исследовательских объектов в Америке и Канаде. Помимо этого, Мей передал разведчику образцы урана-235.

К сожалению, работа Черняка вскоре завершилась из-за предательства лейтенанта И. Гузенко.

Последний занимался шифрованием сообщений под видом сотрудника советского посольства. 5 сентября 1945 г. он обратился к властям Канады с ходатайством о политическом убежище для себя и жены, не забыв при этом захватить с собой из служебного сейфа секретные документы.

Это был серьезный удар по советской разведке. По горячим следам соответствующая канадская служба вычислила 19 агентов советской резидентуры. Девять из них были осуждены. С помощью информации от Гузенко английские спецслужбы смогли выйти на Мея. Когда его 4 марта 1946 г. арестовали и обвинили в сотрудничестве с русскими, он признался и вскоре был осужден на 10 лет.

Поскольку в Америке и Канаде после всего произошедшего оставаться было опасно, в Москве решили «эвакуировать» Черняка. В начале 1946 г. советский военный корабль увез Яна в Севастополь. О случившемся доложили лично И. Сталину. Была сформирована специальная комиссия, которая признала виновным Заботина. Он сам, его жена и сын были арестованы и находились в лагерях до смерти генералиссимуса.

Гузенко долго охраняли в Канаде, а в 1948 г. он написал книгу «Это был мой выбор». В дальнейшем он стал злоупотреблять алкоголем и спился. Умер он в 1982 г.

Заканчивая очерк про легендарного разведчика, необходимо отметить, что он сумел остаться на

свободе в отличие от участников «Красной капеллы» и «Красной тройки». Возможно, это обстоятельство говорит о том, что Черняк был исключительным профессионалом, а возможно, был очень тесно связан с зарубежной резидентурой, которая развалилась бы, если нарушилось хоть 1 звено. Яна не подвергали репрессиям и предоставили возможность спокойно работать переводчиком в ИТАР-ТАСС.

Как-то он по поручению руководства ГРУ встречался с писателем Ю. Семеновым для уточнения образа Штирлица. Впрочем, сам Черняк посмеивался над перипетиями «Семнадцати мгновений весны», считая их совершенно фантастическими.

Жил разведчик (наверное, к этому времени уже бывший, хотя, говорят, бывших разведчиков не бывает) вместе с супругой в однокомнатной квартире. Детей у них не было. Пенсию стареющему патриоту назначили мизерную, соответственно званию — вольнонаемного ГРУ, тогда как, по оценкам экспертов, экономический эффект от его деятельности превышал сотни миллионов долларов.

14 декабря 1994 г. о Черняке все-таки вспомнили по случаю 50-летия Победы и сделали Героем Российской Федерации, но он об этом не узнал, поскольку находился в больнице в бессознательном состоянии. Умер он 19 февраля 1995 г. в Москве и был похоронен на Преображенском кладбище.

ВЛАДИМИР МОЛОДЦОВ

Руководитель подпольной разведывательно-диверсионной группы, орудовавшей в Одессе и ее окрестностях в годы Великой Отечественной войны, Владимир Молодцов занял свое почетное место среди многих советских разведчиков и диверсантов. Владимир имел официальное звание капитана государственной безопасности и работал под псевдонимом Бадаев.

Родился будущий партизан 5 июня 1911 г. в русской семье в г. Сасово — сейчас это Рязанская область. В период с 1918 по 1922 г. он учился в железнодорожной школе и показал себя дисциплинированным учеником, ходил в кружки пения, музыки и рисования.

Потом Владимир с семьей переехали в Подмосковье. Здесь он с 1922 по 1926 г. учился в школе поселка Кратово, которую с успехом закончил. В эти годы он проявил себя хорошим организатором, любил читать литературу, стихи, даже пробовал сам их писать, занимался спортом.

В 1931 г. Молодцов вступил в ВКП (б). В 18 лет он уже не чурался никакой работы: трудился чернора-

бочим, слесарем. Осенью 1930 г. по линии комсомола его направили на шахту в Подмосковский угольный бассейн. Там он задержался почти на 4 года. В 1934 г. окончил рабочий факультет при Московском инженерно-экономическом институте. Владимир хотел окончить институт и стал студентом первого курса, однако был направлен в Центральную школу НКВД. За год его хорошо подготовили, и он остался работать в комиссариате госбезопасности.

С марта 1941 г. Молодцова определили во внешнюю разведку. В июле 1941 г. ему, в то время начальнику одного из подразделений политической разведки, предоставили руководство над оперативной разведывательно-диверсионной группой и послали в Одессу для осуществления спецопераций. После того как в городе не осталось советских войск, Молодцов отвечал за диверсионную разведывательную деятельность в тылу немцев. О том, что группа полностью укомплектована для выполнения поставленных задач, он сообщил в Центр 12 сентября.

Партизаны приступили к активным действиям против оккупантов 16 октября 1941 г.: выбравшись из городских катакомб, они спрятались в овраге и неожиданно накрыли вражескую колонну массированным огнем. Примерно 45 нацистских солдат были ликвидированы. Подпольщики потерь не понесли и вернулись в катакомбы.

Еще не закончился 1-й год войны, а группа Владимира пустила под откос 4 поезда с солдатами

и боеприпасами, свыше 10 раз вступала в сражения с карательными отрядами, минировала дороги, ликвидировала узлы связи. Например, 23 октября коммандатура вместе с находившимися там высокопоставленными должностными лицами противника и их пособниками взлетела на воздух от заложенной диверсантами бомбы. В результате более 200 немецких офицеров погибли под обломками здания. А ночью 17 ноября произошло крушение поезда из-за сработавшего взрывного устройства и погибли не менее 250 нацистских чиновников и офицеров.

Вместе с этим группа Бадаева, несмотря на нахождение в блокаде и деятельность вражеской контрразведки, следившей за выходами из катакомб, через агентуру добывала разведданные о расположении немецких военных объектов в городе и регулярно передавала важные сведения в Москву.

Остаться в оккупированной Одессе было личным решением В. Молодцова. Костяк его группы составили коллега по работе в центральном аппарате НКВД С. Виноградов, сотрудник НКВД УССР П. Морозовский и ряд кадровых чекистов областного УНКВД.

Руководство советской разведки докладывало Верховному главнокомандующему о сообщениях Кира (радиопозывной Владимира). Донесения Сталину начинались словами: «Нелегальный резидент

НКВД в Одессе сообщает...». Обычно они содержали ценную информацию.

В начале февраля 1942 г. от «главного одесского партизана» пришло такое донесение: «Морской берег в районе села Дофиновка обносится проволочным заграждением. На берегу моря у села Сычавка установлено 30 дальнобойных орудий, в этом же селе расквартировано 200 немецких артиллеристов. В Одессе в Дюковском саду установлено 18 12-дюймовых орудий. Берег моря от Кузановки до Люстдорфа укреплен 102 тяжелыми орудиями, 320 минометами и пулеметами. На этом же протяжении возводятся блиндажи и земляные валы. 3000 румынских солдат в пешем порядке днями проследовали в город Николаев, в результате 22-градусного мороза много солдат отстало и замерзло. Проходившие мимо немецкие части румынским солдатам помощи не оказывали».

Германские и румынские спецслужбы были поражены масштабностью диверсий, совершаемых группой партизан. Благодаря активным действиям к ней на протяжении нескольких месяцев было приковано внимание значительных сил противника. Захватчики, видя, как немногочисленный отряд успешно водит за нос целые их войсковые соединения, приходили в ярость.

Но, к сожалению, удача диверсантам не могла улыбаться все время. 9 февраля 1942 г. из-за предательства одного из соратников Молодцова румынская охранка вышла на него. На Молодцова

нацепили кандалы, подвергли жестоким допросам, но не сломили мужественного разведчика.

Румыны в своей тайной переписке признавали высокий профессионализм Владимира и грамотное построение агентурной сети. В попавших в руки советской разведки документах имеется характеристика агентурной работы Молодцова: «Особенно знаменательно то, что агентура Бадаева завербована из элементов, на которых наши власти базировались в деле восстановления нормальной экономической и культурной жизни города... Благодаря агентурной сети Бадаев мог передавать в Москву точную информацию, касающуюся дислокации войск в Одессе, расположения береговых и зенитных батарей, пунктов города, где были построены заграждения для обороны, экономического положения и настроений населения, а также списки фамилий руководителей гражданских и военных властей».

Румынские оккупационные власти провели демонстративный судебный процесс, продолжавшийся с 25 по 29 мая 1942 г. В последний день во дворе тюрьмы лидера партизан в присутствии других заключенных ознакомили с приговором военно-полевого суда. Молодцова ждала смертная казнь. Ему было предложено подать румынскому монарху прошение о помиловании, однако Владимир отказался, пояснив, что «мы на своей земле и у врага помилования не просим».

12 июля 1942 г. советского подпольщика в цепях отвели на кладбище и расстреляли.

5 ноября 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР своим указом присвоил В. А. Молодцову посмертно звание Героя Советского Союза за мужество и стойкость, проявленные при выполнении спецзаданий командования, за отвагу и героизм. Кроме того, разведчик был награжден орденами Ленина и Красного Знамени.

В Рязани есть улица, названная в честь Молодцова, памятник храброму разведчику, посвященный его жизни музей. Улицы, названные именем Владимира, можно встретить в Москве, Кратове, Одессе, Туле.

МАМСУРОВ ХАДЖИ-УМАР

Родился 15 сентября 1903 г. в селе Ольгинское Владикавказского округа Терской области. Его военный путь начался еще в юношеском возрасте. В августе 1918 г. он вступил в Красную армию и был определен в горскую кавалерийскую сотню 11-й армии. К концу года Хаджи заболел тифом, и отступающие сослуживцы оставили его во Владикавказе, в который скоро вошли белогвардейцы, которые устраивали кровавые казни пленных. Молодой человек по счастливой случайности не попал «под раздачу». Стоит отметить, что везти ему будет всю жизнь. А тогда в занятом белогвардейцами городе погибли около 17 000 больных и раненых красноармейцев.

После этого Хаджи-Умар некоторое время партизанил в отрядах близ Владикавказа и Грозного. Неоднократно принимал участие в операциях по ликвидации белогвардейцев и штабов в тылу противника. Весной 1920 г. Хаджи-Умар стал комсомольцем, а позднее, когда в 1924 г. отучился в Военно-политической школе, — коммунистом. В 1929 г. его

назначили комиссаром, а потом командиром кавалерийского полка. Мамсуров отличался смелостью, ответственностью и абсолютной честностью. Это и предопределило его пребывание в элите Красной армии. В 1931 г. он был направлен на работу в Разведуправление.

В 1931 г. в Испании была свергнута монархия и избрана республиканская форма правления. Однако, как и следовало ожидать, это вылилось в гражданскую войну. Попытка проведения новым правительством реформ не нравилась коммунистам, социалистам и анархистам. Они-то и выступили в «поддержку» республики. Утром 18 июля 1936 г. по радио прозвучала известная фраза «Над всей Испанией безоблачное небо», обозначившая начало военного переворота, когда часть государства попала под контроль фашиста генерала Ф. Франко. Он сразу же обратился к Германии и Италии за помощью. В Испанию прибыли немецкие войска: живая сила, самолеты, танки, оружие и боеприпасы. Левая оппозиция не могла сопротивляться профессиональной армии и оказалась рассеяна по стране, а кого-то заблокировали в столице.

Эти события превратили Испанию в эпицентр освободительной войны против фашизма, и сюда со всех концов мира стали стягиваться добровольцы. СССР тоже не мог пройти мимо и направлял в непокойную страну целые организованные отряды. В 1936 г. Мамсуров в качестве военного советника под видом македонца Ксанти тоже отправился в Испанию.

Республиканские повстанцы знали свое дело плохо, поэтому франкисты при поддержке немцев и итальянцев легко оттесняли их к морю. Самыми квалифицированными бойцами были добровольцы. Вокруг них спланивались рабочие и крестьяне.

Хаджи-Умару понадобились все его командирские способности. Большой вклад он внес в подготовку обороны Мадрида. Здесь же осенью 1936 г. Хаджи встретил свою вторую половинку — будущую супругу аргентинку П. Абрамсон.

Македонец организовывал и руководил всем партизанским движением, обращая внимание окружающих на беспримерную храбрость и удачливость. Среди тех, кто восхищался Мамсуровым, был Э. Хемингуэй, прибывший в Мадрид весной 1937 г. Хаджи много рассказал писателю о партизанских буднях, однако не стал откровенничать насчет своего реального положения советского представителя, заметив товарищам, что «Эрнест человек несерьезный, он много пьет и много болтает».

Несмотря на ранение в руку и контузию, полученные в ноябре 1936 г., Мамсуров, немного подлечившись, продолжил участвовать в диверсионных вылазках и боевых столкновениях. Паулина, позднее его жена, а в то время переводчица, рассказывала: «Это был не человек — динамит. Внешне спокойный, даже немного флегматичный, Хаджи в бою преобразился. Он мгновенно анализировал ситуацию и принимал безошибочные решения».

Как бы умело ни организовывалось партизанское движение, оно не могло победить в войне в условиях раскола в высших властных структурах страны и нежелания войск сражаться. Немалой проблемой были анархисты. В общем в 1939 г. все закончилось победой генерала Франко, а оставшиеся в живых республиканцы перебрались в СССР, где встретились с немалыми трудностями, поскольку по большей части являлись троцкистами.

Еще осенью 1937 г. Хаджи-Умар возвратился на родину. В это время в СССР как раз проходили чистки и армия теряла лучшие кадры. Политическая машина действовала без разбора. По обвинению в троцкизме расстреляли дядю бывшего «полковника Ксанти». Но самого Мамсурова — убежденного коммуниста — не тронули. Его поставили руководить отделением «А» Разведуправления, а в 1939 г. Хаджи возглавил опергруппу Генштаба Красной армии. Финскую войну 1939—1940 гг. он прошел в качестве командира особой лыжной бригады 9-й армии, которая предпринимала диверсионные акты в тылу противника.

Закончился конфликт мирным договором. Скорее всего, если бы его не было, то нынешняя Ленинградская область граничила бы с Норвегией и Швецией. С такими людьми, как Мамсуров, можно было завершить войну по-другому. К сожалению, к ним прислушивались редко, поэтому с самого начала кампании Советская армия потерпела тяжелое поражение.

24 июня 1941 г. Хаджи-Умара прикрепляют к маршалу К. Е. Ворошилову для выполнения особо важных поручений. Когда германские войска прорвались в районе Чудово, Мамсуров получил под свое начало 311-ю стрелковую дивизию.

В августе его ранили. После выписки из больницы он рвался обратно на фронт. Мамсуров принял активное участие в организации партизанского движения на временно оккупированной нацистами территории. В должности помощника начальника партизанского движения Ворошилова и руководителя оперативного отдела штаба Хаджи проводил подготовку организаторов партизанских отрядов.

Чтобы централизовать руководство партизанами на юге Советского Союза, сформировали Южный штаб партизанского движения, во главе которого встал полковник Мамсуров. В этой работе ему очень помог испанский опыт разведывательно-диверсионной деятельности. Среди преподавателей молодого поколения бойцов было много бывших испанских боевиков. Хаджи старался акцентировать внимание на формировании кавалерийских дивизий как частей, наиболее пригодных для условий Кавказа.

Весной 1943 г. «главный партизан» заступил на пост командира 2-й гвардейской Крымской кавалерийской дивизии и провоевал с ней оставшиеся 2 года, проявляя чудеса мужества и героизма. Немцы узнали, что такое настоящая кавказская война.

В начале октября 1943 г. кавалеристы Мамсурова вместе с другими войсковыми частями форсировало Днепр, серьезно потрепали вражескую оборону, подготовили плацдарм для 60-й армии. Потом они принимали участие в освобождении Киева, обосновавшись на одной из центральных дорог и отрезав противнику путь к отступлению.

Развивая военный успех, дивизия Мамсурова, захватила города Коросты и Житомир. Последний удерживал почти неделю. За это время были уничтожены свыше 150 танков и 3000 фашистов. Город пришлось оставить немцам, но они были слишком измотаны, чтобы взять еще и Киев. За превосходное управление войсками в условиях боевых действий Хаджи-Умар получил орден Суворова 2-й степени с присвоением звания генерал-майора.

Зимой 1944 г. перед дивизией Мамсурова поставили задачу воссоединиться с партизанскими группами Украины и «разворошить» гнездо врага изнутри. В глубоком тылу Хаджи со своими солдатами разбил множество слабо укрепленных гарнизонов противника и захватил большое количество населенных пунктов.

В феврале кавалеристы Мамсурова значительно ослабили немецкие части, отходившие на Ровно. Прорвавшись в тыл вражеских войск и ударив оттуда, дивизия обеспечила успех наступления Советской армии. В марте генерал-майор получил ранение в лицо, но линию фронта не покинул. В Львовско-Сандомирской операции его солдаты должны были

преградить немцам путь к отступлению, в результате чего последним навязали бой в невыгодных условиях.

Опустошающие набеги на тылы вермахта продолжались. В сентябре 1944 г. кавалерия генерал-майора опять пробилась сквозь вражеские ряды и успешно действовала за спиной немцев на территории Чехословакии. 21 апреля 1945 г. войско Мамсурова переправилось через Эльбу, принимало участие в боях и в освобождении 15 600 человек из двух лагерей смерти.

29 мая 1945 г. Мамсуров стал Героем Советского Союза и возглавил батальон сводного полка фронта, который 24 июня 1945 г. торжественно проходил по Красной площади на параде Победы.

В 1948 г. Хаджи-Омар окончил Военную академию Генерального штаба, после чего руководил дивизией, корпусом, армией. Боевые навыки понадобились генералу 4 ноября 1956 г. при оказании помощи социалистическому правительству Венгрии. В некоторых городах страны без существенных потерь удалось восстановить порядок. После операции «Вихрь» многие участники были удостоены наград. В их число вошел и Мамсуров. В 1957 г. он занял должность заместителя начальника ГРУ и стал главным виновником грандиозного скандала, связанного с подозрением в подготовке государственного переворота, павшим на министра обороны маршала Г. К. Жукова.

Если вкратце, то по инициативе Георгия Константиновича планировалось создать особую высоко-

профессиональную группу спецназовцев, причем ЦК КПСС об этом ничего не сообщалось. Задание было поручено Мамсурову, который поделился этим со своим другом Г. Л. Туманяном. Последний рассказал об этом А. И. Микояну. Тот, будучи приверженцем теории заговора и рисовавший в воображении картины того, как мощный мобильный десант захватывает с воздуха Кремль, поспешил уведомить об опасности другого конспиролога — Н. С. Хрущева. Вопрос был очень серьезный. Ради улучшения положения в армии и на флоте в октябре 1957 г. созвали отдельный Пленум ЦК. Жукова сняли. Мамсурова не тронули, но после случившегося коллеги стали косо на него поглядывать.

В романе Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол» есть описание деятельности партизан. В основу легли сведения, полученные писателем от Хаджи-Умара Мамсурова. Правда, в реальности Мамсуров в отличие от своего литературного прообраза все-таки выжил.

Скончался Хаджи-Умар 5 апреля 1968 г. Могила Мамсурова находится в Москве на Новодевичьем кладбище, а улица его имени — во Владикавказе.

ЛЕВ МАНЕВИЧ

20 августа 1898 г. в маленьком белорусском городке Чаусы около Могилева появился на свет будущий разведчик-нелегал Лев Маневич. Еще ребенком его приговорили к каторге за участие в вооруженном восстании. С помощью революционно настроенной сестры в 1906 г. он бежал из-под охраны в Швейцарию. Через 7 лет он поступил в политехнический колледж в Цюрихе. Особенно легко юноше давались иностранные языки. За короткое время Лев научился хорошо изъясняться и понимать немецкий, французский и итальянский.

В России отгремела Февральская революция 1917 г., и Маневич вернулся в Белоруссию, где его призвали в армию. В вооруженных силах сначала он числился рядовым, но впоследствии стал старшим разведчиком стрелкового полка.

После третьей русской революции (Октябрьской) Маневич покинул ряды старой армии и весной 1918 г. вступил в Красную армию. Служил комиссаром бронепоезда, возглавлял группу особого назначения,

работал в штабе стрелкового корпуса, участвовал в гражданской войне на территории РСФСР. Обладая неординарным мужеством и умением убеждать, Лев как-то раз уговорил несколько сотен мятежников сдаться без боя, причем они лично проводили красноармейца к его соратникам.

Силовые структуры молодого государства остро нуждались в кадрах со знанием иностранных языков. 9 марта 1920 г. ЦК РКП (б) по всей стране был сделан запрос с просьбой сообщать о таких людях. В апреле Самарский губком представил в Москву список, в котором значилось и имя Маневича. Его отозвали в столицу и определили в Высшую школу штабной службы. Окончил он ее в 1921 г., а на следующий год, 1 мая, Льва вместе с другими школьниками привели к красной присяге на Красной площади. Далее Маневич пошел учиться в военную академию, где изучил английский язык. Ему приходилось подрабатывать где только можно, чтобы прокормить себя, жену и дочь. Молодого человека, выпустившегося 22 августа 1924 г., пригласили к начальнику Разведуправления Я. Берзину, который прочил его в разведчики-нелегалы. Маневич дал согласие и перевоплотился в состоятельного австрийского предпринимателя К. Кертнера (псевдоним — Этьен).

Подготовленного необходимым образом к разведывательной деятельности нелегала в ноябре 1925 г. отправили в первую рабочую командировку, длившуюся до марта 1927 г. Перед ним поставили

задачу проникнуть в военно-промышленные западные круги, чему весьма способствовала тщательно продуманная легенда бизнесмена.

Прошло совсем немного времени, и в Москву стали поступать важные сведения. Сообщалось о секретных европейских технологиях производства высокопрочных сталей, которые были необходимы при производстве военной техники, об экспериментальных моделях субмарин и кораблей, о новаторских разработках в области автоматического стрелкового оружия.

Анализируя донесения Льва и других разведчиков, советское руководство пришло к выводу, что на Западе акцент переместили на военную авиацию, предполагая ключевую роль самолетов в грядущей «войне моторов». А поскольку Этьен еще в академии интересовался этой областью, то было решено специализировать его на данном направлении.

В марте 1927 г. разведчика вернули в Россию и отправили на стажировку в войска. В 1928 г. Льва определили на годичные курсы повышения квалификации начальствующего состава при Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского. Тут он получил фундаментальные знания в сфере авиации. Изучил принципы командования соответствующими воинскими частями, конструирования и эксплуатации современных боевых самолетов. По окончании академии Маневичу в мае 1929 г. дали такую аттестацию: «Отличных умственных способностей. С большим успехом и легко овладевает всей учеб-

ной работой, подходя к изучению каждого вопроса с разумением, здоровой критикой и систематично. Аккуратен. Весьма активен. Обладает большой способностью передавать знания другим. Дисциплинирован. Характера твердого, решительного; очень энергичен, иногда излишне горяч. Здоров, годен к летной работе. Имеет опыт ночных полетов. Пользуется авторитетом среди слушателей и импонирует им своими знаниями. Активно ведет общественно-политическую работу. Вывод: Маневич вполне успешно может нести строевую летную службу. После стажировки обещает быть хорошим командиром отдельной авиачасти и не менее хорошим руководителем штаба».

По всей видимости, Этьен сделал бы замечательную карьеру в области авиации, но ему предназначалась другая участь — разведдеятельность в Италии, где фашисты во главе с Б. Муссолини проводили воинственную внешнюю политику и тесно дружили с военными промышленниками Германии. А в последней все громче заявлял о себе А. Гитлер с соратниками.

Но перед этим с мая по октябрь 1929 г. Маневич стажировался в 44-ом авиаотряде, где ему дали похожую характеристику: «К работе относится в высшей степени добросовестно и заинтересованно. Летает с большой охотой. Энергичен, дисциплинирован, обладает хорошей инициативой и сообразительностью. Вынослив. Зачастую работает с перегрузкой. Свои знания и опыт умеет хорошо передавать другим».

Далее было решено отправить резидента в Италию. Прикрываясь уже известной легендой и пользуясь природным обаянием, везением и коммуникабельностью, Маневич приобрел определенный авторитет в области патентования военных изобретений, в частности авиационных. Поскольку Кертнер был уроженцем Австрии, который от всего сердца желал воссоединения с Германией, он довольно легко вошел в доверие к немецким промышленникам, представлял интересы нескольких ведущих германских авиационных, судостроительных и машиностроительных компаний за границей.

Когда перед Львом поставили задачу отбыть в Италию, он не сразу решил: оставить ли жену Надежду и дочь Татьяну в СССР или взять с собой. Последний вариант был сопряжен с опасностью разоблачения. Если его дочь разговаривала на немецком (Лев ее специально учил), то супруга не знала языков. Впрочем, и не предполагалось, что они будут вместе за границей, — Надежда с Татьяной должны были жить в Вене, куда Маневич иногда приезжал бы. На деле эта авантюра чуть не стоила им жизни. Пару раз происходили элементарные бытовые события, на которых профессиональные разведчики чаще всего и «засыпаются». Например, когда Татьяна вбегала в гостиничный номер, напевая песню со словами «Ура, ура, Советская страна», или когда мать с дочерью, записанные лютеранами ничего не знали о Христе, и т. п. В это время мать и дочь в Австрии были одни.

Вполне закономерно, что за ними установили слежку. Агенты навевались к ним в дом и расспрашивали об отце. Когда Надежда осознала ошибку, то через знакомую Н. В. Звонареву, работавшую по линии Разведуправления, вернулась в СССР. Больше они Льва не видели, лишь иногда получали от него письма, да и то недолго.

В декабре 1929 г. Маневич легализовался в Австрии, открыв в Вене патентное бюро, которое вскоре приобрело хорошую репутацию. Хозяин был летчиком, инженером, разбирался в самолетах, заводил знакомства среди авиаторов и фирм-производителей оборудования для военной техники, например аккумуляторов для подводных лодок. В 1931 г. разведчик переехал в Милан. Здесь он тоже открыл патентную контору «Эврика» с правом представлять некоторые известные чешские, австрийские и немецкие компании. Основной и одной из самых трудных задач для Льва было узнать как можно больше о характеристиках самолетов относительно полетов по приборам в условиях плохой погоды. Никто такие данные напрямую разведчику не предоставил бы, и ему пришлось длительное время собирать косвенную информацию. Он внимательно изучал схемы обычных самолетов Италии и Германии, посещал солидные международные авиационные соревнования и выставки, общался с конструкторами, завязывал полезные знакомства.

В итоге Лев проанализировал огромный массив информации, как правило, опытно-практического

характера, поэтому особенно важной. В немалой степени благодаря ему советские бомбардировщики в любую погоду действовали слаженно, пока противник, сетуя на непогоду, был прикован к аэродромам. Впрочем, в круг его интересов входило и судостроение.

Контакт с Москвой поддерживался через радистку, специально посланную в Италию. Гражданка Австрии по имени Ингрид продолжала получать музыкальное образование, а радиопередатчик был встроен в ее патефон.

На первых порах вопрос вербовки агентов для резидентуры стоял очень остро. В газете «Иль Соле» Маневич опубликовал объявление: «Конторе “Эврика” требуется секретарь». Из всех откликнувшихся Этьену более других подошла Джаннин Эспозито.

Резидентура советского разведчика была довольно обширной. Осведомители находились во многих портовых городах страны, благодаря чему можно было следить за переброской военных грузов. Но закон перехода количества в качество неумалим. Чем больше у разведчика сеть, тем выше вероятность провала.

В 1932 г. Лев не раз просил, чтобы его заменили. Работа на него давила в психологическом смысле, изматывала. Ему никак не могли найти замену, того, кто смог бы совмещать знания и навыки летчика, предпринимателя и разведчика, к тому же говорящего на нескольких иностранных языках. Выходит, незаменимые люди все же бывают. В конце концов

25 августа Центр дал добро, необходимого человека, вроде бы, подыскали, однако приехать он не успел. На Этьена вышли через П. Эспозито — отчима Джаннин, сказав, что схватили ее. 3 октября 1932 г. Лев собирался последний раз встретиться с ним и уехать в Швейцарию, поскольку заподозрил слежку. На встрече его и арестовала политическая охранка Италии.

Предвоенная Италия могла похвастаться высоким технологическим уровнем. Этот факт теряется на фоне не слишком успешных военных кампаний страны. Однако многие достижения, в частности по части авиации, подводных лодок, скоростных катеров, были поразительны. Подробную информацию об этом полковник ГРУ Л. Маневич переправлял в Москву.

Когда Джаннин узнала, что Этьена выдал ее отчим, то отказалась навещать П. Эспозито в тюрьме. А он, узнав, что падчерица на свободе и его обманули, повесился.

Агентурная сеть «австрийского предпринимателя» за 2 года разрослась до 9 источников и 3 агентов. В Москве получили 190 ценных документов и информационных сообщений, из которых примерно 70 % командование оценило очень высоко.

16 декабря 1935 г. советское руководство секретно повысило Маневича до полковника. В это время он находился под следствием в Италии. 3 января 1937 г. ему предъявили обвинение в шпионаже и приговорили к заточению в тюрьме Кастельфранко дель Эмилия в Неаполе. Даже здесь преданный Советскому Союзу разведчик при помощи арестантов продолжал собирать важные разведданные и пересылать в Центр.

В СССР о нем также не забыли и продумывали разные варианты освобождения, начиная с юридических и заканчивая насильственными. Подготовить и осуществить побег советские спецслужбы не успели, поскольку весной 1941 г. Маневича, заболевшего туберкулезом, перевели в каторжную тюрьму на острове Санто-Стефано. Здесь он пребывал до 9 сентября 1943 г., когда американские войска освободили политических заключенных. Льва отправили в итальянскую Гаэту. Но город успели занять немцы, и его опять арестовали.

В австрийский концлагерь Эбензее Лев приехал в куртке другого заключенного, умершего по дороге. Он убедил надзирателей в том, что с его именем произошла путаница, и назвался человеком, биографию которого он знал. Такие ухищрения понадобились для того, чтобы легенда выглядела правдоподобно, поскольку в лагерях даже у стен были уши и на мелочах могли раскусить.

1 мая 1945 г. военнопленных из лагеря освободили американские войска. Оказавшись на воле,

Этьен поселился в Спорт-отеле г. Штайнкогель, где 9 мая и умер от добившей его болезни. В 1965 г. Л. Маневич стал Героем Советского Союза и был официально рассекречен. После этого советские разведчики отыскали его могилу и перезахоронили останки в австрийском Линце, на мемориальном кладбище Санкт-Мартин, где на памятнике с красной звездой горит: «Герой Советского Союза полковник Л. Е. Маневич».

РУДОЛЬФ АБЕЛЬ

Он, безусловно, один из самых известных советских разведчиков. То, что его настоящее имя Вильям Фишер, оставалось тайной вплоть до развала Советского Союза. Интересно, что разведчик с настоящим именем Рудольф Абель также существовал и даже некоторое время воевал вместе с Фишером на полях сражений Великой Отечественной. Впоследствии, когда Фишера, работавшего в США, раскрыли, он послал сообщение Центру от имени своего товарища, чтобы там сообразили, какая именно группа попалась, и не пытались связаться. Настоящий Абель занимался Европой и вернулся в СССР после войны.

Родился Вильям Фишер 11 июля 1903 г. в идиллически спокойном провинциальном городке Ньюкасл-на-Тайне в Великобритании. Его родители были убежденными русскими революционерами (отец — обрусевший ярославский немец, мать — из Саратова). Поэтому сын с раннего возраста приучался к основам конспирации. Условия эмигрантской жиз-

ни закалили характер мальчика. Он много читал, любил узнавать что-то новое. Окончив школу, Вильям в 16 лет поступил в Лондонский университет и получил британское подданство.

В 1921 г. семья революционеров приехала в молодое «красное государство», где Вильям устроился в Отдел международных связей Исполкома Коминтерна на должность переводчика. Этот государственный аппарат отвечал за тайные оперативные контакты с компартиями других стран, а также служил информационным каналом для находящихся на этапе становления разведорганов Советской России.

В 1924 г. способный молодой человек собирался продолжить учебу в Московском институте востоковедения и с отличием окончил 1-й курс, но затем его призвали в армию. В первом радиотелеграфном полку Московского военного округа Фишер выполнял обязанности радиста. Это обстоятельство окажет существенное влияние на его жизнь.

После службы он пошел работать в Научно-исследовательский институт военно-воздушных сил Рабоче-крестьянской Красной армии. Вскоре Вильям встретился со студенткой Московской консерватории Е. Лебедевой, на которой женился.

В 1927 г. при содействии сестры супруги он оказался в Иностранном отделе ОГПУ и работал помощником уполномоченного. Из таких людей, как Фишер, получались настоящие разведчики. Ему были свойственны революционная энергичность, на-

выки конспирации, способности к нестандартному мышлению и поведению, мультиязычность, он знал английский, немецкий, французский и, естественно, русский языки.

В 1931 г. Фишер, взяв с собой Елену и маленькую дочку Эвелину, отправился в Великобританию по особому поручению. На островах, а также в Дании и Норвегии разведчик (псевдоним — Фрэнк) организовал ряд секретных радиоточек. Кроме того, в 1935—1936 гг. в роли нелегала он работал во Франции и Бельгии, помогая резидентуре А. Орлова-Никольского, который впоследствии станет известным невозвращенцем.

Весной 1936 г. Фишер с семьей вернулся в Россию, где младшего лейтенанта госбезопасности зачислили в группу документации внешней разведки. Вильяму представилась возможность учиться у основателя «нелегальной паспортной техники» ОГПУ австрийца Г. Миллера.

Поступок Никольского, бежавшего в июле 1938 г. в Канаду и затем в США, рикошетом ударил и по Фишеру. Предательство столь крупного резидента требовало серьезной перегруппировки разведывательных сил. Часть нелегальных агентов отозвали, часть законсервировали, вывели из игры людей, связанных с Орловым. Сначала Вильяма перевели в резерв иностранного отдела НКВД, а затем, 31 декабря 1938 г., отправили в запас с формулировкой «по сокращению штатов». Фишер несколько месяцев искал работу, пока его не взяли во Всесоюзную тор-

говую палату. Потом он становится инженером на авиазаводе. За все это время лишь иногда спецслужбы привлекали его к операциям.

Когда в Страну Советов пришла война, прежние условности потеряли свою силу. В сентябре 1941 г. Вильяма Фишера вернули в строй и назначили в Особую группу при наркоме внутренних дел. В должности старшего оперуполномоченного и заместителя начальника отделения 4-го управления НКВД—НКГБ он курировал радиотехническое обеспечение связи с отечественными разведывательно-диверсионными группами на оккупированных врагом территориях. В 1943—1944 гг. Фишер участвовал в радиоиграх с разведкой и контрразведкой противника (операции «Школа», «Монастырь—Березино», «Курьеры»).

В рамках операции «Березино» Фишер входил в опергруппу под руководством Н. Эйтингона. Будучи переодетым в нацистскую форму, Фишер с товарищами захватывал в белорусских лесах и перевербовывал немецких диверсантов во главе с О. Скорцени. Успешные и мужественные действия Вильяма во время войны отмечены орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды, медалью «Партизану Отечественной войны».

Победный год для Фишера, тогда уже майора, ознаменовался переходом на нелегальную линию внешней разведки, послевоенное состояние которой было плачевно. Сначала в сентябре 1945 г. переметнулся к канадцам уже упоминавшийся выше

шифровальщик И. Гузенко, выдавший иностранцам секреты военной и внешней разведок СССР. В октябре того же года американское Федеральное бюро расследований (ФБР) заинтересовалось разочаровавшимся в коммунизме Л. Буденцом. Он имел отношение к нелегальной советской агентурной сети Я. Голоса. В ноябре американцы вышли на коммунистку и параллельно разведчицу-связника Э. Бентли, находившуюся в курсе многочисленных связей Я. Голоса по партийной и разведывательной линиям. Вот в такое беспокойное время Вильяму выпала доля стать одним из руководителей североамериканского направления советской разведки. Уже несколькими десятилетиями позднее из рассекреченных документов выяснилось, что именно предатели интересов советской разведки обеспечили американским силовикам выход на группу советских агентов и их источников. Только вот довести хотя бы 1 дело до суда американцам не удалось благодаря своевременно принятым советским руководством мерам по минимизации ущерба. Но деятельность на североамериканском направлении советской разведке пришлось заморозить и отозвать агентов.

К тому же за 1 год советская внешняя разведка лишилась многих ценных сотрудников, которых отпустили в запас «с передачей на общевоинский учет». В их числе оказались бывшие резиденты в США опытные разведчики В. Зарубин, Е. Зарубина, В. Правдин. По их стопам вскоре пойдут Фишер, а также подлинный Рудольф Абель и т. п.

В это тяжелое для разведки время (1946 г.) Управление I-Б Министерства государственной безопасности возглавил А. Коротков, которого позднее назовут «королем нелегалов». Он с энтузиазмом приступил к формированию нелегального направления разведки. Фишера было решено направить в США для проверки «замороженной» резидентуры и восстановления контактов с надежными людьми.

Разведчику достался хороший наставник. Опытный нелегальный резидент в Америке И. Ахмеров постарался передать молодой смене все нюансы деятельности разведки в США и «законсервированного» им оперативного потенциала. Лучшего кандидата, чем Фишер, на это задание вряд ли можно было найти. Например, ветеран внешней разведки В. Павлов характеризовал Вильяма следующим образом: «...Настоящий образец нелегала, разумеется, после Василия Зарубина и Ицхака Ахмерова». Павлов отмечал его «...уравновешенность, хладнокровие, самообладание, а также общую культуру. С ним было легко работать, он великолепно ладил с любой техникой, обладал математическим складом ума — не говоря уже о его таланте художника. Такого человека не нужно было натаскивать, долго инструктировать — он схватывал все на лету. Общение с ним было огромным удовольствием!»

В один прекрасный день очередной госорган советской разведки под названием Комитет информации отправил В. Фишера (после личного приема у В. Молотова) в США под псевдонимом Марк.

Он добрался из Германии до Канады на пароходе «Скифия». 14 ноября 1948 г. на берег сошел американец литовского происхождения А. Каютис, который должен был легализоваться в США как свободный художник Э. Гольдфус.

С помощью другого советского разведчика-нелегала И. Григулевича (Макс) Фишер обосновался в Нью-Йорке, где ему предстояли 9 лет работы на нелегальном положении и 5 лет вполне легального тюремного заключения.

Марк стал «обрастать» контактами и обзаводиться помощниками, первыми из которых стали надежные связники Луис и Лона Коэн. Они должны были организовать приемопередаточный пункт. Эта семья помогала возродить отношения с важным источником информации по атомной теме Т. Холлом (Млад — в переписке). Несмотря на то что он сам напрямую уже не сотрудничал с советской разведкой, через него удалось склонить к этому другие источники: их псевдонимы — Ан и Аден, а имена так и остались неизвестными.

Начало американской карьеры у Фишера было впечатляющим. Не зря 20 декабря 1949 г. его повышают до полковника и удостоивают ордена Красного Знамени. Впрочем, уже в следующем году ситуация в Америке обострилась из-за активных действий американских спецслужб по частично расшифрованным телеграммам советской разведки, отражавших ее деятельность в военный период. Некоторые люди оказались арестованными, другие бежали из США.

Таким образом Фишер потерял Коэнов, что было для него весьма болезненно. Заметив интерес спецслужб к Холлу, Вильям перестал с ним контактировать.

Тем временем усиливавшаяся «холодная война» в 1 отдельно взятой стране, в Корее превратилась в «горячую». Объединенный комитет начальников штабов США всерьез рассматривал возможность превентивных атомных ударов по территории Советского Союза. По некоторым данным, советская разведка узнала о планах американцев и соответственно изменила направленность своей работы. Фишер нацелился на поиск источников информации на тот случай, если между СССР и США начнется война. Москва сразу предупредила своего агента, что при таком развитии событий на него ляжет вся ответственность за организацию разведки на американском континенте.

Таким образом, в послевоенный период советская разведка стала обретать новые контуры и формы деятельности. Больше не было уникальной сети источников в госучреждениях потенциального противника, что ранее позволяло быть в курсе течений в американской политике. Арктические ветры «холодной войны» разметали в разные стороны идеалистов, мечтавших построить «новый прекрасный мир» и потому помогавших союзнику по антигитлеровской коалиции. Бесплатная работа на основе бескорыстия и веры в идеалы ушла в прошлое. Находить тех, кто был готов за небольшие деньги выполнять опасную работу, становилось все труднее.

Среди информаторов Фишера был высокопоставленный чиновник Пентагона. За вознаграждение он сообщил Вильяму о мобилизационных планах американских сухопутных армейских частей в Европе при назревании столкновения с Советской армией в Германии.

Основатель и глава американского ЦРУ А. Даллес в книге «Искусство разведки» признавался: «Я бы хотел, чтобы мы имели трех-четырёх человек, таких как Абель, в Москве». Американский писатель Сани де Грамон в «Тайной войне» дополнил: «Абель — редкий тип личности. Его идеалом было знание. Мы можем только сожалеть, вместе с Алленом Даллесом, что он вышел не из разведки Соединенных Штатов».

В 1955 г. Фишер отправился в отпуск в Москву. Здесь он высказал руководству мнение о том, что считает целесообразным не возвращаться в Америку. К тому времени политические страсти несколько успокоились и вероятность новой войны была не слишком высокой.

Поскольку постепенно наступал долгожданный мир, то работа с легальных позиций представлялась более удобной. Да и 50-летний возраст резидента давал о себе знать. Однако в Центре не согласились. По пути в аэропорт Вильям раздосадованно обронил сопровождающему его разведчику П. Гро-

мушкину, что эта поездка может быть для него последней, и оказался прав.

Летом 1953 г. разносчик газет в одном из нью-йоркских районов получил сдачу непривычно легкой пятицентовой монеткой. Мальчик подбросил ее вверх и с удивлением наблюдал, как она упала и развалилась на 2 половинки, обнажив миниатюрную фотографию. Через полицейского загадочная находка попала в ФБР. Там установили, что на снимке отображены колонки цифр, а монетка изготовлена из псевдоникеля. Шифровку попытались прочесть и одновременно с этим занялись безрезультатными поисками источника. В ФБР скопилось целая гора монеток со всей страны, однако они не имели ничего общего с 1-й.

И тут из-за океана американцам улыбнулась удача. В начале мая 1957 г. в парижское посольство США обратился подполковник КГБ Р. Хейханен, изъявивший желание стать перебежчиком. Еще в октябре 1952 г. его под псевдонимом Вик послали в Америку в качестве радиста-нелегала. На связь к Фишеру он попал в начале 1954 г.

Вроде бы, все шло благополучно, но вмешался человеческий фактор. Хейханен стал часто прикладываться к бутылке и тратить на это дело «рабочие» деньги. Вильям поставил перед Москвой вопрос об отзыве связного. Когда Вика попросили обратно в СССР, он предпочел поступить по-своему.

10 мая 1957 г. предателя перевезли в США на самолете. Он помог ФБР разгадать тайну монетки

и расшифровать инструкции агенту Марку. Хейханен рассказал все. Спецслужбы не могли не выйти на Эмиля Гольдфуса, арендовавшего помещение под фотостудию.

21 июня Вильяма задержали. Он быстро сообразил, что играть в неосознанку, когда Хейханен выдал его с головой, бесперспективно, и назвался полковником советской разведки Рудольфом Ивановичем Абелем, отказавшись отвечать на вопросы. Так Фишер уведомил свое руководство, что попал в беду.

Адвокат разведчика, назначенный судом, удивлялся мужеству и стойкости своего подзащитного, который сразу сказал, что не пойдет на сотрудничество с американской разведкой. Особенно вреzались в память слова Фишера: «Я не хочу, чтобы вы делали что-нибудь такое, что могло бы умалить достоинство человека, честно служащего великой стране». 25 октября 1957 г. разведчика осудили на 30 лет тюрьмы. Томиться в застенках ему долго не пришлось — 10 февраля 1962 г. на мосту Глинка, который перекинулся через границу, разделявшую Западный Берлин и ГДР, его обменяли на осужденного в СССР американского летчика-шпиона Г. Пауэрса. Обмен такого рода был впервые согласован на высочайшем правительственном уровне.

До самой своей смерти Вильям Фишер, будучи кавалером многих государственных наград, работал в центральном аппарате КГБ в должности главного консультанта нелегальной разведки и переда-

вал бесценный опыт молодому поколению бойцов невидимого фронта.

Кроме всего прочего, Фишер был неплохим художником. Усилиями П. Громушкина вышел альбом репродукций его произведений, посвященных как России, так и США. Умер этот талантливый человек 15 ноября 1971 г. Похоронен на кладбище Донского монастыря в Москве.

Настоящий Рудольф Абель скончался еще в 1955 г. и был погребен на Немецком кладбище в Москве.

АЛЕКСАНДР КОРОТКОВ

Будущий «король нелегалов» родился 22 ноября 1909 г. в Москве. С отцом он никогда не виделся, поскольку родители разошлись еще до его рождения. И хотя материальное положение семьи было более чем скромным, Александр окончил среднюю школу и хотел продолжать учебу на физическом факультете МГУ. Однако матери требовалась помощь, поэтому он пошел работать учеником электромонтера. Вместе с этим молодой человек увлекся спортом, в частности футболом и большим теннисом.

Короткову, достигшему приличных результатов в теннисе, иногда выпадала возможность играть с чекистами. На него обратили внимание и в 1928 г. позвали на работу по обслуживанию лифтов в цитадели органов госбезопасности на Лубянке.

Спустя некоторое время расторопного и сообразительного Александра повысили до делопроизводителя в отделе внешней разведки. В 1930 г. он стал помощником оперативного уполномоченного иностранного отдела. В кругу местной молодежи новый сотрудник пользовался неподдельным уважени-

ем. На своем месте Коротков показал себя как образованный, умный и ответственный работник, в итоге начальство решило направить Александра за границу в качестве нелегала.

Тогда еще не было специализированной структуры по обучению разведчиков, в связи с чем кандидатов «натаскивали» индивидуально параллельно с основной работой. Главным являлось изучение иностранных языков — немецкого и французского. Уроки проходили в нерабочее время, т. е. по вечерам и в выходные.

Александрю разъясняли традиции и обычаи немцев, нормы поведения в общественных местах и государственных учреждениях, нюансы использования ненормативной лексики (благо, что европейские языки не отличаются многообразием таковой; можно предположить, насколько трудно в этом смысле иностранным нелегалам подготовиться к работе в России). Что касается французского, то здесь применяли новаторский подход — Короткову, помимо всего прочего, давали слушать граммпластинки с записями популярных парижских исполнителей.

Далее его обучили тому, по каким признакам обнаруживать, что за ним следят, и как оторваться от назойливого наблюдения; навыкам вождения автомобиля в обычной и экстремальной ситуациях. После курса подготовки «выпускника» направили в первую командировку на Елисейские поля.

Сначала Коротков посетил столицу Австрии. Здесь, в Вене, он получил австрийский паспорт и со-

вершенствовал навыки владения немецким языком. Кстати, позже он так и не избавился от своего венского акцента. Через 3 месяца Александр оказался в Париже и поступил на учебу в радиотехнический институт. Его руководителем по линии советской разведки был опытный А. Орлов.

Коротков принимал участие в некоторых важных операциях: разработке сотрудника французской разведки и контрразведки, встречах в Швейцарии и Германии с источниками советской разведки. Однако в 1935 г. ему пришлось вернуться в Москву, поскольку французы заинтересовались связями иностранца.

Уже на следующий год Александру дали задание работать в Германии и добывать сведения по линии научно-технической разведки. Кооперируясь с другими разведчиками, он получал данные о новейших образцах вооружений немецкой армии. В декабре 1937 г. по указанию из Москвы он опять поехал во Францию для выполнения намеченных заданий.

Осенью 1938 г. после захвата Австрии Германией и Мюнхенского сговора, по которому Германии отходила Судетская область Чехословакии, в воздухе запахло приближающейся военной грозой. В Москве гадали, на восток ли двинут немцы или на запад; возможен ли альянс Германии, Франции и Великобритании против СССР; каковы действительные намерения западных стран в отношении Советского Союза? Ответы на эти вопросы и должна была искать советская резидентура во Франции. За успешную работу во

Франции Александра повысили по службе и наградили орденом Красного Знамени.

Новый 1939 г. встретил Короткова не слишком благосклонно. К этому времени он возвратился в Москву и обнаружил во главе Наркомата внутренних дел Л. Берию, который всех советских разведчиков за рубежом поголовно считал агентами иностранных спецслужб. Александр, огорошенный известием о своем увольнении, обратился в письме к Берии, перечислил свои заслуги и честно признался, что не видит ничего, что могло бы послужить основанием для его отставки. Тогда Берия переговорил с разведчиком и неожиданно восстановил его в должности заместителя главы Первого отделения внешней разведки.

Александр на короткое время отправился в Норвегию и Данию, где наладил связь с законсервированным ранее источником. В июле 1940 г. он посетил Германию и примерно через 6 месяцев стал заместителем резидента НКВД А. Кобулова в Берлине, а также занимался восстановлением контактов с участниками «Красной капеллы» Х. Шульце-Бойзенем и А. Харнаком.

Разведчик рано осознал, что надвигается война, но его непосредственный начальник не обращал внимания на догадки подчиненного. Поэтому Коротков в марте 1941 г. письмом сообщил об этом лично Берии со ссылкой на сведения Харнака о подготовке нацистами нападения на Советский Союз весной текущего года. Все утверждения были подробно обоснованы информацией о военных приготовлениях

ях Германии. Коротков просил проверить полученные данные.

Однако в Москве на это никак не отреагировали. Через месяц берлинская резидентура с подачи Александра направила письмо, в котором предлагалось без промедления приступить к подготовке агентов, чтобы они сами могли выходить на связь, если вдруг начнется война. С одобрения Центра группе немецких антифашистов была передана радиоаппаратура.

17 июня разведчик на основании информации от участников «Красной капеллы» передал советскому руководству известную телеграмму, где среди прочего утверждалось: «Все военные приготовления Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены и удара можно ожидать в любое время». Тогда же П. Фитин и В. Меркулов побывали у И. Сталина, заявившего, что доверять можно только коммунистам (антифашисты, как правило, не были коммунистами) и поручил перепроверить донесение.

Информация точно подтвердилась незадолго до трагедии — советскому разведчику в Берлине Б. Журавлеву сотрудник гестапо В. Леман (Брайтенбах) сообщил, что война начнется через 3 дня. В Москву немедленно полетела шифрограмма, но реакции опять не последовало.

Когда немцы перешли советскую границу, Александр находился в Берлине. Именно он под предлогом прощания с девушкой покинул родное по-

сольство и в последний раз 24 июня встретился с антифашистами, передав им всю необходимую информацию, деньги и советы по организации сопротивления нацистскому режиму.

Работников советского посольства вскоре выслали из страны, и в июле 1941 г. они через Болгарию и Турцию приехали в СССР. В Москве Александр занял должность начальника германского отдела внешней разведки, отвечавшего за организацию и осуществление операций в Германии и оккупированных ею странах. Коротков участвовал в создании особой разведшколы по подготовке нелегальных разведчиков для заброски в глубокий тыл противника. Возглавляя школу, он одновременно был и преподавателем, щедро делаясь с учениками разведывательным мастерством.

Много раз Александр бывал на фронте, где, переодеваясь немецким военнопленным, выводил у офицеров вермахта информацию. В прифронтовой зоне или за линией фронта он помогал советским разведгруппам разобраться в обстановке и оказывал практическую помощь.

В конце 1943 г. в звании полковника Александр Коротков вместе с советской делегацией находился в Тегеране на встрече глав стран антигитлеровской коалиции и обеспечивал безопасность ее участников.

В 1943 г. Александр несколько раз посещал Афганистан, где немцы намеревались устроить переворот и склонить страну к войне против СССР. Благо-

даря слаженной работе советских и британских спецслужб нацистскую агентурную сеть удалось нейтрализовать. Кроме того, во время войны Коротков неоднократно бывал в Югославии с заданиями по передаче маршалу И. Б. Тито посланий от советского руководства.

Когда Великая Отечественная война явно близилась к завершению, заместитель наркома госбезопасности И. Серов дал Александру следующее указание: «Отправляйся в Берлин, где тебе предстоит возглавить группу по обеспечению безопасности немецкой делегации, которая прибудет в Карлсхорст для подписания акта о безоговорочной капитуляции Германии. Если ее глава фельдмаршал Кейтель выкинет какой-либо номер или откажется поставить свою подпись, ответишь головой. Во время контактов с ним постарайся прощупать его настроения и не пропустить мимо ушей важные сведения, которые, возможно, он обронит».

Мероприятие прошло без эксцессов. На знаменитой фотографии момента подписания немецким военачальником Акта о безоговорочной капитуляции Германии можно увидеть Короткова, находящегося за спиной Кейтеля.

В послевоенный год «король нелегалов» возглавлял советскую агентурную сеть в Германии, поделенной на 4 оккупационные зоны. Штаб-квартира резидентуры располагалась в Карлсхорсте. Официально Коротков был заместителем советника Советской военной администрации, ему поручалось

узнать о судьбе советских довоенных агентов и по возможности восстановить с ними отношения.

В феврале 1945 г. перед встречей в Ялте лидеров СССР, Великобритании и США в Москве прошло совещание руководителей разведки, на котором присутствовали многие самые высокопоставленные представители советских спецслужб. Рассматривался вопрос о том, сколько еще Германия сможет противостоять союзникам. В качестве главного эксперта А. Коротков утверждал, что война закончится примерно через 3 месяца.

Жизнь многих агентов сложилась трагично, в частности антифашисты, в том числе и Брайтенбах погибли в подвалах тайной полиции Третьего рейха. Некоторые выжили только для того, чтобы по возвращении в Советский Союз сесть в тюрьму или быть расстрелянными. Кое-кто продолжил свою деятельность на благо Советского государства.

В 1946 г. Александр возвратился в Москву на должность заместителя начальника внешней разведки и руководителя ее нелегального направления и был непосредственно причастен к отправке в США В. Фишера (Р. Абеля). Коротков уже давно чувствовал недоверие к Р. Хейханену (выдал позже Фишера) и противился его назначению радистом, но начальство решило по-своему.

Работавшие с Коротковым разведчики вспоминали, что он отличался нестандартным мышлением, нелюбовью к стереотипам и штампам. Например, нечасто руководители, вращавшиеся в кругу высокопоставленных лиц, продолжали дружить с рядовыми сотрудниками, выезжать с ними на рыбалку, по грибы, семьями посещать театры. При этом Александр всегда прислушивался к их мнению, учитывал его при совершенствовании деятельности разведапарата. К его чести стоит сказать, что отношения эти были поистине дружескими, без лести, снисходительности и подбострастия. Удивительным образом в человеке, несмотря на его к тому времени уже генеральское звание, сочетались простота и требовательность.

Можно привести воспоминания разведчицы-нелегала Г. Федоровой: «С необыкновенным волнением вошла я в кабинет начальника нелегальной разведки. Из-за большого стола в глубине кабинета энергично поднялся высокий широкоплечий мужчина средних лет и с приветливой улыбкой направился мне навстречу. Обратила внимание на его мужественное волевое лицо, сильный подбородок, волнистые каштановые волосы. Одет он был в темный костюм безупречного покроя. Пронизывающий взгляд серо-голубых глаз устремлен на меня. Говорил низким приятным голосом, с доброжелательностью и знанием дела. Беседа была обстоятельной и очень дружелюбной. На меня произвели большое впечатление его простота в общении, располагаю-

щая к откровенности манера вести беседу, юмор. И, как мне показалось, когда бы он захотел, мог расположить к себе любого собеседника».

В 1957 г. разведчика повысили до уполномоченного КГБ СССР при Министерстве государственной безопасности ГДР, ответственного за координацию и связь. Таким образом, Коротков получил под свое начало наиболее многочисленный и мощный аппарат КГБ за границей. Он сумел наладить доверительные отношения с начальством МГБ ГДР, включая министра госбезопасности Э. Мильке и руководителя внешней разведки ГДР М. Вольфа (они познакомились в Москве еще во время войны). Коротков приложил немало усилий для того, чтобы сделать разведку ГДР одной из сильнейших в мире.

Как-то раз западногерманская контрразведка под видом поставки мебели в штаб-квартиру представительства КГБ в Карлсхорсте попыталась установить прослушивающие устройства в кабинете Короткова, спрятав их в люстру. Об этой акции советская разведка была предупреждена своим высокопоставленным источником из западногерманской контрразведки Х. Фельфе, поэтому впоследствии прослушка использовалась для дезинформации противника.

Александр много раз встречался с Фельфе для дачи указаний и получения информации. Впервые они общались в Австрии летом 1957 г. и проговорили почти весь день. За это время советский разведчик в подробностях узнал о внутривосточной си-

туации в Западной Германии, степени влияния американцев на принятие политических решений, милитаризации ФРГ.

Фельфе в книге «Мемуары разведчика» так описывает Короткова: «Я хорошо помню генерала Короткова. Во время наших встреч в Берлине или Вене мы часто вели с ним продолжительные диспуты о внутривластной обстановке в ФРГ. Его отличный немецкий язык, окрашенный венским диалектом, его элегантная внешность и манеры сразу же вызвали у меня симпатию. Он хорошо ориентировался в различных политических течениях в Федеративной Республике. Не раз мы с ним горячо спорили, когда он выражал свои опасения по поводу возникновения и распространения праворадикальных группировок в ФРГ. Тогда я не разделял его мнения. Очень жаль, что сейчас я уже не могу сказать ему, насколько он был прав».

В июне 1961 г., за 2,5 месяца до появления Берлинской стены, Александру приказали вернуться в Москву для участия в заседании ЦК КПСС. Перед собранием он говорил с председателем КГБ А. Шелепиным, который не согласился с оценками разведчика относительно политической ситуации в Германии и пригрозил увольнением после заседания. На следующий день перед уходом Коротков признался супруге, что может прийти домой уже без погон или совсем не прийти.

Опасения не оправдались — большинство присутствовавших на заседании поддержали точку зре-

ния Короткова, и Шелепину не оставалось ничего другого, как промолчать. Переволнованный разведчик прогулялся по городу и заехал на стадион «Динамо» поиграть в теннис. Когда он нагнулся, чтобы подобрать упавший мяч, то ощутил острую боль в сердце и потерял сознание. Александр Коротков умер от разрыва аорты в возрасте чуть более 50 лет и был похоронен 29 июня 1961 г. в Москве на Новодевичьем кладбище.

У генерал-майора Короткова за всю его героическую жизнь скопилось немало наград: 1 орден Ленина, 6 орденов Красного Знамени, 1 орден Отечественной войны 1 степени, 2 ордена Красной Звезды, многочисленные медали и нагрудный знак «Почетный сотрудник госбезопасности». Имелись награды и от зарубежных государств.

ВИЛЛИ ЛЕМАН

Существует много версий о том, кто же все-таки был прототипом столь полюбившегося образа хладнокровного философа Штирлица из сериала «Семнадцать мгновений весны». Среди вероятных кандидатов называют и Р. Зорге, и А. Гуревича, и Я. Блюмкина. Надо сказать, что по крайней мере первые 2 действительно подходят под художественный образ, при этом все 3 были талантливыми разведчиками с незаурядными чертами характера. Собственно, на этом сходство и заканчивается, ведь они практически не работали в Германии и тем более не проникали в ее государственные структуры.

Самое интересное, что с образом Штирлица больше всего совпадает тот, кто никак не может быть его прототипом, поскольку на момент написания книги Ю. Семенова и еще долгое после ее выхода все сведения о Вилли Лемане (псевдоним — Брайтенбах) были засекречены. К тому же по происхождению он был чистокровным немцем и мелким буржуа, не увлекался коммунизмом, в свое вре-

мя служил полицейским, работал в гестапо и в политической разведке не числился, несмотря на то что некоторое время его начальником, как и у Штирлица, был В. Шелленберг.

Кроме того, события, описанные в книге, происходили более чем через 2 года после смерти Вилли. Конечно, все эти детали противоречат художественному образу, однако они не столь существенны. Писатель мог бы их приукрасить, изменить, додумать с учетом разных факторов. Однако то, что он не мог знать о В. Лемане, полностью исключает использование его как прообраза. Впрочем, другие разведчики подходят на роль Штирлица еще меньше. Скорее всего, Семенов создал собирательный образ и просто предугадал возможность наличия такого советского агента, как Брайтенбах.

Вильгельм Леман появился на свет 30 мая 1884 г. под Лейпцигом. Скромное материальное положение отца не позволило ему получить хорошее образование, и после окончания школы он пошел учиться на столяра. В 1897 г. молодой человек записался добровольцем в Военно-морской флот Германии.

В мае 1905 г. ему довелось быть свидетелем Цусимской русско-японской морской битвы. Он восхищался отвагой и героизмом русских моряков, отчаянно боровшихся против превосходящих сил противника, и проникся к ним глубоким уважением.

Отслужив на флоте, будущий советский агент прибыл в Берлин, где встретил своего товарища из тайной политической полиции, который помог Вилли

устроиться на работу сначала в полицию, а потом в абвер.

Весной 1918 г. в столице Германии появилось полномочное представительство молодого Советского государства, и отделу, в котором служил Леман, поручили присматривать за подозрительными русскими. Впрочем, немцы положительно оценивали Октябрьскую революцию в России, а потому за дипломатами восточного соседа особо никто не следил.

В Германии тоже было не все спокойно. Под конец 1918 г. произошла революция, по итогам которой кайзеру Вильгельму II пришлось уйти. Столичная полиция поддалась общему настроению свободы, был сформирован Комитет чиновников полиции, во главе которого встал Леман, курировавший дела немецкого флота. Весной 1920 г. тайная политическая полиция возродилась, и Вилли занялся прежней работой в своем подразделении.

Вскоре начальство полиции поставило его исполняющим обязанности руководителя канцелярии отделения, в зону ответственности которого входила непосредственная слежка за иностранными дипломатическими представительствами. Таким образом, Леман координировал деятельность всего контрразведывательного отделения полиции.

В 1927 г., когда вместо исполняющего обязанности назначили настоящего начальника, Вилли сообразил, что повышение ему не светит, и предпочел тихую работу в картотеке, где у него была возмож-

ность получать информацию об иностранных дипломатах, заинтересовавших тайную полицию.

В это время внутри у скромного труженика зрело разочарование в политике немецких властей. Тщательно изучив анкеты советских представителей, он посчитал, что в общем-то никакой подрывной деятельности они не ведут. Тогда Вилли стал подумывать о том, чтобы выйти с ними на контакт. Конечно, столь смелое решение с далеко идущими последствиями сразу принимать он не стал. Однако его подтолкнуло то, что еще весной 1929 г. Эрнест Кур, который помог Леману устроиться на работу, был завербован советской разведкой на денежной основе с предоставлением оперативного индекса А-70. Он должен был сообщать данные на интересующих советскую разведку лиц. Будучи к тому времени уже безработным, Эрнест часто обращался к Леману за помощью, но последнему не особенно нравилось данная ситуация.

Кроме того, Кур, получив энную сумму от советской разведки, веселился в ресторанах, сорил деньгами и, естественно, привлекал внимание осведомителей, которых всегда много в таких заведениях. У полиции могли возникнуть вопросы по поводу внезапного улучшения финансового положения кутилы. За ним бы проследили, и ниточки неизбежно привели к информатору из картотеки. Поэтому Вилли сам вышел на контакт с советскими представителями. Впрочем, если бы он этого не сделал, то на него все равно бы вышли, поскольку

Леман уже попал в поле зрения «красных» вербовщиков.

Потенциальный агент получил оперативный индекс А-201, и советская разведка стала рассматривать возможности и плюсы его привлечения. 7 сентября 1929 г. глава советской внешней разведки М. А. Трилиссер уведомлял берлинскую резидентуру: «Ваш новый источник А-201 нас очень заинтересовал. Единственное наше опасение заключается в том, что вы забрались в одно из самых опасных мест, где малейшая неосторожность со стороны А-201 или А-70 может привести к многочисленным бедам. Считаю необходимым проработать вопрос о специальных условиях связи с А-201». Тут же новобранцу присвоили кодовую кличку Брайтенбах, а связь с ним поддерживали через главного разведчика-нелегала Э. Такке.

Начиная с 1930 г., немецкое руководство поручило Вилли надзор за кадровым составом полномочного представительства СССР и противодействие советской экономической разведке в Германии. Информация утекала к советской разведке, что позволяло просчитывать шаги германской контрразведки и предпринимать необходимые меры по недопущению провалов советских агентов и источников. Поскольку в работе с Вилли требовалась предельная осторожность, то понадобился опытный высококвалифицированный разведчик — из Франции в Германию перевели нелегала В. Зарубина.

В целях безопасности решили использовать Вилли отдельно от его безработного знакомого. Последний потом стал владельцем магазинчика в Швеции, который одновременно служил своего рода почтовым ящиком для советских резидентур в Европе.

Великобритания и США имели своих информаторов в министерствах и банковских кругах Германии. Однако находящегося в гуще событий агента, через которого проходила большая часть важнейшей информации, у иностранных разведок не было.

Тем временем ситуация в Германии развивалась по худшему сценарию. Нацисты небезуспешно рвались к власти. Некоторых видных нацистских деятелей Брайтенбах знал лично, например предводителя штурмовых отрядов Э. Рема. Когда в феврале 1933 г. страну возглавил Гитлер, Вилли через премьер-министра Пруссии Г. Геринга получил работу в гестапо, а весной 1934 г. стал членом охранных отрядов (СС). Летом 1934 г. он принял участие в ликвидации руководителей штурмовиков.

В 1935 г. с подачи Геринга тайную полицию захлестнула волна чисток от «неблагонадежных элементов». В какой-то момент этим «званием» чуть не заклеямили Вилли, но хорошие служебные характеристики отвели подозрение.

Хотя политика руководства гестапо требовала очищения рядов от старых служаек политической полиции,

которые считались носителями «духа либерализма», Леман умудрился остаться на своей должности, так как в бытность полицейского служил на низших должностях, боролся с коммунизмом (следил за советскими учреждениями) и о нем положительно отзывались коллеги.

Результатом чисток стало полное подчинение тайной полиции, в том числе гестапо, Г. Гиммлеру. Отделы политической полиции вошли в состав общей тайной полиции. Главный 2-й отдел гестапо, в задачи которого входила борьба с внутренними врагами, возглавил Р. Гейдрих, так же как и службу безопасности нацистской партии. Леман находился в 3-м отделе, который занимался контрразведкой.

В конце 1933 г. Зарубин по американским документам прибыл в Германию и со следующего года наладил постоянную связь с глубоко внедрившимся агентом, который передавал ценные разведданные: подробную информацию о структуре, кадровом составе и операциях немецких спецслужб, о масштабах военного строительства, внешнеполитических планах и намерениях Германии.

В контрразведывательном отделе гестапо, занимавшемся вопросами соответствующего обеспечения оборонной промышленности, Леман имел возможность узнать о проходивших испытаниях ракет, созданных В. фон Брауном. На их основе впоследствии изготовят ракеты Фау-1 и Фау-2. В Центре, опираясь на эту важную информацию, составили доклад Верховному главнокомандующему о состоянии немецкого ракетостроения.

Кроме того, Вилли сообщал о планах нацистов по созданию подводных лодок, автомобилей повышенной защищенности, усовершенствованных противогазов и синтетического топлива. Конечно, Зарубин получал сведения и по другим каналам, но Брайтенбах, без сомнения, являлся наиболее важным звеном нелегальной резидентуры. В течение целых 12 лет он активно сотрудничал с советской разведкой и под ежедневной угрозой разоблачения сообщал в Москву крайне важную информацию о развитии и усилении нацистского режима, о глобальных приготовлениях к установлению нового мирового господства, о явном наращивании военного потенциала и активизации научной работы по разработке современной техники.

Вдобавок ко всему Лемана без преувеличения можно назвать ангелом-хранителем советских разведчиков — он уведомлял советскую резидентуру об операциях гестапо, предполагаемых арестах и провокациях. В итоге на некоторое достаточно длительное время она забыла о провалах. Зарубин узнавал об изменениях оперативной обстановки в государстве, политических мероприятиях, интригах в кулуарах нацистской власти.

Зарубин уделял самое пристальное внимание строжайшим правилам безопасности. По его инициативе для Вилли сделали документы, чтобы при необходимости он мог выехать из страны. Были определены условные сигналы на случай неожиданного налета гестаповцев или ареста.

Москва постоянно напоминала о необходимости максимальной осторожности не только по причине ухудшившейся ситуации в Германии, где Гитлер захватил Рейнскую область, но и из-за слабого здоровья Лемана. Страдая острыми почечными коликами, он порой терял сознание от приступов. Когда об этом узнали в Центре, то серьезно обеспокоились и предложили внушительную денежную сумму на лечение. Только для начала надо было сделать так, чтобы не возникало вопросов по поводу неожиданного появления всех этих денег. В итоге Вилли на лошадиных бегах во всеуслышание заявил, что выиграл крупную сумму, и радовался, что может обратиться к дорогостоящему врачу. Таким образом больной поправился, а его отношения с советской разведкой стали еще доверительнее. Однако это было только начало испытаний, выпавших на долю разведчика.

В 1936 г. гестаповцы заинтересовались контактами Лемана в советском торговом представительстве. Вилли ответил, что занимается лишь полномочным представительством и к торговому не имеет отношения. В конце концов было установлено, что гестапо подозревало его тезку, которого оклеветала приревновавшая любовница. «Советского» Лемана «реабилитировали».

Летом того же года ему поручили заботиться о контрразведывательной поддержке дополнительных направлений военной промышленности. Брайтенбах получал и передавал в Центр важную информацию о состоянии военной промышленности нацистского

государства, в частности о начале строительства на верфях свыше 70 подводных лодок, а также строго засекреченного завода по производству химического оружия. Леманом было передано много копий секретных документов, например список из 14 новейших разработок вооружений или доклад «Об организации национальной обороны Германии». Советскому руководству оставалось только объективно оценить представленные разведданные (к сожалению, это было сделано не в полной мере).

В коридорах и кабинетах гестапо он встречался со многими «персонажами» эпопеи про Штирлица, что, несомненно, также сближает этих героев. Леман общался с ведущими нацистскими деятелями и составил для советской разведки подробные характеристики на Г. Мюллера, В. Шелленберга, Г. Гиммлера, Р. Гейдриха и прочих руководителей германских спецслужб. Вилли пользовался доверием, о чем свидетельствует, например, то, что в канун новогоднего праздника 1936 г. ему как одному из лучших сотрудников подарили портрет фюрера в серебряной оправе.

В 1937 г. ценному сотрудничеству Зарубина с Леманом пришел конец — Советский Союз стал погружаться в пучину репрессий против представителей силовых структур. По распоряжению народного комиссара Н. И. Ежова резидента возвратили в Москву. Зарубин дал соответствующие указания Вилли по поводу самостоятельного поддержания связи с Москвой. На родине Зарубин избежал расправы и в дальнейшем продолжил работу в США

и центральном аппарате в Москве, дослужившись до генерала. Однако в столицу Германии ему вернуться было не суждено.

Чистки в рядах советской разведки негативно отразились на ее деятельности, и в конце 1930-х гг. она практически остановилась. Это не могло не сказаться на качестве отношений с Леманом. В то время легальная резидентура в Берлине была представлена лишь А. Агаянцем, который и так с трудом справлялся со свалившимися на него обязанностями. Несмотря на это, он все же встречался с Брайтенбахом. Последний, по воле случая пустившись в свободное плавание и сильно рискуя, добывал интересную для советской разведки информацию. Так, он сообщал в Москву: «У меня нет никакого повода для беспокойства. Я уверен, что друзья знают, что здесь все делается добросовестно, все, что можно сделать. Пока в приезде ко мне нет особой срочности. Если понадобится, я сообщу».

Впрочем, заряда позитивного мышления хватило ненадолго. Нацисты планировали захват Австрии, после чего наступала очередь Мюнхенского соглашения по расчленению Чехословакии. Леман был хорошо осведомлен об этом и понимал, что такие сведения должны быть крайне важны для СССР. Однако у него по сути не осталось возможностей связаться с советской разведкой. На тот момент к сотрудничеству его побуждали в основном идейные соображения. Денежное вознаграждение для него было не особенно важно, поскольку его супруга Маргарет

владела гостиницей, обеспечивавшей им безбедное существование. Основной причиной его подрывной деятельности в нацистском государстве являлось осознание (этому весьма способствовал доступ к высшим секретам Третьего рейха) того, куда могут привести немецкий народ идеи о превосходстве определенной расы и развязывание мировой войны.

В конце 1938 г. Агаянц умер во время хирургической операции, а последняя его встреча с Леманом состоялась в ноябре того же года. Теперь Брайтенбах лишился всякой связи с Москвой. Сильно встревожившись, в июне 1940 г. он написал письмо в Москву, в котором призывал восстановить с ним оперативную связь. При этом Вилли отмечал: «Если этого не произойдет, то моя работа в гестапо потеряет всякий смысл». Однако реакция последовала лишь в сентябре — с источником встретился А. Коротков.

9 сентября 1940 г. народный комиссар внутренних дел Л. П. Берия дал указание: «Никаких специальных заданий Брайтенбаху давать не следует. Нужно брать пока все, что находится в непосредственных его возможностях, и, кроме того, все, что он будет знать о работе различных разведок против СССР, в виде документов и личных докладов источника». Новым резидентом для связи с Леманом назначили Б. Журавлева — недавнего выпускника школы разведчиков. Вилли передал ему имеющиеся материалы, резидент их сфотографировал и до утра вернул. Брайтенбах возобновил поставку огромного объема ценных разведданных, говорящих в поль-

зу подготовки Германии к войне с «восточным медведем». Например, в марте 1941 г. из донесения явствовало, что в немецкой разведке спешно расширяли подразделение, ответственное за осуществление разведдеятельности против СССР.

19 июня на срочной встрече Лемана с Журавлевым прозвучали слова о поступившем в тайную полицию секретном приказе фюрера германским военным частям, располагавшимся вдоль советской границы, с указанием конкретной даты и времени нападения: 22 июня после 3 ч. В то утро советского посольство окружили гестаповцы, никого не впуская и не выпуская. Больше Брайтенбах не связывался с советской разведкой.

Когда Великая Отечественная война уже близилась к завершению, резидентом НКВД в Германии стал А. Коротков. Ему поручили узнать об участии предвоенных источников информации и по возможности восстановить контакты. Один из коллег резидента нашел в развалинах здания гестапо документ на Вилли Лемана с отметкой о его аресте в декабре 1942 г. Позднее о судьбе одного из самых ценных информаторов советской разведки удалось составить более-менее целостную картину.

В мае 1942 г. в Берлин для восстановления связи с антифашистами были направлены А. Хесслер (Франц) и Р. Барт (Бек). После того как последний побывал в руках гестапо, он рассказал все, что знал. О лазутчике в сердце тайной полиции доложили Г. Мюллеру. В конце 1942 г. Вилли был срочно вызван на работу, которую не покинул уже никогда, будучи тайно уби-

тым. Разумеется, ни о какой публичной огласке не могло быть и речи, ведь было бы крайне неприятно признать, что в гестапо давно проник советский агент. Об этом не решились доложить даже Гитлеру. В качестве официального объяснения служебный вестник гестапо опубликовал следующее извещение: «криминальный инспектор Вилли Леман в декабре 1942 года отдал свою жизнь за фюрера и рейх».

Вилли Леман выделяется на фоне всех остальных советских агентов. Тогда как многие из них поставляли информацию только по каким-то конкретным направлениям и отраслям, Брайтенбах благодаря своему положению в гестапо передавал общие и подробные данные обо всем. Конкретную дату начала войны с Советским Союзом указал только он.

Послевоенное руководство ГДР просило Советский Союз не присваивать Вилли Леману наград, поскольку, несмотря на заслуги, он все-таки был гестаповцем. В Германии и сейчас отношение к нему неоднозначное. Некоторое время назад немецкий журнал «Шпигель» сообщал, что 2 издательства планируют перевести и опубликовать книги о Брайтенбахе. Однако отклики на заметку были двойственными: некоторые признавали Вилли героем (как правило, жители бывшей ГДР), а другие считали предателем. Может быть, именно поэтому издательства отказались от своих намерений.

Раздел 3

**Знаменитые
радиоигры
Великой
Отечественной
войны**

«МОНАСТЫРЬ»—«БЕРЕЗИНО»

В период войны советская разведка и контрразведка провели немало оперативных мероприятий по дезинформации противника. В основном это были радиоигры. Наиболее известная из них началась летом 1941 г., продолжалась в разных формах почти 4 года и считается образцово-показательной как по реализации, так и по масштабам.

Задумывалась она, естественно, для того, чтобы ввести немцев в заблуждение относительно реального положения дел. Нацистской разведке «скармливали» информацию о якобы функционирующей в Москве антисоветской религиозно-монархической организации «Престол». Необходимо было убедить врага в наличии у нее реальной силы, чтобы таким образом внедрить своего человека в разведывательную сеть гитлеровцев в СССР. В канун 55-летия Победы Федеральная служба безопасности РФ сняла гриф «секретно» с материалов об этой операции.

Советские разведчики обратили внимание на представителя знатного дворянского рода Б. Садов-

ского, который с приходом новой власти лишился своего состояния и вполне закономерно ее недолюбливал. На тот момент он жил в Новодевичьем монастыре в маленьком домике, который почти не покидал, будучи инвалидом.

В июле 1941 г. бывший дворянин написал стихотворение, в котором призывал фашистов возродить русское самодержавие. Монархиста решено было использовать в качестве «главы» придуманной организации «Престол», ведь он на самом деле хотел вступить в контакт с оккупантами. Сам он сделать этого не мог по очевидным причинам, поэтому к делу привлекли секретного разведчика Александра Демьянова (Гейне), который подходил по всем параметрам, отличаясь дворянским происхождением: его прадед был 1-м атаманом кубанского казачества, отец — казачьим есаулом, сложившим голову на фронтах Первой мировой войны, а мать вела родословную от древнего княжеского рода и считалась видной аристократкой в Петрограде.

До начала Первой мировой юный Александр жил за рубежом и был завербован советскими спецслужбами в 1929 г. Его благородные манеры, приятная внешность и природное обаяние обеспечивали легкость знакомства и общения с актерами, драматургами, писателями, поэтами и прочими представителями интеллигенции, среди которых Демьянов ощущал себя как рыба в воде. До Великой Отечественной войны он работал с «советскими» дворянами по выявлению их связей с эмигрантами,

чтобы предотвратить возможные террористические акты. Таким образом, у Александра был огромный опыт взаимодействия с данным контингентом и он быстро вошел в доверие к Садовскому.

17 февраля 1942 г. советский разведчик направился за передовую и сдался нацистам, представившись участником антисоветского движения. Сам он так рассказывал об этом: «Меня доставили на фронт за Можайск. Войсковая разведка определила наиболее безопасный путь следования и проводила меня в нейтральную зону... Как только стало светать, я встал на лыжи и отправился к немцам. Немцы открыли стрельбу, но скоро прекратили. С криком «Не стреляйте!» я побежал к ним, размахивая белым полотенцем. В этот момент лыжная палка скользнула по металлу... Я понял, что это мина и больше палками не пользовался». Это на самом деле была стандартная противопехотная мина. Просчет фронтовой разведки мог стоить Александру жизни, однако он чудом спасся — немцы стали свидетелями, как он перешел минное поле. Случайность, которая могла закончиться трагедией, безусловно, придала достоверности его легенде.

Он поведал сотрудникам абвера об организации «Престол», которая направила его к немцам для налаживания связей. Сначала его пытались уличить во лжи: допрашивали с пристрастием, проверяли со всех сторон, ставили в условия, при которых он мог автоматически себя выдать (имитация расстрела, создание благоприятной ситуации для побега). Демьянов держался стойко и целеустремленно, вел

себя хладнокровно, выдержанно. Его легенда была основана на реальных фактах, поэтому проверки по другим каналам полностью ее подтвердили. Этому способствовало еще то обстоятельство, что накануне войны немецкая разведсеть в Москве обратила внимание на Александра как кандидата для разработки и присвоила ему псевдоним Макс.

Руководство абвера решило использовать свой шанс, и 15 марта 1942 г. под той же кличкой после 3 недель обучения его заслали с парашютом в советский тыл. Заданием предусматривалось, что Александр будет находиться в районе Рыбинска и вести активную военно-политическую разведку. Надежды, возлагаемые на мифический «Союз меча и орала», связывались с проведением диверсионной деятельности и усилением миролюбивой пропаганды среди советского населения, чтобы желания воевать у него было поменьше.

Советская разведка не стала сразу же выходить на контакт со своим агентом, чтобы не вызвать подозрений, но примерно через 2 недели немцы получили от Демьянова 1-е сообщение с дезинформацией. Для форсирования благоприятного развития событий и снабжения гитлеровцев фальшивой информацией стратегического значения Гейне повысили до офицера связи при начальнике Генерального штаба маршале Б. М. Шапошникове.

Руководитель абвера адмирал В. Ф. Канарис ликовал при мысли о том, что ему удалось заполучить высокопоставленный источник информации,

и с гордостью похвастался своим успехом перед начальником VI управления РСХА бригаденфюрером СС В. Шелленбергом. Последний в мемуарах с завистью отмечал, что у военной разведки около маршала Шапошникова был свой человек, передающий сотрудникам Канариса важные сведения.

В начале августа 1942 г. «источник» абвера «пожаловался» на то, что радиопередатчики «Престоло» отслужили свое и скоро сломаются, поэтому попросил их замены. Через некоторое время на конспиративную квартиру НКВД в Москве прибыли 2 курьера с 10 000 рублей и продуктами. Они указали Максу местонахождение спрятанной рации и свободно покинули квартиру, поскольку чекисты хотели проверить их явки и проследить возможные связи. Вскоре курьеров задержали, а вражескую рацию нашли. Демьянов уведомил немцев, что присланная рация оказалась повреждена, когда парашютисты приземлялись.

Спустя 2 месяца в Москву прибыли еще 2 курьера с радиопередатчиками и другим оборудованием, которые должны были помочь Макс, а также остаться в столице для сбора и передачи разведданных по своему радиопередатчику. Немецких посланников склонили к сотрудничеству — они радировали в абвер, что находятся в Москве и приступили к выполнению задания. Таким образом, теперь дезинформация передавалась от Демьянова по линии несуществующего антисоветского движения и от агентов немецкой разведки «Зюбина» и «Алаева»,

у которых должны были быть свои источники. Таким образом, операция «Монастырь» перешла в стадию операции «Курьеры».

В ноябре 1942 г. абверовцы предложили организации Демьянова расширить поле деятельности на другие города России, в частности на Ярославль, Муром, Рязань, где сформировать агентуры. В ответ Александр предложил обратить внимание на город Горький, в котором уже «было» отделение «Престола». Абверовцы согласились и опять направили связников, которых, естественно, ждали.

Советская разведка усердно поставляла врагу разностороннюю дезинформацию, подготавливаемую в Генеральном штабе Красной армии, продолжая выманивать и задерживать новых нацистских агентов.

Немецкое начальство осталось довольно работой Демьянова и его разведывательной сети. Под новый 1942 г. Канарис наградил «своего агента» Железным крестом I степени, а советское руководство в то же время удостоило Александра орденом Красной Звезды. В актив 2 этапов операции можно занести арест 23 вражеских агентов и их помощников, изъятие свыше 2 млн рублей, радиостанций, документов, оружия, снаряжения.

Летом 1944 г. наступила 3-я фаза операции под названием «Березино». Демьянов уведомил немецкий штаб о том, что его направили под Минск, находившийся к тому времени под контролем советских войск, а 18 августа немцы узнали от Макса

о том, что рядом с городом скрывается воинская часть вермахта, попавшая в окружение, но не особенно удивились, так как после удачной летней операции «Багратион», проведенной Советской армией, в ее тылу осталось много разрозненных немецких частей.

Во главе группировки численностью до 2500 солдат находился подполковник Г. Шерхорн. Подразделение оставалось боеспособным, но нуждалось в продовольствии, боеприпасах, радиосвязи, раненым требовалась медицинская помощь.

Немецкая разведка сообщила об этом руководству сухопутных сил. Там в течение недели проверяли достоверность информации. Затем о потерянном подразделении узнали Гитлер и Геринг, которые обещали предпринять все необходимые меры для оказания помощи.

25 августа Демьянов получил следующее радиопослание (как всегда очень вежливое и дружелюбное): «Благодарим за ваши сообщения. Просим связаться с этой немецкой частью. Мы намерены сбросить для них различный груз. Мы также могли бы послать радиста, который мог бы оттуда связаться со здешними руководящими органами. Для этого мы должны знать местонахождение этой части, чтобы наш радист мог найти ее, и место, подходящее для сброски багажа. Этой части нужно было бы сообщить о прибытии к ним радиста, чтобы он не был задержан этой частью, так как радист придет в обмундировании Красной Армии. Пароль будет Ганновер. Привет».

Нацистским руководством было принято решение помочь окруженной воинской части вырваться. При этом они должны были сделать максимум возможного для дезорганизации советских войск. Ночью 15 сентября в соответствующем месте на парашюте приземлились 3 специалистов по радио и диверсиям, из которых 2 условленным сигналом подтвердили прибытие в искомое подразделение и сообщили о ранении 3-го человека из-за неудачного приземления.

Известный диверсант О. Скорцени вспоминал начало операции «Браконьер»: «Наше радио уловило ответ. Сначала прошел настроечный сигнал, затем особый сигнал, означавший, что наши люди вышли на связь без помех (нелишняя предосторожность: отсутствие сигнала означало бы, что радист взят в плен и его силой заставили выйти на связь). И еще великолепная новость: отряд Шерхорна существует...»

На самом деле сотрудники советских спецслужб на берегу озера Песочное с учетом всех деталей правдоподобно симитировали расположение германского подразделения. Под прием грузов отвели старый партизанский аэродром. «Живую силу» представляли 10 завербованных немцев, которые сидели в землянках и палатках. Облаченные в нацистскую форму, они принимали парашютистов. По периметру постановочной площадки на достаточном отдалении зону охраняли патрули, чтобы неосведомленные советские части не нарушили сценарий. На

некотором расстоянии от посадочной площадки находились замаскированные зенитные пулеметные орудия. Имелся также настоящий подполковник Шерхорн. В плане советской оперативной группы о нем говорилось так: «Для возможного легендирования наличия в намеченном районе немецкой воинской части, а также на случай необходимости организации «встреч втемную» с прибывшими немецкими агентами оперативной группе придается военнопленный немецкой армии подполковник Шерхорн, фигурирующий в наших сообщениях противнику как командир легендируемой части, который содержится на базе под соответствующим контролем».

Вербовку немецкого командира осуществил начальник 4-го управления НКГБ СССР П. Судоплатов в личном кабинете. В столь непростой задаче ему помогали несколько коллег, в том числе В. Фишер (ставший впоследствии знаменитым под именем Р. Абель) и А. Демьянов.

Последняя стадия советской операции развивалась стремительно. Немцы скидывали на партизанский аэродром радистов, диверсантов, разведчиков, снаряжение, медикаменты, продовольствие. Из присланных солдат многих удавалось перевербовать и подключить к радиоигре, что было неудивительно, ведь к тому времени Германия быстрыми темпами приближалась к своему разгрому.

Немецкое командование успокаивалось рапортами об успешном выполнении диверсий в тылу со-

ветских войск. Причем подобные сообщения подтверждались проверками — об этом позаботились органы госбезопасности. В период с ноября 1944 г. по февраль 1945 г. нацистское руководство регулярно объявляло благодарности солдатам и командиру окруженного под Минском подразделения. В марте 1945 г. его даже повысили до полковника с награждением Рыцарским крестом.

Советская операция была настолько эффективной, что за 4 дня до окончательной победы ничего не подозревавшие немцы, сочувствуя окруженным соратникам, радиogramмой из Берлина сообщили: «Превосходство сил противника одолело Германию. Готовое к отправке снабжение воздушным флотом доставлено быть не может. С тяжелым сердцем мы вынуждены прекратить оказание вам помощи. На основании создавшегося положения мы не можем также больше поддерживать с вами радиосвязь...» После войны немецкий разведчик генерал-майор Р. Гелен, чтобы войти в доверие к американцам, пытался передать Демьянова им на связь (чтобы он работал уже на них).

Больше всего успешных радиоиhr было проведено сформированной в апреле 1943 г. военной контрразведкой смерш НКО СССР. Однако одна из самых крутных осуществлялась НКВД—НКГБ СССР. Из операции «Монастырь» ввиду ее масштабности выделили операции «Курьеры» и «Березино».

В справке от 8 марта 1947 г., хранящейся в архиве службы внешней разведки, результаты операции «Березино» таковы: «С сентября 1944 г. по май 1945 г. немцами в советский тыл было совершено 39 самолетовылетов и выброшено 22 германских разведчика, которые были арестованы Четвертым управлением НКГБ СССР, 13 радиостанций, 255 мест груза с вооружением, боеприпасами, обмундированием, медикаментами, продовольствием и 1 777 000 рублей советских денег».

Полковника Шерхорна и немцев, сотрудничавших с советской разведкой, отпустили в ГДР. Александр Демьянов скончался в Москве в 1978 г. и обрел вечный покой на Введенском (Немецком) кладбище. Продолжением грандиозной операции Великой Отечественной можно считать послевоенные внедрения советских разведчиков в иностранные спецслужбы.

Глава 2

«АРИЙЦЫ»

23 мая 1944 г. войска воздушного наблюдения, оповещения и связи СССР недалеко от поселка Утта в Калмыкии засекли приземление немецкого самолета, доставившего группу из 24 диверсантов под руководством абверовца капитана Э. фон Шеллера (Кваст). Впоследствии стало известно, что отряд направлен нацистским разведведомством «Валли-1» для подготовки на выбранной территории базы, на которую можно было бы перебросить 36 эскадронов Калмыцкого кавалерийского корпуса. Планировалось, что они помогут поднять среди калмыков восстание.

Во главе этого корпуса стоял разведчик зондерфюрер О. Верб, а рядовыми были калмыки, предавшие интересы СССР. Они должны были объединить отдельные повстанческие группы, действовавшие в Калмыкии, и поднять местное население на восстание против советской власти. Попутно преследовалась стандартная цель — проведение диверсий.

На перехват десанта вылетели истребители и выдвинулась оперативная группа НКВД и НКГБ

Астраханской области. Предпринятые меры позволили обнаружить самолет противника и уничтожить его. Диверсанты и экипаж начали перестрелку с сотрудниками советских спецслужб. В результате 7 человек из вражеской группы были нейтрализованы, 12 задержаны, 14 сбежали.

Перед тем Верб успел отправить начальству радиограмму о прибытии на место. На это обстоятельство не могли не обратить внимания. Характер задания диверсантов секретом не был: чекистам достались шифры, радиоаппаратура и радисты. Все это благоприятствовало началу очередной радиоигры с абвером, названной «Арийцы».

Видимо, в Германии не знали о том, что калмыков переселили вглубь страны. Нарком внутренних дел Л. П. Берия указал на это в служебной записке от 26 мая 1944 г., адресованной начальнику ГУКР Смерш В. С. Абакумову: «Пойманные работниками НКВД—НКГБ парашютисты представляют большой интерес. По-видимому, немцы не знают, что калмыки высланы, но, несмотря на это, есть остатки бандитов из калмыков, с которыми немцы будут связываться. Поэтому тов. Леонтьеву всю работу сосредоточить в руках товарищей Свирина, Лукьянова и Михайлова. Тов. Мешику принять активное участие. То же надо сделать и по Гурьевской области. Представьте план мероприятий и регулярно докладывайте».

Перед участниками радиоигры были поставлены следующие задачи: снабжать врага дезинформа-

цией о ситуации в Калмыкии, вводить в заблуждение относительно благоприятных условий для работы провокаторов из Калмыцкого корпуса, тем самым вызывая и перехватывая остальных активных агентов и представителей немецкой разведки, захватывая самолеты противника.

В радиоигре должны были принимать участие Шеллер и немецкий радист Г. Ганзен. Служебная записка 3-го отдела Смерш по этой теме: «Кваст — старый разведчик, знает хорошо работу и личный состав абвера. Долгое время работал в Швеции. Имеет связь и авторитет в германских разведорганах. Хотя он и настроен прогитлеровски, но все же, учитывая его участие в уничтожении самолета, он (возможно) может быть завербован и использован в дальнейшем. Во всяком случае он может дать ценные показания, которые в процессе игры у него отобрать невозможно».

Когда радиоигра только началась, противнику передали неверные сведения о ситуации в Калмыкии, о том, что отряд во главе с Шеллером имеет хорошие возможности для организации повстанческого движения, что налажена связь с партизанствующими в тылу Советов местными жителями. Первая радиограмма от 30 мая выглядела следующим образом: «Посадка в 04.55 московского времени. В 12.40 атака русских истребителей. «Ю» уничтожен. Необходимое снаряжение спасли, без воды и продуктов. Гремер, Ханлапов, Беспалов, Мухин, два калмыка убиты. Лейтенант Вагнер, оберфельд-

фебель Миллер, Осетров ранены. Перешли положение один — пески, район Яшкуль. Положение благоприятное, связались с партизанами, охрана обеспечена. Разведка калмыков узнала, что посадку «Ю» заметили русские. Из Сталинграда и Астрахани прислали истребители. Ошибка «Ю» — садиться днем, долго сидел, надо ночью. Площадку готовим. До полного выяснения мною обстановки мер не принимайте. Радистом использую обер-лейтенанта Ганзен. Слушаю Вас по плану. Прошу указаний. Кваст».

Поскольку за воздушным пространством требовалось постоянное наблюдение, то в районе осуществления операции наладили взаимодействие с войсками противовоздушной обороны. Хотя в указанном сообщении, отправленном руководителем диверсантов, содержалось предупреждение, немцы все-таки не стали ждать и, когда радиосвязь установилась, выслали очередной самолет, который летал над районом и подавал световые сигналы. Было принято решение самолет не сбивать, так как, по всей видимости, нацисты проверяли достоверность полученных сведений. В итоге враг посчитал, что диверсионная группа действительно переместилась в другое место и не разрабатывается советской контрразведкой. Догадка подтвердилась на другой день полученными радиограммами противника.

5 июня 1944 г. немцам сообщили, что 1 из участников группы умер, другие поправились, что Гансен интересуется, присвоили ли ему звание капитана,

выражалась надежда на подвоз всего необходимого. В ответном послании доставку обещали 16 июня за час до полуночи, а насчет Гансена уточнили, что он пока представлен на присвоение. Также требовали указать местонахождение точнее, поскольку 30 мая ночью машина с подвозом приезжала, но никого не обнаружила.

Советские стратеги решили поторопить нацистов и передали радиogramму с призывом начать наконец-то действовать, доставить оружие и боеприпасы, так как члены группы якобы хотят драться. Немцам в процессе радиоигры регулярно сообщали о достижениях отряда Кваста. Утверждалось, что установлен контакт с бандитскими группами, и подчеркивалось, что им требуется авторитетное руководство, а также оружие, боеприпасы, продовольствие, деньги, радисты.

9 июня от немцев поступило сообщение о том, что доставка возможна через 2 дня. В ночь на 12 июня в район, где, по предположению, находился отряд диверсантов, прибыл вражеский самолет, с которого после обмена условными сигналами с землей выпрыгнули парашютисты и был сброшен груз, а сам самолет сел на подготовленную площадку. Его колеса попали в скрытые ямы, поэтому взлететь он уже не мог. Пассажиры и экипаж, предчувствуя ловушку, стали стрелять. После непродолжительного вооруженного столкновения самолет подожгли, оставшийся груз и 3 пилота сгорели. Другие летчики бежали в степь, где прятались 3 дня.

Троих парашютистов схватили, 1 разбился, а 5-й долго скрывался от НКВД и Смерш. Задержанные свидетельствовали, что на борту были 3 т груза, большинство которого сгорело, и 3 млн рублей. Игра продолжалась. Шеллер вошел во вкус. В этом смысле интересно его письмо от 17 июня 1944 г., сохранившееся в архивах радиоигры. Направлялось оно советскому командованию и гласило: «Господин генерал! Я добровольно предложил свои услуги русской контрразведке и работал честно и упорно над выполнением весьма секретного задания. В итоге нашей совместной работы достигнут известный успех: был сбит гигантский немецкий транспортный самолет Ю-290, а пассажиры, и среди них 4 немецких агента, попали в руки русской контрразведки. Я желал бы и в дальнейшем так же честно и добросовестно работать над выполнением заданий русской контрразведки. Я прошу поэтому Вашего согласия на включение меня в агентурную сеть советской контрразведывательной службы. Я обязуюсь безусловно хранить тайны органа, на который, возможно, буду работать, также и в том случае, если мне придется действовать против немецкой разведки. В случае Вашего согласия прошу присвоить мне псевдоним Лор. Место дислокации. 17.06.44. Э. фон Шеллер».

Пока штурмовали севший самолет, немцы пытались выйти на связь с группой диверсантов Шеллера и в радиограмме интересовались, прибыла ли машина. Так как сразу после боя членов экипажа за-

хватить не смогли, чтобы с их помощью успокоить нацистов, пришлось сетовать на помехи в эфире и плохую слышимость. Чтобы они не догадались о радиоигре, ранним утром 12 июня им сообщили, что машина так и не появилась. В ответном послании противник предположил, что имел место несчастный случай или вынужденная посадка.

Было очевидно, что немцы не знали о судьбе самолета, однако все равно насторожились. В очередном сообщении они попросили указать новый шифровальный лозунг, состоявший из фамилий нескольких указанных людей, и напомнить фамилию определенного человека. Последнее было сделано, а насчет 1-го Шеллер заявил, что забыл какие-то фамилии. Тогда немцы повторно дали то же задание, но уже с новыми фамилиями.

В конце концов, о новом шифровальном лозунге договориться удалось. Шеллер сообщил район «аварии» самолета, отметив, что сам посмотреть не смог, но разговаривал с очевидцами, которые видели несколько трупов. В следующих радиограммах Кваст жаловался на проблемы, связанные с отсутствием материальной помощи, и зреющее среди калмыков недовольство. Немцы выразили свою обеспокоенность и посоветовали сменить местонахождение группы. Шеллер «послушал» коллег и сменил место дислокации.

С 6 июля радиопослания шли уже из города Ено-таевска Астраханской области. В них содержались просьбы оказать материальную помощь. Немцы были согласны на это, но спрашивали, куда ее доста-

вить. Кроме того, они уведомили о засылке своего агента, который будет использовать радиостанцию Шеллера в роли передаточного центра, и попросили сообщить о требуемых технических характеристиках для установления радиосвязи. В ответ немцев заверили в том, что для налаживания ретрансляционных передач имеется все необходимое.

В течение месяца врагу напоминали об ожидании обещанной помощи и были переданы необходимые данные для сброса груза. До середины августа ответов не поступало. При этом имели место случаи плохой слышимости и обрывов связи. Оценив текущее положение, смершевцы решили, что немцы засомневались в существовании группы. В этом случае настойчивость вызвала бы еще большие подозрения. Радиоигру надо было завершать, но в выгодном для советской стороны свете: немцы должны укрепиться во мнении, что поднять калмыков на восстание не удастся и продолжать отправлять самолеты с диверсантами бессмысленно.

В ходе Великой Отечественной войны советские спецслужбы захватили более 400 агентурных радиостанций противника, причем обычно с обслуживавшими их радистами. Всего за время войны было проведено около 200 радиоигр.

Выяснилось также, что Шеллер убеждал Ганзена предупредить немецкое начальство о работе под

контролем советских спецслужб. Впрочем, Ганзен не поддался на уговоры. В мемуарах по поводу своего пленения и участия в советской радиоигре он вспоминал: «...Я хочу заявить, что я как офицер не встретил обесчещивающего или унижающего меня отношения, если не считать поведения милиции во время пленения. Наоборот, я познакомился с прямыми и справедливыми людьми, которых раньше нам описывали совершенно в ином роде. Я не могу еще вынести суждения о Советском Союзе, так как слишком мало знаю страну и ее учреждения. Если страна произведет на меня такое же приятное впечатление, какое произвели на меня офицеры и солдаты, то можно сказать, что любая нация почтет себя счастливой, имея дружбу с Советским Союзом».

Конец радиоигры приближался. Было принято решение сообщить о преследовании и уничтожении группы и бандитского отряда, помогавшего ей. 13 августа немецкая разведка получила соответствующую радиограмму: «Начальнику органа. Положение здесь совершенно невыносимое. Отряд Огдонова разбит, нам калмыки отказывают в помощи. Вынужден согласно договоренности пробираться к повстанцам на Западный Кавказ, откуда, возможно, в Румынию. Несколько людей из экипажа по болезни и невозможности их транспортировки вынужден буду оставить у калмыков, которым объясню, что направляюсь в Германию, чтобы лично добиться помощи и усиления. Прошу санкции или контрприказа в течение 3 дней, так как дальше не могу ждать. Кваст».

14 августа немцы ответили согласием и предложили перебраться к ним на передовой. Было очевидно, что немцы уже не доверяли Шеллеру и продолжать игру бесполезно. Исходя из этого 18 августа врагу радировали: «Сегодня юго-западнее Бергин стычка с отрядом НКВД. Будучи без боеприпасов, спаслись только на конях. Продолжаем марш юго-западным направлением. Успеха не предвижу. Мучают жажда и голод. В случае гибели позаботьтесь о наших семьях. Кваст». Вслед за 1-м полетело 2-е послание: «Начальнику органа. Калмыки изменили, мы остались одни, без боеприпасов, продуктов и воды. Гибель неизбежна. Предотвратить ничем не можем. Мы свой долг выполнили до конца. Во всем считаем виновным Вас и Марвиц. Абсурдность операции была очевидна еще до ее начала. Почему нам не помогли. Кваст».

Последняя радиопередача состоялась 20 августа 1944 г., причем текст в середине специально обрвали, как будто с группой произошло что-то неожиданное: «Нас преследуют. Кругом пески и соль. Вынуждены изменить маршрут. Мучает жажда...»

Так завершилась одна из радиоигр Великой Отечественной войны. В результате немцам отправили 42 сообщения и получили от них 23. Разведка противника убедилась в том, что из попыток организовать национальное движение и спровоцировать в Калмыкии восстание ничего не выйдет. Были уничтожены 2 тяжелых самолета и захвачены их двигатели, находившиеся в отличном состоянии, 12 человек ликвидированы, 21 задержан.

Глава 3

«ТУМАН»

В ночь на 5 сентября 1944 г. из войск воздушно-го наблюдения, оповещения и связи поступило сообщение о немецком самолете, пролетевшем по направлению к Можайску. После троекратного обстрела он развернулся в обратную сторону. Так как 1 из двигателей загорелся, самолет пришлось сажать в районе деревни Яковлево. Приходили сведения об отъехавших от него на мотоцикле мужчине и женщине. В указанном районе были подняты по тревоги наличные силы НКВД и НКГБ. Вражеских лазутчиков удалось задержать.

У арестованного мужчины, одетого в форму майора Красной армии, оказались документы на имя Героя Советского Союза П. И. Таврина, а у женщины, представившейся его супругой, — на имя Л. П. Шиловой. При обыске у них изъяли особый аппарат, который стрелял бронебойными патронами и приводился в действие нажатием кнопки.

После выяснения всех обстоятельств И. Сталину доложили, что задержанный проходил специальную

подготовку, в частности у О. Скорцени, для совершения террористических актов против советских руководителей. С этой целью его перебросили на самолете через линию фронта. Он должен был ликвидировать Сталина и по возможности остальных высокопоставленных лиц — Берию, Кагановича, Молотова.

Советская разведка на основании имевшихся данных и для выявления намерений немцев решила провести радиоигру. 25 октября была налажена радиосвязь с немцами. Функции радистки с советской стороны исполняла Шилова, которая уже владела соответствующими навыками.

Следствие по делу велось НКВД—НКГБ, тогда как радиоигрой занимались смершевцы, которые во внутренней переписке называли радиостанцию «Туман», в итоге так стали именовать и саму радиоигру. На ее проведение дал согласие лично нарком внутренних дел Л. П. Берия.

Прежде всего ставилась задача выманить на советскую территорию вражеских агентов для их последующего задержания. Через них планировалось получить явки к другим вражеским агентам в СССР. По задумке, в 1-й радиограмме должно было содержаться достоверное описание аварии самолета, причем нужно было подчеркнуть, что воспользоваться мотоциклом не удалось и Таврину с радисткой пришлось идти пешком. Сеансы радиосвязи проводили, выезжая за город.

Инициаторы игры 1-й раз вышли в радиозфир 27 сентября 1944 г. До середины октября в эфир выходили не раз, однако 2-стороннюю связь с немецким радиоцентром специально не устанавливали, создавая впечатление, что его услышать невозможно. 19 октября немцам пояснили: «Вызывайте дольше и отчетливее. Лида плохо разбирает. Вас слышим редко, почему нерегулярно работаете? Привлеките радиста, который ее тренировал. Примите все меры, чтобы связаться...»

Через 2 дня из радиоцентра нацистской разведки ответили: «Были очень обрадованы получить от вас ответ. Вашу телеграмму 230 групп не получили. Повторите, сообщите подробно о вашем положении. Привет». До 26 октября впечатление радиопомех и невозможности принять послания «Цеппелина» сохранялось. Только в этот день связь все-таки установили, и немцы получили послание: «Очень рад, что наконец появилась надежда. Думал, со связью уже ничего не получится. Лида совсем измучилась. Нахожусь в пригороде Москвы, поселок Ленино, Кирпичная ул., д. № 25... Сообщите, получили ли мое донесение о высадке — телеграмма 230 групп. Еще раз прошу, чтобы с Лидой работал опытный радист. Передавайте медленно. С нетерпением жду ваших сообщений. Привет всем. Л. П.» 29 октября ответное сообщение напомнило, что содержание послания не должно быть слишком большим и в нем просили повторить судьбу самолета и экипажа.

Таврин опять составил объемную радиограмму: «В первой телеграмме сообщал, что при посадке самолет врезался в деревья, потерпел аварию, только случайно все остались живы. Летчики оказались малоопытными и растерянными. Кроме того, что не сумели посадить машину, место для посадки почему-то выбрали около деревни. Вскоре после аварии в нашу сторону побежали люди. Я вынужден был действовать быстро и решительно. С трудом вытащил мотоцикл и с Лидой немедленно отъехал от этого места, экипаж ушел на запад. Из-за плохой дороги мотоцикл отказал, его и все лишнее имущество пришлось уничтожить и двигаться лесом. С трудом добрались до Ржева, где жили 12 дней. Пытались с вами связаться. 28 сентября прибыл в Москву, сейчас живу в пригороде по сообщенному вам адресу. Пока все благополучно, изучаю возможности работы. Сообщите, где семья Лиды. Л. П.»

В начале следующего месяца немецкие и советские разведчики обменялись сообщениями. При этом террорист дал понять, что ситуация поменялась, пригласительные билеты на торжественное заседание в Кремле высылают строго адресно, а насчет демонстрации 7 ноября пока ничего не известно. Немцы попросили уведомлять их о том, как обстоят дела в Кремле, и описать отношения И. В. Сталина и маршала С. К. Тимошенко, подчеркнув, что любые донесения будут важны. Кроме того, «Цеппелин» интересовался местонахождением агентов.

13 ноября Таврин радировал: «Торжественное заседание состоялось в Кремле. Попасть не удалось. Демонстрации и народа не было». Ответа на настойчивые требования немцев сообщить обстоятельства и место авиакатастрофы пока не поступало. Вместо этого в послании от 23 ноября было указано: «Работать в Москве оказалось гораздо труднее, чем я думал, приходится начинать все заново, подыскиваю людей. Хочу устроиться работать. Сообщите ваше мнение, прошу ответить, что с семьей Лиды. Привет. Л. П.»

Советская контрразведка, действительно, умела напустить «тумана». На сообщение о невозможности прочитать радиограмму немцы 7 декабря ответили, что перед Тавриным стоит задача прочно обосноваться в советской столице и продолжать информировать о ситуации в Кремле.

Оставлять без внимания запрос о подробностях крушения было нельзя, поэтому сообщили тщательно продуманные данные: «Точного места посадки не знаю. После аварии на другой день к вечеру вышли к деревне Баранцево, 20 км южнее станции Князьи Горы, на железной дороге Ржев—Москва. От деревни Баранцево место посадки, по моим расчетам, не более 30 км на юг. Л. П.»

13 декабря немецкие радисты ответили, что с родственниками Лиды все в порядке, спрашивали о комитете А. А. Власова и комитете «Свободная Германия» во главе с В. фон Зейдлицем, а также предупредили террориста о том, что к концу ноября зажигательный аппарат радиомины пришел в негодность.

Через неделю Таврин радировал, что о Власове местные знают, отношение к нему и его освободительной армии разное, а о комитете Власова ничего не известно. Что касается комитета «Свободная Германия», то он ведет достаточно активную деятельность. Обстановку в Кремле узнать не удастся по причине отсутствия необходимых людей.

Переждав практически месяц, 19 января 1945 г. советская разведка пояснила: «Выезжал (на) Урал (по) личному вопросу и искал Надю, которая в начале войны эвакуировалась в Свердловск. Безуспешно: мобилизовали в армию. Об отъезде хотел предупредить вас, но Лида не могла связаться. Л. П.» В ответном послании рекомендовали уничтожить зажигательный аппарат радиомины, обнадежили тем, что рядом работают друзья, и предлагали соединиться с ними.

Здравый смысл не позволил согласиться, поскольку слишком быстрое одобрение могло вызвать подозрение. Кроме того, имелись основания предполагать в упомянутых «друзьях» участников другой советской радиоигры — «Загадка». В связи с этим нацистскому радиоцентру сообщили об уничтожении зажигательного аппарата, а тему с «друзьями» оставили на усмотрение немцев — главное, чтобы люди были надежные.

31 января от Таврина пришло сообщение: «Красус. В час тяжелых испытаний заверяю в преданности делу. Что бы ни случилось, буду добиваться выполнения поставленных мне задач и жить надеждой победы. Прошу передать приветы и лучшие пожелания всем друзьям по борьбе. Петр». Ответное: «Нуме-

рацию ваших телеграмм начинайте каждый месяц с нового номера. Сокращения, употребляемые при сброске груза: сегодня сброски нет — 416; сегодня сброска — 445».

В следующей радиограмме Таврин спрашивал, о какой сброске идет речь, и просил пояснить, знает ли лично «друзей». В тот же день, 7 февраля, немцы радировали: «Петр и Лида, сердечные приветы. Во всяком случае мы победим. Может быть, победа ближе, чем мы думаем. Помогайте и не забывайте вашу клятву. Петр. Слушайте радиостанцию «Комитета освобождения народов России» на волне 1339 м в 12.45, 14.00, 10.15, 19.05, 22.15 и 01.45 по Моск(овскому) времени. Слушать можете только на радиоприемник, но не на вашу рацию».

Советские разведчики и диверсанты осуществляли свою подрывную деятельность против врага, экипирясь по последнему слову техники за счет захваченного у него оружия и взрывчатки. Немцы получали западные технические новинки обманным путем через те же радиоигры, но с англичанами и американцами.

В очередной сеанс связи террорист выражал признательность немцам за приветы, уверял в преданности общему делу и сокрушался, что выбросил по пути приемник. 15 февраля немцы объяснили, что в непонятной радиограмме имеются условные обо-

значения для более быстрого уведомления о сбросе груза. Скорее всего, планировалось доставить новые спецсредства для проведения террористических актов, так как прежние вышли из строя.

Чтобы активизировать радиоигру, в конце февраля с одобрения высшего руководства в «Цеппелин» отправили сообщение: «Познакомился (с) врачом-женщиной, имеет знакомых (в) Кремлевской больнице. Обработка». Немного позднее предупредили, что на связь будут выходить редко, поскольку запас батарей заканчивается. Немцы радиовали: «Сообщите, где вы находитесь и как Лида устроилась. Какое внутривойсковое положение...» Плохая связь оборвала радиোগраму на середине, поэтому 9 марта советский радиоцентр получил такое же сообщение с приветом в конце. Ответное послание немцам также оборвалось на середине из-за помех в радиосвязи. Больше «Цеппелин» в эфир не выходил. 9 апреля 1945 г. была предпринята последняя безуспешная попытка связаться с немцами.

Радиоигра «Туман» естественным образом закончилась. Особенных результатов она не принесла, возможно, по объективным причинам, ведь неизвестно, почему немцы перестали отвечать. Советская разведка совершенствовала формы и методы борьбы и в очередной раз продемонстрировала мастерство по введению захватчиков в заблуждения.

Таврина расстреляли 28 марта 1952 г., а Лиду — 2 апреля 1952 г. В мае 2002 г. в их реабилитации было отказано.

«НАХОДКА»

10 февраля 1943 г. в Московское областное управление НКВД по телефону сообщили, что ночной сторож одного из населенных пунктов Волоколамского района видел низколетающий самолет, из которого выпрыгнули парашютисты. По вызову немедленно отправилась опергруппа УНКВД, в целевом и окружающих районах были подняты на ноги истребительные отряды.

В результате поисков был задержан внешне подозрительный младший лейтенант с документами на имя Григорьева. Вражеского агента выдали радиостанция, спрятанная в чемодане, и большая сумма денег. Откуда у него столько денег, арестованный объяснить не смог. Впоследствии выяснилось, что этот человек — 1 из 3 парашютистов, бывших бойцами Красной армии.

Григорьев пояснил, что воевал за свою родину до последнего, но в августе 1942 г. попал в плен. Его отправили в лагерь для военнопленных под Смоленском, где он был завербован немцами. Под псевдо-

нимом Гайдаров Григорьева определили в агенты-радисты, облачили в форменную одежду советских войск, снабдили документами, легендой и оправили на задание.

Также Григорьев рассказал, что выбрасывали их с интервалами, поэтому между ними на земле было значительное расстояние и им приходилось искать друг друга. Двое соединиться успели, а 3-й где-то потерялся, и его решили не ждать. Забегая вперед, надо сказать, что 3-го обнаружить не удалось, возможно, оказавшись дома, он просто не стал выполнять задания. Такое бывало довольно часто.

Засланные наблюдатели должны были обосноваться в районах Московской области, откуда можно было бы следить за перемещением воинских эшелонов по железной и обычным дорогам в сторону Ржева. Первый радиокontakt предполагался сразу же по приземлении или после удачных поисков места жительства.

Руководство советской разведки, узнав об этом, с учетом всех обстоятельств приняло решение организовать радиоигру с абвером. Поскольку радист не был сторонником немцев, то легко согласился участвовать в операции. 13 февраля 1943 г. в установленное время Григорьев вышел в радиоэфир и сообщил немцам о том, что приземлился удачно, однако смог встретиться только с 1 парашютистом. Третий куда-то пропал, а искать его бесполезно и опасно. Под конец Григорьев обнадежил врагов,

передав, что заботится о деле и доложит о первых результатах в ближайшие дни.

В ответ пришла радиограмма, в которой нацисты интересовались, отсутствует ли опасность и не работает ли он под контролем НКВД. У советской стороны тоже возник вопрос: не разгадал ли противник то, что после перевербовки радистов ему приходила дезинформация.

Естественно, в дезинформации должна была содержаться определенная доля правды, иначе в нее бы не поверили. Выработке и грамотному составлению сообщений придавалось очень большое значение. В оперативном управлении Генштаба под руководством генерала С. М. Штеменко на постоянной основе работала группа специалистов высочайшего класса, которые занимались обработкой дезинформации, предназначенной для введения противника в заблуждение относительно истинных намерений советского командования.

Самым слабым звеном операции было отсутствие последнего парашютиста. Данное обстоятельство неизбежно должно было насторожить абверовцев и ставило под сомнение целесообразность проведения радиоигры. Чтобы несколько разрядить обстановку недоверия, 2-го парашютиста до поры до времени оставили на свободе (редкий случай), не препятствуя его деятельности, но и не спуская с него глаз.

Главной задачей радиоигры считалось создание благоприятных условий для появления еще 1 канала

военной дезинформации. Поскольку Григорьев заслуживал доверия, то его радиотрансляции проводились без физического сопровождения, хотя и под контролем. Бывший вражеский агент сам нашел место жительства у одинокой пожилой женщины. Рядом с ее домом поселился чекист Н. Грачев, который каждый день виделся с «подопечным» и влиял на него необходимым образом. К тому же они были сверстниками и даже стали друзьями.

16 февраля радиоцентр немецкой разведки телеграфировал: «Поздравляем Вас с Вашим благополучным приездом. Хорошо, хорошо, сказал доктор. Приветствуем Вас — верных».

23 февраля Григорьев уведомил немцев о том, что нашел новое место жительства. Он регулярно выходил в эфир с периодичностью примерно в 3 дня и добросовестно отсылал дезинформацию о движении грузов по железной и шоссейной дорогам, состоянии противовоздушной обороны и изменениях в местном военном гарнизоне. Вместе с этим передавал сведения и второй лазутчик, но прошедшие предварительную обработку.

Немцы очень интересовались метеосводками. Судя по их посланиям, они все больше доверяли своим агентам, расхваливая их за «смелость и находчивость».

Результатом героического труда на благо фюрера стало награждение 2 шпионов орденами «За храбрость» 2-го класса, о чем и было сообщено 21 марта. В радиограмме также было сказано: «Мы

радуемся вместе с вами за заслуженную награду и ждем тот день, когда сможем вручить вам ордена за верную службу фюреру. Такая награда обязывает вас к еще большей верности и бдительности».

Таким образом, для советской разведки складывалась благоприятная ситуация и теперь операцию нацелили на вызов и захват вражеского курьера. Однако никаких встреч для своих шпионов немцами изначально предусмотрено не было: явок им не давали. Если же возникнет необходимость в документах, деньгах, снаряжении или продовольствии, то им следовало подготовить площадку для сброса всего необходимого с самолета и указать ее координаты в радиограмме.

Через какое-то время срок действия липовых документов стал истекать, да и питание раций должно было закончиться. Об этом Григорьев 26 марта 1943 г. напомнил немцам, которые отреагировали 2 апреля: «Новые документы изготавливаются и будут сброшены с самолета». Убедительными доводами нацистов смогли уговорить прислать документы и элементы питания с курьером. Последний должен был навестить дом радиста.

На этом этапе радиоигрой, осуществляемой НКВД, неожиданно заинтересовался Сталин. Об операции он узнал от главного смершевца В. С. Абакумова, который подробно расспросил чекистов об операции и поручил подготовить справку с указанием основных моментов игры, путей ее развития и приложением в виде проекта очередной дезинформа-

ционной радиограммы. Вместе со справкой Абакумову было доложено, что ранним утром дом Григорьева навестил неизвестный лейтенант Красной армии. Проверив личность радиста, он сказал, что у него есть все необходимое: 2 вещевые сумки спрятаны около станции Волоколамск. На момент разговора чекиста с начальником Смерш курьер отдыхал. Вскоре они с радистом собирались за посылкой, после чего лейтенант намеревался вернуться к немцам.

Курьера решили захватить на обратном пути, в прифронтной зоне. Об успешном выполнении задания он сам под контролем разведчиков передал сообщение немцам: «16 апреля добрался благополучно, передачу передают. Все в порядке. Привет доктору. Антонов». Поскольку ситуация на фронте изменилась, то Григорьеву пришло указание переместиться на запад, и ниточки радиоигры «Находка» от чекистов Московской области перешли к смершевцам.

Немецкую разведку продолжили обеспечивать дезинформацией, а наряду с этим удалось вызвать и задержать 7 вражеских агентов.

Глава 5

«ЯНУС»

В ночь с 31 августа на 1 сентября 1944 г. в Смоленскую область залетел немецкий самолет. В Семлевском районе из машины выпрыгнула группа диверсантов в количестве 16 человек. По-видимому, не все из них желали быть вражескими шпионами — командир отряда И. С. Базалий (Ярошенко) с соратником добровольно явились к местным чекистам, рассказали о задании немецкой разведки и высказали надежду, что им оформят явку с повинной. При этом они попросили дать им лошадь с телегой, на которой они бы могли вернуться к месту нахождения имущества отряда и вывезти его.

Принимавший столь необычных посетителей старший лейтенант районного отдела НКГБ растерялся. После совещания с начальником районного отдела НКВД однозначного решения принято не было. Неизвестные гости лошадь так и не получили, но задерживать их тоже не стали.

Тем не менее лейтенант догадался уведомить смершевцев расквартированного рядом 37-го за-

пасного стрелкового полка, и вскоре была сформирована оперативная группа, которая прибыла в Семлевский район и встретилась с начальниками районных отделов НКГБ и НКВД. Однако те не смогли объяснить, где же все-таки находятся парашютисты противника.

Предпринятые поиски оказались успешными — отряд диверсантов был найден и сдался без сопротивления. Их привезли в отдел контрразведки дивизии, срочно сообщив об этом в ОКР Смерш Белорусского военного округа.

На другой день после тщательного допроса арестованных организовали поиски сброшенных с самолета вещей. В зоне высадки десанта обнаружили ящик с гранатами и снаряжением, чемодан, наполненный антисоветскими листовками и разноплановыми документами и 6 парашютов.

Радиоигры по праву занимают совершенно особое место в истории деятельности советских спецслужб. В заслугу наркомму внутренних дел Л. Берии можно поставить то, что именно с его подачи органы госбезопасности озаботились оперативной дезинформацией противника с помощью радиоигр. При его участии были отработаны технологии операций, да и согласие на них давал тоже он.

К тому же сами диверсанты оказались экипированы довольно богато: рация с запасными батарея-

ми, 150 000 рублей, автоматы, винтовки, ручные пулеметы, гранаты, противотанковые мины и примерно 20 кг взрывчатых веществ.

На допросах они показали, что перед отрядом, кроме разведывательно-диверсионной деятельности в тылу советских войск, была поставлена задача антисоветской пропаганды среди населения, проведения террористических актов против руководителей разного звена, прежде всего работников НКВД, или хотя бы подрыв их авторитета путем рассылки провокационных писем, осуществления шпионской деятельности по выявлению резервов Советской армии, расположения частей и оборонных заводов, определению политико-морального состояния военных и наличия у них желания продвигаться вплоть до столицы Германии, вербовка сторонников среди местного населения.

Поскольку советское руководство проявляло повышенный интерес к контактам пойманных агентов с нацистскими антисоветскими организациями, то 5 сентября 1944 г. Главное управление «Смерш» приняло решение приступить к радиодигре с названием «Туман». Из числа заброшенных диверсантов в ней должны были участвовать Базалий, старший радист Г. Поляков и радист Н. Крылов.

Склонить их к сотрудничеству было нетрудно, поскольку они всячески подчеркивали свою искренность, глубину раскаяния и стремление искупить вину перед родиной. В качестве примера побудительных

мотивов можно привести выдержку из объяснения старшего радиста: «...Видя все издевательства не только над собой, но и над всеми нашими русскими юношами и девушками, над пожилыми мужчинами и женщинами, но и над рабочими и работницами других национальностей, я настолько проникся ненавистью к этому подлому нацистскому «новому порядку в Европе», что не мог уже сдерживать себя в разговоре с немецкими мастерами и настолько дерзко вел себя, что и сейчас удивляюсь, как я избежал концлагеря или еще чего другого похуже. Лучше всякого самого лучшего агитационного материала и лучшей, самой насыщенной фактами пропагандистской речи я знаю этого озверелого человеконенавидящего фашистского зверя. Поэтому, не летая ни разу на самолете, а о парашютном прыжке даже думать не смея, невзирая на все, как может принять меня моя страна, я без колебаний согласился на предложение, лишь бы вырваться из этого гадючьего змеятника...» Командир шпионов выразился похожим образом, поклявшись «именем и счастьем единственного любимого сына» честно служить родине, «не жалея ни сил, ни здоровья, ни даже своей жизни».

Весьма любопытные сведения привел Базалий, вспоминая свои разговоры с идеологами штаба генерала А. Власова: «Мы не кровожадны и не мстительны, мы даже не иудефобы. Мы ведем и будем вести борьбу против Сталина настоящими, по-демократически выражаясь, парламентскими

методами. Мы агитируем за удаление его от власти, что, как правило, практикуется, например, в Англии и Америке. И уйди Сталин от власти сам, мы бы требовали и не допустили бы даже его казни, особенно сейчас, когда так или иначе, но в организации разгрома фашистской Германии он сыграл огромную роль. Но мы пойдем на террор против него как на неизбежное зло, так как хорошо знаем, что он добровольно не откажется от власти. То же в отношении еврейства. Мы не любим евреев! Да кто вообще любит эту подлую нацию в мире? Но мы отнюдь не одобряем каннибальски зверскую, варварскую расправу с евреями со стороны идеологов «нового порядка» в Европе, со стороны фашистов Германии и их вождя Гитлера Кровавого!

Мы, придя к власти, отведем им определенный район, пусть даже Биробиджан, этот богатейший кусок нашей Родины, и пусть они там живут и работают. Но мы удалим, и бесповоротно, всех этих кагановичей с их бесконечным еврейским кагалом от безраздельной их власти над великим русским народом. Если это им не угодно, пусть уезжают от нас в Палестину или еще куда угодно!.. Жукова и Рокоссовского — вождей вооруженного русского народа, изгнавших зазнавшихся немецко-фашистских оккупантов со священной земли нашей родины — России, мы считаем великими гениями, гордостью русской земли, звездами первой величины и думаем, что они еще сыграют свою роль и в борьбе со Ста-

линым — на внутреннем фронте, который отнюдь не за горами!»

Во время радиоигры сотрудники Смерш намеревались выманить на советскую территорию квалифицированную немецкую агентуру, выполнить задачи по перехвату каналов связи абвера с антисоветскими организациями, базирующимися в Третьем рейхе, и шпионскими сетями, функционирующими на территории СССР, внедрить агентов в указанные организации и разведструктуры.

Так как при высадке десантников их раскидало на значительном расстоянии друг от друга, 9 и 10 сентября в первых радиосообщениях немцев предупредили о потере половины отряда и всего груза, поэтому парашютистам якобы требовалась помощь: «Выброшены примерно в 40 км от Вязьмы на территории Семлевского района. Люди и грузы сброшены не по плану. Растеряно все. Со мной осталось 8 человек, радиостанция и у людей личный груз. В условленные места не иду, остановился в лесах Оленинского района. Подробности дополнительно. Жду указаний. Ярошенко».

Усугубляя создаваемое впечатление от того, что группа оказалась в тяжелых условиях, 18 сентября радиоцентру противника отправили сообщение: «Меня с уцелевшими людьми поражает ваше длительное молчание. Продукты вышли, снаряжения и боеприпасов нет. Прошу обеспечить всем необходимым и картами. Работать здесь можно, кое-что делаем. Ярошенко».

Через 5 дней нацисты продемонстрировали признаки активности, согласившись прислать все необходимое: «Сообщите немедленно, что вы по ночам, начиная с 25 сентября, при приближении самолета будете жечь костры в форме треугольника и махать в середине факелом между 24 и 02 ч 00 мин московского времени в указанном районе. Мы прилетим в зависимости от погоды с грузом. Без подтверждения о том, что вы поняли, не прилетим. Привет».

При этом, чтобы диверсанты не пали духом, им была обещана помощь людьми, а Базалия «обрадовали» присвоением звания капитана: «Ярошенко присвоено звание капитана. Поздравляем. Высадим 5 новых ребят, надежных и деловых. Все вам подчиняться согласны. Пароль для новых ребят «дождь, дождь», а для вас — «снег, снег». Ребята имеют с собой лист с перечнем мест груза и письма Ярошенко».

Советские контрразведчики 1 ноября 1944 г. горячо поблагодарили немецкое командование: «Лично подполковнику спасибо. Сердечно тронут вашим вниманием, доверие оправдываю и оправдаю. Привет. Ярошенко».

Около полуночи 20 декабря 1944 г. в оговоренную зону прибыл вражеский самолет, сбросил 4 парашютистов, переодетых в форму офицеров Красной армии, и груз массой чуть более 3 т. Смершевцы задержали новых шпионов. Утром 21 декабря 1944 г. абверкоманда читала «любовное послание»: «Дол-

гожданный груз получили, успешно собираем. Один пакет взорвался и сгорел. Прибывшие в полном здорьевье. Все шлем вам сердечное русское национальное спасибо, а особенно я за ваше личное внимание и награду. Клянемся продолжать общее великое дело. Как в «штиле нахт» — мы мысленно сейчас с вами. Крепко целуем вас. Ярошенко». (Штиль нахт — кратковременное рождественское перемирие в 1-й мировой войне, когда солдаты проявляли друг к другу почти товарищеское отношение, поздравляли друг друга).

Пополнение людьми не задержали — была сымитирована ситуация, будто они попали к «своим». Выяснилось, что 4 немецких разведчиков специально обучали, чтобы они по прибытии приступили к созданию отделения «Комитета национального освобождения России», возглавляемого в Германии А. А. Власовым.

Главным в четверке был И. Горбатов, уполномоченный передать своему визави из 1-й группы орден «Национальных партизан» 3-го класса и вручить записку, в которой указывалось, где он мог встретиться с курьером. Эти факты говорили о том, что немцы доверяют радиостанции и возлагают большие надежды на своих агентов.

Наряду с очередными диверсантами были захвачены походная типография, 10 000 экземпляров антисоветской литературы, липовые документы, штампы, печати и бланки воинских и гражданских учреждений в количестве 2000 экземпляров, 103 000 руб-

лей, ручные пулеметы, винтовки, автоматы, пистолеты, множество боеприпасов, взрывчатка общим весом 1300 кг, разнообразное воинское снаряжение и много продовольствия.

Тем временем конец войны был не за горами, немецкий радицентр все больше перемещался на запад и устанавливать нормальную радиосвязь стало невозможно. В новом году немцам было не до маленького отряда диверсантов, оставшегося на Смоленщине, и о нем постепенно забыли. В связи с чем радиоигру решили прекратить.

«УЛЬТРА ПРОТИВ ЭНИГМЫ»

В переводе с греческого языка «энигма» означает «загадка». Именно так назывался самый популярный шифратор, использовавшийся нацистами, их итальянскими и японскими приспешниками, а также швейцарцами в период Второй мировой войны. Ключевым элементом конструкции являлся шифровальный диск, придуманный голландским изобретателем Х. Кохом, на основе которого немецкий инженер А. Шербиус изготовил саму машину.

В оригинале аппарат предполагался коммерческим продуктом, поэтому его создатель стал проводить активную рекламную кампанию: представил изделие на съезде Международного почтового союза в 1923 г. и напустил рекламу на радио и в газеты. Огромным недостатком продукта являлась его высокая цена, поэтому неудивительно, что потенциальные покупатели не спешили опустошать свои карманы. Единичные же экземпляры приобрели представители армий некоторых стран и компаний связи.

На следующий год к шифратору проявили интерес специалисты из Великобритании, и немецкая фирма, выпускавшая этот аппарат, предложила купить партию. Англичане были не против, но поставили условие, что изобретение должно быть зарегистрировано в Британском патентном бюро. Немцы согласились и предоставили полную документацию, благодаря чему британцы получили возможность ознакомиться с криптосхемой коммерческой версии продукта.

С середины 1920-х гг. «Загадка» поступала в немецкую армию в рамках мероприятий по повышению безопасности линий связи, а звездный час ее создателя наступил в 1933 г., когда А. Гитлер пришел к власти и инициировал перевооружение армии. Вплоть до начала войны было произведено почти 200 000 экземпляров «Энигмы». Ею пользовалась не только вся армия, но и военная разведка, и служба безопасности.

С 1926 г. польские радиослужбы перехватывали радиограммы с неизвестной кодировкой. В начале года (некоторые историки считают, что в 1927 г.) на Варшавскую таможню пришла коробка, предназначенная для германского посольства. Польским службам от немцев пришел запрос на скорейшую передачу посылки по адресу. Заинтригованные поляки поспешили заглянуть внутрь и увидели коммерческий вариант шифратора. В посольство его доставили только после того, как тщательно изучили. Немцы никаких претензий выставлять не стали, по-

видимому, не подумали о том, что посылку могли вскрыть, или же решили промолчать. Впрочем, полякам не помогло близкое знакомство с устройством машины. Они не смогли прочесть зашифрованные сообщения, так как германские вооруженные силы пользовались особым вариантом аппарата, отличающимся от коммерческого.

Поляки не смутились, вплотную занялись расшифровкой кодов «Энигмы» и достигли в этом ошеломительного успеха. По сути дела они с 1933 г. уже читали шифратор своего западного соседа. Однако, в 1938—1939 гг. немцы существенно изменили конструкцию и принцип работы аппарата, после чего Польше не оставалось ничего другого, как поделиться своими достижениями с союзниками, — дальше в одиночку они не справлялись.

Когда в Польшу вторглись нацистские войска, основная часть дешифровщиков перебралась во Францию. Перед этим имеющиеся копии немецкого шифратора и комплексы из нескольких совмещенных шифраторов под названием «Бомба» были уничтожены, поэтому захватчики остались в неведении насчет того, что поляки читали их радиограммы. В дальнейшем, работая вместе с французами, поляки добились хороших результатов, расшифровав с осени 1939-го по весну 1940 г. приблизительно 15 000 вражеских сообщений.

Однако это было лишь прелюдией к знаменитой операции союзников по дешифровке, которая в основном была проведена силами британских

спецслужб. Поляки передали им свои наработки, что позволило приступить к операции «Ультра» по раскрытию немецких кодов.

Штаб-квартира участников операции находилась на территории Блечли-парка в графстве Бэкингемшир. Здесь в специально созданном центре работали лингвисты, криптографы, математики, которые разгадали нацистский код и практически на протяжении всей войны снабжали политическое и военное руководство Англии важнейшей информацией.

Почему операции дали название «Ультра», точно не известно. Некоторые считают, что делопроизводство в Англии мало отличается от такового в других странах, поэтому существуют разные уровни секретности информации, которые обозначают словами «секретно», «совершенно секретно». Информацию же огромной важности, добываемую расшифровкой «Энигмы», предложили отмечать словом «ультрасекретно».

Огромное значение придавалось засекречиванию операции. По этому поводу английский разведчик Ф. Уинтерботэм, занимавшийся вопросами обеспечения секретности, говорил так: «Я указал, что потребуются очень строгие правила, регламентирующие число людей, которые могут знать о существовании такой информации, и особые правила

для тех, кто получает информацию: запрет предпринимать какие-то ни было действия, которые могут вызвать подозрения у противника либо подтвердить его опасения, что союзному командованию были известны его планы... В известных условиях может оказаться соблазнительным нанести удар, который выдаст тайну...»

Новости о ходе операции доводились до сведения премьер-министра страны У. Черчилля, который даже своих коллег по кабинету министров редко знакомил с расшифрованными сообщениями. Все текущие материалы поступали напрямую к руководителям разведывательных ведомств, а в другие заинтересованные инстанции направлялись лишь указания, выработанные на основе данных, полученных в ходе операции. Причем составляли их таким образом, чтобы не вызвать у немцев подозрений насчет подлинного источника информации.

В начале войны объемы декодированной информации были невелики, поэтому проблем с обеспечением их секретности не возникало. Однако по мере увеличения потока данных и количества тех, кому они предназначались, ситуация заметно осложнилась. Руководителей английских спецслужб волновала вечная дилемма: чем больше людей будет знать об операции, тем выше вероятность того, что они поделятся этим с подчиненными и т. д., а результатом станет увеличение интенсивности радиообмена, что в конце концов могут заметить немцы и заподозрить наличие у британцев нового источника информа-

ции. Следующей догадкой будет соображение о ненадежности используемых шифров.

Поэтому тем, кто имел доступ к радиограммам, категорически запрещалось их передавать кому-либо или копировать. Действия, целесообразность которых диктовалась после ознакомления с расшифрованной информацией, было необходимо документально оформлять так, чтобы отсутствовали любые ссылки на сообщения, а осуществлять таким образом, чтобы противник ни о чем не догадался. Действия же, способные вызвать подозрения, требовали дополнительной маскировки. Например, сначала над вражескими кораблями для вида пролетал разведывательный самолет, а уже после этого через некоторое время следовала атака, как будто до наблюдений с самолета об эскадре противника ничего не знали.

Премьер-министр дал особые указания насчет того, чтобы источник информации всегда скрывали. К тому же он требовал от обладателей информации делать все от них зависящее, чтобы избежать пленения врагом. Части старших офицеров, имевших доступ к данным расшифрованных радиограмм, запрещалось принимать непосредственное участие в боевых действиях.

Порой ситуация складывалась таким образом, что приходилось делиться секретами с довольно большой группой людей. Так было решено действовать по отношению к сотрудникам станций радиоперехвата. Если бы те работали, не подозревая об истинной

подоплеке событий, то могли бы случайно передать данные, которые свидетельствовали об активном перехвате сообщений и постоянной интенсификации этой работы. Узнай об этом спецслужбы Германии, они бы наверняка догадались о расшифровке их кодов: зачем еще так активно перехватывать нечитаемые сообщения? Предупрежденные британские сотрудники станций радиоперехвата, понимая, насколько важна осторожность, действовали соответственно.

Сохранение тайны операции иногда требовало поистине трудных решений. Например, 15 ноября 1940 г. нацисты провели против Великобритании акцию устрашения, в результате которой массированной авиабомбардировкой был практически полностью уничтожен город Ковентри. О масштабах налета говорят цифры: принимали участие почти 440 самолетов, на головы бедных горожан упали 56 т зажигательных бомб, около 400 т фугасных и 130 т парашютных мин. В итоге погибло огромное количество людей, перестали функционировать жилищные коммуникации (водо- и газоснабжение), местные авиационные заводы были погребены под завалами, что привело к снижению на 20 % производства самолетов в стране. Германские вооруженные силы лишились только 1 самолета. Успех налета впечатлил фюрера, и он обещал аналогичные мероприятия остальным английским городам.

Трагедия этой ситуации в том, что ее можно было предотвратить. Британский радиоцентр заранее

перехватил сообщение о предстоящем налете в ходе операции против «Энигмы». Возникал закономерный соблазн и на первый взгляд единственно верный шаг — принять меры по защите города: усилить противовоздушную оборону, эвакуировать жителей и т. п. Черчиллю пришлось выбирать между жизнями своих соотечественников и раскрытием факта перехвата нацистских радиogramм. Предпринятые действия, скорее всего, насторожили бы немцев и они, естественно, постарались бы определить канал утечки информации о намечаемой ими акции (причем об этих планах в Третьем рейхе знал весьма ограниченный круг лиц).

Британцы, проанализировав обстановку, заключили, что если предпринять действия, предупреждающие налет, то тайная операция станет явной и на этом завершится. Какое решение принял премьер-министр, всем известно. По этому поводу президент США Ф.-Д. Рузвельт писал своему британскому партнеру: «Война заставляет нас все чаще действовать, как Бог. Не знаю, как бы я поступил...».

Такими, подчас очень суровыми мерами обеспечивалась секретность операции «Ультра», которая длилась вплоть до окончания войны. Ее вклад в общую победу (по крайней мере для англичан и американцев) трудно переоценить. Британский премьер-министр видел в операции «...самый важный и самый секретный источник информации», указывая: «...“Ультра” — это то, чем мы выиграли войну». Верховный главнокомандующий западными союзными войска-

ми генерал Д. Эйзенхауэр соглашался, что операция по перехвату немецких сообщений была «решающим фактором победы союзников».

Немецкий военный историк Ю. Ровер признавал: «Если распределить все факторы, оказавшие влияние на исход битвы на Атлантике, в порядке убывания важности, то на вершине окажется операция “Ультра”».

Условия секретности соблюдались и после войны. Например, У. Черчилль в своих мемуарах, описывая работу английских дешифровщиков в период Первой мировой войны, не скупился на высокие оценки их деятельности, однако, когда речь дошла до Второй мировой, он вообще не упомянул о проведенной британскими специалистами операции, связанной с «Энигмой».

В контексте описываемой операции взаимоотношения СССР с остальными союзниками по антигитлеровской коалиции выглядели следующим образом. Непосредственно перед вторжением Германии на территорию Советского государства Черчилль поручил уведомить наше правительство о грядущей агрессии. Эти сведения англичане получили путем дешифровки сообщений «Энигмы». Однако было заявлено, что источником данных служила агентура. И. Сталин не сумел правильно интерпретировать информацию, поскольку не слушал даже собственных разведчиков, а уж предупреждению от англичан тем более не внял.

По поводу особенности функционирования разведки в СССР уместно привести слова маршала

А. Василевского: «В чем причины столь крупного просчета этого опытного и дальновидного государственного деятеля. Прежде всего в том, что наши разведорганы, как справедливо отмечает в своих воспоминаниях Г. К. Жуков, не смогли в полной мере объективно оценивать поступавшую информацию о военных приготовлениях фашистской Германии и честно, по-партийному докладывать ее И. В. Сталину. Я не буду касаться всех аспектов такого положения, они в основном известны. Остановлюсь лишь на том, что в этом, видимо, сыграла свою роль и некоторая обособленность Разведуправления от аппарата Генштаба. Начальник Разведуправления, являясь одновременно и заместителем наркома обороны, предпочитал выходить с докладом о разведанных непосредственно на Сталина, минуя начальника Генштаба. Если бы Г. К. Жуков был в курсе всей важнейшей развединформации... он, наверное, смог бы сделать более точные выводы из нее и более авторитетно предоставлять эти выводы И. В. Сталину и тем самым в какой-то мере повлиять на убеждение И. В. Сталина, что мы в состоянии оттянуть сроки начала войны, что Германия не решится воевать на два фронта — на западе и на востоке».

К британской помощи в Советском Союзе обычно относились весьма настороженно и нередко ее игнорировали. Так случилось в 1942 г., когда англичане сообщили советскому руководству о готовящемся наступлении вермахта под Харьковом. Предупреждение никто не принял всерьез, в результате

чего советские войска понесли тяжелые потери. Некоторым оправданием может служить то, что информацию, которая была получена в ходе операции «Ультра», иногда не брали в расчет и находящиеся в курсе дела относительно надежности ее источника французы и англичане.

Руководители британской операции не соглашались делиться с Советами информацией из расшифрованных радиogramм «Энигмы». Одной из отговорок была декларируемая ими слабость советских шифров, из-за чего якобы полученные материалы могли быть зашифрованы ненадежными шифрами, которые прочтут немцы при перехвате сообщений. Так считать англичане имели основания, поскольку в ходе своей операции узнали, что нацисты перед войной читали шифровки советских морских судов и по крайней мере одного авиационного соединения, базировавшегося около Ленинграда.

Впрочем, премьер-министр Великобритании дал указание передавать восточному союзнику разведанные, полученные в ходе операции «Ультра», оформляя их как агентурные сведения из источников в нейтральных странах, показаний пленных и т. п. При этом всякие детали, говорившие о том, что информация получена путем расшифровки, устранялись. Например, британский премьер в сентябре 1942 г. сообщал советскому главнокомандующему: «Из того же самого источника, который был использован мною для того, чтобы предупредить Вас о предстоящем нападении на Россию полтора года

тому назад, я получил следующую информацию. Я полагаю, что этот источник заслуживает абсолютного доверия. Пожалуйста, пусть это будет только для Вашего сведения». Ниже шло описание планов вермахта на Северокавказском фронте. В общем-то это предупреждение было сделано не по доброте душевной, а из обеспокоенности тем, что немцы доберутся до азербайджанской нефти, поэтому англичане были заинтересованы в упреждающих действиях Красной армии.

Подобное осторожное сотрудничество почти завершилось к концу 1942 г. Лишь изредка сведения из расшифрованных сообщений все-таки доходили до СССР, например во время Сталинградской и Курской битв, но с начала 1944 г. Англия официально прекратила снабжать советское руководство информацией.

В 1941 г. была попытка наладить взаимопонимание. Тогда страны поделились некоторыми своими секретами. СССР получил коды немецких военно-воздушных сил и инструкции по вскрытию ручных шифров германской полиции, а Великобритания — попавшие в руки советской разведки нацистские шифровальные документы. Впоследствии Советскому Союзу предоставили данные по расшифровке ручных кодов абвера, однако ответной реакции не последовало, поэтому англичане отказались от сотрудничества на этом направлении.

Осенью того же года американцы и британцы открыли военные миссии на севере СССР и сразу же попали в сферу интересов советской контрраз-

ведки. В числе прочих важных сведений она выяснила, что в миссиях имеются станции радиоперехвата, направленные в первую очередь против немцев. В частности, 1 из донесений советских разведслужб гласило, что перехваченные «неприятельские сообщения направляются в адмиралтейство с целью расшифровки кодов противника». Одновременно британцы вели такое же наблюдение за советскими линиями связи. В 1943 г. в обслуживающем персонале этих линий появился наш агент, благодаря которому советские спецслужбы добыли английские шифры.

На тему содействия СССР со стороны британцев глава американской внешней разведки в Европе военного времени У.Донован высказался в докладе своему президенту: «Если бы англичане пересылали в Кремль перехваченные германские военные приказы, Сталин, может быть, уяснил бы истинное положение вещей. Однако англичане считают аппарат Блетчли совершенно секретным. Они используют перехваченную информацию в собственных целях».

В этой войне по большей части каждый был сам по себе при тотальном недоверии друг другу. Вряд ли можно сомневаться: если бы советское руководство уповало лишь на официальные каналы, то война точно была бы проиграна. Однако наиболее полные и ценные дешифрованные материалы, добы-

ваемые британцами в ходе операции «Ультра», поступали в Советский Союз через агентурную сеть.

Еще в 1940 г. участник знаменитой «Кембриджской пятерки» К. Филби безуспешно пытался пробраться в сердце английской криптографической службы. Его не приняли, и он с досадой писал: «У меня состоялась одна многообещающая встреча с Фрэнком Берчем, которую организовал наш общий друг. Берч был ведущей фигурой в государственной школе кодирования и шифровального дела — криптографическом учреждении, которое занималось раскрытием кодов противника (и друзей). Однако Берч в конце концов отверг меня на том издевательском основании, что не может предоставить мне жалованье, достойное моего труда». Впоследствии именно Филби окажет значительную информационную поддержку советской разведке, когда станет одним из начальников британской разведки. Среди прочих сведений, предоставленных им, будут и описания деятельности криптографической службы.

Другим неофициальным источником для СССР был работавший на советскую разведку с 1935 г. сотрудник МИД Великобритании Д. Кернкросс, также снабжавший своих новых друзей ценными разведданными. В период с 1942 по 1944 гг. он имел доступ к материалам операции «Ультра» и передавал очень интересные сведения в Москву. Например, весной 1943 г. Кернкросс сообщил о готовящейся гитлеровской операции «Цитадель» (наступление в районе Курска). Причем конкретизировались от-

дельные аспекты: количество и номера участвующих дивизий (в официальных британских сообщениях номеров не указывали), состав и объемы вооружений, боеприпасов противника, направления ударов.

Информацию Кернкросса органично дополняли данные сотрудника британской разведки Л. Лонга, с декабря 1940 г. служившего в отделе Министерства обороны Англии, который занимался сравнением и анализом разведданных. Поэтому советский агент имел возможность ознакомиться со всеми расшифрованными секретными материалами по «Энигме». Правда, столь ценный источник недолго оставался таковым — вскоре он уволился с военной службы и прервал контакты с советской разведкой.

Если говорить о советских попытках взломать код «Энигмы», то они оказались неудачными, что выглядит вполне закономерным, поскольку советские специалисты не имели в распоряжении той исходной информации, которая была у англичан. Несмотря на это, в конце 1942 г. дешифровщики Главного разведуправления выявили теоретическую возможность расшифровки немецких радиogramм, закодированных «загадочным» устройством. С подобной формулировкой более десятка офицеров-дешифровщиков были удостоены наград. Под представлением к наградам 29 ноября 1942 г. стоит подпись главы управления генерала И. Ильичева. Конечно, все прекрасно понимали, что определение теоретической возможности еще далеко не практические результаты. Может быть, со временем советским специалистам уда-

валось читать какие-то сообщения, но о массовой дешифровке речи не шло.

Германские спецслужбы довольно высоко оценивали возможности советских специалистов-дешифровщиков. В начале 1943 г. в Управлении связи вооруженных сил Третьего рейха (сухопутные войска) решили, что советские специалисты раскрыли «Энигму», потому что окруженная под Сталинградом группировка войск пользовалась 26 такими аппаратами. Сообщений об их уничтожении не поступало, значит, они могли попасть в руки советской разведки. К тому же в числе множества военнопленных могли оказаться шифровальщики. После этих событий немцам пришлось усовершенствовать «Энигму».

Беспокойство нацистов имело под собой основание. Советская сторона в ходе войны на самом деле захватывала экземпляры главной шифровальной машины противника, а также ключи и шифровальщиков. Например, 2 немецких связиста попали в плен в 1941 г., еще 3 — по итогам Сталинградской битвы. 30 июля 1944 г. советские специалисты смогли изучить вариант «Энигмы» для военно-морских сил — она была поднята с германской подлодки, затонувшей в Финском заливе. В послевоенное время этот и аналогичные экспонаты служили наглядными пособиями во время подготовки советских криптографов.

Однако реальной пользы от таких трофеев не было как из-за ограниченности в человеческих и материальных ресурсах, так и по причине достаточно

низкого уровня развития «машинных» средств обработки информации. В исторической литературе, как правило, западной, можно встретить утверждения о том, что СССР осуществил практическую дешифровку немецкого аппарата, однако это не соответствует действительности. Если бы так случилось, то война сложилась бы по-другому.

Основные усилия советские дешифровщики прилагали к разгадыванию армейских «ручных» шифров противника, причем на данном направлении были достигнуты впечатляющие результаты. Можно упомянуть работу криптографической службы разведки Главного морского штаба в период войны. Коллектив состоял не более чем из 150 человек, которые однако продемонстрировали поразительную эффективность. Служба регулярно и неизменно предоставляла достоверные разведданные разного характера, в том числе и стратегического значения. Ее интересовали как вражеские военно-морские силы, так и приморские сосредоточения сухопутных войск, особенно авиации — ключевого ударного фактора нацистов в войне против Советского Союза.

Общее количество дешифрованных морскими специалистами радиogramм Третьего рейха, его союзников, а также нейтральных стран превышает 300. Советской разведке стало известно о содержании нескольких сотен тысяч сообщений. Верховный главнокомандующий И. В. Сталин так оценил деятельность морских дешифровальщиков: «Если бы не

было дешифровальной службы Черноморского флота, я не знал бы обстановки на юге».

Больших успехов добивались и армейские криптоаналитики, а также специалисты органов госбезопасности. За время войны были вскрыты машинные коды иностранных государств, например той же Германии (только не «Энигмы»).

Подытоживая сказанное, нужно отметить, что умалять достижения отечественных дешифровщиков не стоит, но операция «Ультра», проведенная союзниками, бесспорно являлась одной из самых успешных среди других аналогичных операций и наиболее масштабной в истории войн.

**Подготовка
покушений
на лидеров
воюющих
стран**

И. СТАЛИН

Покушение Г. Люшкова

Летом 1938 г. исполняющий обязанности командующего Дальневосточной погранохраны Генрих Самойлович Люшков решил проверить надежность границы с Маньчжурией. Несколько дней он «гонял» пограничников, объявляя ложные тревоги, и изучал карты — больше всего его интересовал участок границы 59-го погранотряда. Любая оплошность подопечных вызывала его гнев и непечатную ругань.

На самом деле за все время, пока И. В. Сталин находился во главе СССР, а это без малого 30 лет, было зафиксировано большое количество совершенных на него покушений. Однако сейчас уже сложно определить, какие из них были настоящими, а какие — искусно разыгранными.

Ночью 13 июня и. о. командующего в сопровождении начальника заставы приблизился к границе, сказав, что должен наедине встретиться кое с кем. Начальник отошел на 500 м и стал ждать. Через пару часов бесплодного ожидания он заподозрил неладное и, подойдя поближе, не увидел никого. По тревоге, но уже настоящей, были подняты тысячи людей, прочесана местность.

О пропаже видного функционера доложили И. Сталину, который сразу предположил, что Люшкова похитила японская разведка. Советские разведчики за границей получили задание выяснить его судьбу, а все причастные к исчезновению были арестованы.

Когда же не осталось сомнений в том, что Люшков сам сдался японцам, из Москвы поступил приказ уничтожить перебежчика. Однако в тот момент до него было трудно добраться, поскольку он находился под усиленной охраной. Иностранцы увидеть его не могли, так как его внешность была изменена, а японская разведка постоянно допрашивала.

Люшков рассказал много. Та часть его исповеди, которая касалась мотивов побега и страхов перед возможным преследованием в Стране Советов, не особенно интересовала японцев куда ценнее была информация о степени боеготовности Советского Союза, размещении военных объектов, возможности использования различного вида оружия массового поражения, осведомленности советской разведки и т. д. Изменник доставил немало неприятных минут резидентуре Р. Зорге, однако с ней на-

прямую работала Москва, поэтому Люшков мог сообщить очень мало.

Еще больше японцы оживились, когда узнали о служебном положении и обязанностях невозвращенца. Японские разведчики решили подготовить секретную операцию под названием «Медведь». Несколько месяцев они выясняли у пленника расположение сочинской водолечебницы, в которой любил отдыхать И. В. Сталин, планировку здания, график поступления минеральной воды, режим отдыха вождя, который страдал полиартритом и потому подолгу принимал родоновые ванны.

Резиденция Сталина находилась на некотором возвышении в окружении вечнозеленых старых сосен и ничем не выделялась при взгляде с воздуха. Склоны горы покрывал колючий кустарник и тому, кто решился бы пробираться по бездорожью, пришлось бы нелегко. К тому же склоны где-то были заминированы, а где-то постоянно охранялись. Прибрежную полосу патрулировал военный корабль, а на аэродроме к взлету всегда была готова пара истребителей. В первом кольце охраны вокруг дачи находились пограничники, а 2-е составляли 200 надежных чекистов с автоматами.

Санаторий располагался в Мацесте, отдаленной от дачи на несколько километров. Перед тем как Сталин преодолевал это расстояние, всех пациентов удаляла охрана, окружавшая санаторий, так что никаких шансов приблизиться к нему незамеченным не было.

Данную схему, исключавшую вторжение любых посторонних лиц, разрабатывали глава личной охраны Сталина и собственно Люшков. В силу доскональной осведомленности в теме последний также знал о слабом месте системы безопасности — он планировал ликвидировать этот пробел, но не успел, оказавшись на Дальнем Востоке.

Тайно проникнуть в подвал санатория было возможно по трубе довольно большого диаметра, по которой поступала минеральная вода. В ночное время, когда напор воды ослабевал, она была заполнена лишь частично, поэтому злоумышленник мог доползти до устройства для сбора воды и спрятаться там, пока не прибудет руководитель СССР. Затем через люк можно было вылезти в рабочее помещение с работавшими там 2 операторами, которые следили за температурой воды. После их ликвидации открывалась дверь в подсобное помещение с принадлежностями для уборки: ведрами, щетками, тряпками. Оттуда вел коридор с 2 вооруженными охранниками, которых также нужно было устранить, чтобы проникнуть в ванную с объектом нападения.

Японцы не стали скрывать от своего источника намерений по ликвидации Сталина. Люшков в процессе подготовки к операции вспомнил, что Иосиф Виссарионович никогда не раздевался при посторонних и в ванну садился всегда в одиночестве. По эскизам перебежчика японцы сделали макет лечебницы в натуральную величину, и группа террористов,

состоявшая из белоэмигрантов, приступила к тренировкам. Путей отхода не рассматривали, т. е. по сути на дело отправлялись смертники.

Вскоре между Японией и СССР около озера Хасан вспыхнуло вооруженное противостояние. В этой ситуации войскам Страны восходящего солнца очень пригодилась информация, переданная им Люшковым. Можно сказать, что она стала одним из определяющих факторов довольно успешных действий японской армии, а также привела к ощутимым жертвам среди советских воинов.

Тем временем подготовка к покушению шла своим чередом. Во главе группы боевиков японцы поставили Люшкова, о чем и известили его, — отказаться было нельзя. Результаты учений демонстрировали довольно высокий процент удачных попыток. Японские военачальники уже предвкушали сладкие плоды успешной операции.

Однако жизнь, как всегда, внесла свои коррективы. В северо-восточном китайском городе Дайрен у входа в престижный отель «Ямато», находившийся под охраной полиции, однажды нетерпеливо прохаживался бедно одетый китаец, периодически поглядывавший на часы. Один из охранников счел нужным понаблюдать за подозрительным субъектом. Как выяснилось, не зря — когда наступил полдень, тот зашел внутрь здания и сразу направился к туалету. Здесь он подошел к урне с мусором, оглядевшись, достал из нее кучу бумажек, отобрал нужную, положил в карман и нацелился на выход. Тут его задер-

жали и отобрали бумажку, на которой можно было разобрать надпись на русском языке: «Следи за нами» — и подпись Leo. Оккупанты переполошились, поскольку давно пытались выйти на советского агента с таким псевдонимом. Арестованный китаец оказался простым безработным, не понимал, за что его схватили, и дрожал от страха, предчувствуя, что для него это плохо кончится. Он поведал о том, как рядом с вокзалом пригородной железной дороги случайно встретил человека, который обещал заплатить за услугу: найти бумажку в урне и привезти ее.

Полицейский, занимавшийся этим делом, не имел соответствующих навыков и решил элементарно задержать заказчика. Они вместе направились к вокзалу. Арестованного китайца предупредили, что застрелят его при попытке к бегству, однако тот не слишком испугался и, очутившись в толпе на привокзальной площади, громко закричал, указывая на неизвестного человека, после чего бросился бежать. Поскольку был риск попасть в посторонних людей, полицейские стрелять не решились. Незнакомец, на которого указал китаец, также скрылся.

Сведения об этом инциденте дошли до контрразведки и там запаниковали — резидент советской разведки беспрепятственно ушел, а загадочный и столь желанный Leo подобрался достаточно близко, чтобы узнать о подготовке покушения на Сталина. Всех исполнителей планируемой акции в очередной раз всесторонне проверили, круглосуточно за ними следили, но вполне предсказуемо ничего пре-

досудительного не обнаружили. Приближалась дата поездки Сталина в санаторий, поэтому, несмотря на риск, было решено довести операцию «Медведь» до конца.

Группе принудительно-добровольных убийц приобрели билеты на корабль, идущий до Неаполя. Кроме Люшкова, в отряд входили 5 человек. Действуя согласно инструкции, боевики в ходе плавания каюты не покидали: питались тем, что им доставляли сотрудники японской разведки, иллюминаторы на стоянках зашторивали. Потенциально возможную слежку пытались сбить с толку пересадкой в пункте прибытия на другое судно, направлявшееся в Стамбул. На твердой земле они оказались только тогда, когда на маленькой моторной лодке отплыли к безлюдному месту побережья. 24 января 1939 г. боевики, прикидываясь исследователями, сняли 2 дома, чтобы проверить состояние снаряжения и обмундирования.

Террористы под намеревались покровом ночи пересечь границу Советского Союза. Они успешно передвигались по глубокому ущелью, пока внезапно не попали в ловушку: группу накрыл шквальный пулеметный огонь. Трое боевиков погибли сразу, а Люшков с последним коллегой укрылись за камнем и отползли в безопасное место. В данной ситуации нельзя было не догадаться, что советские пограничники ждали гостей. При этом они каким-то образом узнали и место, и время перехода.

27 января 1939 г. в сообщении ТАСС указывалось: «25 января погранвойска Грузинской ССР унич-

тожили трех человек, пытавшихся перейти границу со стороны Турции. Эти трое — троцкисты, пользовавшиеся поддержкой фашистов. У убитых найдены пистолеты, ручные гранаты и подробные карты местности. Целью преступной группы было убийство Иосифа Виссарионовича Сталина, находящегося в Сочи. Однако пограничники заблаговременно узнали о преступном плане и истребили злоумышленников».

По-видимому, вопрос о том, как советские разведчики узнали о планах японцев, останется загадкой навсегда. На этот счет существуют разные версии. Например, кое-кто считает, что из 5 ликвидаторов 1 являлся советским агентом, отдавшим свою жизнь, спасая Сталина.

Японский историк Х. Есиаки предложил гипотезу, согласно которой под кличкой Leo скрывался бывший переводчик Министерства иностранных дел Маньчжурии Б. Бжеманский. Кстати говоря, фамилия одного из боевиков была Безымянский. Возможно, это было одно и то же лицо.

Двое выживших боевиков с группой поддержки сразу же после провала уехали из Турции. Усилиями японской разведки все думали, что Люшков скрылся в Европе, однако он обосновался в секретном месте в Токио и продолжал свою деятельность: по заданию вражеских спецслужб производил анализ состояния дальневосточной группировки советских войск, прогнозировал поведение и решения руководства СССР, принимал участие в раскрытии советских агентов.

Надо сказать, что по поводу конкретных деталей покушения Г. Люшкова нет единого мнения. Например, некоторые исследователи считают, что он не мог знать об особенностях работы охраны И. Сталина и коммуникациях санатория в Мацесте и вообще не участвовал в покушении, а после войны помогал уже и американской разведке и жил в США.

Японцы, потерпев неудачу с покушением, опасались, что их неожиданный пособник окажется у чекистов и, несомненно, заговорит. Из этих соображений они решили поступить так, как поступили. 25 ноября 1945 г. захваченный контрразведчик островной империи Такеока показал: «Придя втроем в военную миссию, в мой кабинет на втором этаже, мы около двух часов вели переговоры о том, как поступить с Люшковым в связи с тем, что части Красной армии скоро могут быть в Дайрене... Я завел разговор о том, чтобы он покончил жизнь самоубийством, указав на безысходность создавшегося положения. Но Люшков отказался от самоубийства и потребовал создать ему условия для побега в страну Юго-Восточной Азии. Сделав вид, что не возражаю против побега, я предложил ему пойти в порт. Спустившись со второго этажа к выходу во двор, я быстро зашел вперед и внезапно выстрелил ему в левую часть груди. Он упал...»

Этим словам вторил начальник разведуправления А. Кадзуо: «...Выбежав во двор, я увидел около

парадного входа лежавшего на земле человека в штатском, рядом с которым стояли Такеока и Ивamoto. В руках Такеока был браунинг. Такеока приказал нам отнести труп в заднюю часть двора. Когда мы стали его поднимать, человек застонал. Такеока приказал мне его задушить, но я отказался делать это. Тогда Такеока приказал застрелить его. Я взял его пистолет и выстрелом в висок убил этого человека...».

После этого японцы кремировали труп Люшкова, отразив в документах как сожжение японского военнослужащего. Его прах перенесли в буддийский храм.

Операция «Длинный прыжок»

На данный момент об истинных намерениях и действиях нацистов по подготовке к конференции лидеров стран антигитлеровской коалиции в Тегеране достоверно известно очень мало. Широкое распространение получила версия о том, что И. Сталин знал о планах известного немецкого диверсанта и начальника диверсионного отдела Управления внешней разведки Германии О. Скорцени совершить покушение на глав государств. Специальная операция получила название «Длинный прыжок». Впрочем, сам ведущий немецкий боевик отрицал это, да и в архивах отечественных спецслужб сложно

найти подтверждения того, что подобный факт имел место.

Конечно, существует немало свидетельств историков, сотрудников спецслужб и очевидцев тех далеких событий, все-таки говорящих в пользу вынашивания Третьим рейхом идеи ликвидировать «большую тройку» (И. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль). Сторонники этой версии утверждают, что о готовящемся покушении Сталину стало известно одновременно от разных источников.

Первым сообщением об этом можно считать информацию, добытую разведчиком Н. Кузнецовым (П. Зиберт) из партизанской группы «Победители», который в облики немецкого офицера познакомился со штурмбанфюрером СС У. фон Ортелем. Последний, будучи как-то раз в нетрезвом состоянии, признался щедрому другу о планируемой операции в Иране. Возглавлял ее Скорцени, а Ортель также участвовал в подготовке. Предполагалось, что успешно проведенная операция изменит ход войны. Тем не менее благодаря слаженной и эффективной работе советской и британской разведок покушение удалось предотвратить.

Когда немцы узнали о месте и времени конференции, замысел операции предполагалось развивать в следующих направлениях: организовать нападение на американского президента во время его поездок между американским и британским посольствами или по подземному тоннелю пробраться в англо-советский дипломатический комплекс, где

30 ноября 1943 г. состоится празднование дня рождения британского премьера. С воздуха и с земли вряд ли можно было попасть в тщательно охраняемое место.

Летом 1943 г. за несколько месяцев до прибытия лидеров государств на крайне важную встречу (достаточно сказать, что до нее западные страны колебались, кого поддержать в этой войне: Германию или СССР) спецслужбы 3 стран были обеспокоены вопросом обеспечения безопасности. Это становилось особенно актуальным после того, как в Москве узнали о планируемом покушении.

Надо сказать, что за предыдущие годы спецслужбы СССР и Великобритании проделали большую работу по выявлению и нейтрализации имевшейся в Иране обширной немецкой агентуры. Прежний правитель восточного государства Р. Пехлеви явно симпатизировал нацистской Германии, однако новый шах не мог не видеть, что расстановка сил в мире меняется.

Как бы там ни было, в Иране, особенно в столице, функционировало еще много агентов — как активных, так и затаившихся. Обычно они замечательно владели местным языком (фарси), а иногда и армянским, поскольку крупных армянских общин в стране было достаточно.

Гитлеровская агентурная сеть с довоенных времен отлично конспирировалась. Некоторые агенты максимально вписывались в местный образ жизни. Можно упомянуть офицера СД Ф. Майера — мо-

гильщика на армянском кладбище, гауптштурмфюрера СС Ю. Шульце, который, будучи муллой, проповедовал мусульманам необходимость объявления джихада британцам и русским, своим присутствием оскорблявших ислам. Могильщика задержали за неделю до конференции, на допросе он поведал о планах немецкой разведки использовать водосток для попадания в посольство. Англичане тут же обеспечили надежную охрану системы водоснабжения.

Тогда в абвере возобладала идея закладки взрывного устройства под советское посольство. Для чего нужно было проникнуть в подземные помещения. В этом за огромные деньги обещался помочь священник единственной православной церкви в городе отец Михаил. Однако, несмотря на свою неприязнь к Сталину и СССР, служитель церкви рассказал обо всем сотрудникам советского посольства.

После чего немцы заслали 2 группы спецназовцев из СС, обосновавшихся около столицы. Пока Рузвельт переезжал из американского посольства в советское, ему устроили 3 засады, но безрезультатно, поскольку американский президент не стал посещать свое посольство, а сразу поехал в советское (на этом настоял лично Сталин, после того как советские разведчики определили американское посольство удобной мишенью для террористов).

Рядом с городом Кум, расположенным в нескольких десятках километрах от Тегерана, на парашютах опустились 6 немецких радистов с оборудованием.

Тщательно закамуфлированные под местных торговцев, перевозящих товар, на верблюдах они двинулись к столице. Здесь агенты сложили радиопередатчики и оружие в ждавшую их грузовую машину, погрузились сами и направились в центр города на заранее арендованную виллу около советского и британского посольств.

Отряд по прибытии на место должен был наладить радиосвязь с Берлином и вступить в контакты с немецкой агентурой Тегерана. При этом исполнители террористического акта по устранению глав союзных государств входили во 2-ю группу, пока еще находившуюся в Германии и возглавляемую лично Скорцени. Боевики собирались в Иран после выхода в эфир 1-й группы. Однако радисты не знали о том, что когда оказались на земле, то почти сразу попали «под колпак» советских спецслужб. Правда, на некоторое время их упустили из виду возле Тегерана, не угнавшись за машиной.

Пары дней поисков хватило для установления местонахождения парашютистов. То, что они находились на вилле, подтвердилось пеленгацией немецких радиопередатчиков. Тут же вся группа была задержана. Разведками союзных войск планировалось начать с противником радиоигру с передачей дезинформации, но 1 из радистов сумел условным знаком предупредить о работе под контролем. Поскольку операция началась с фатальной неудачи, то 2-ю группу нацисты решили не забрасывать.

Возможно, силовики Третьего рейха готовили еще какие-нибудь сюрпризы, однако об этом все смогут узнать не ранее 2017 г., когда британская разведка должна раскрыть засекреченные документы по этому делу.

Есть сведения, что О. Скорцени после провала основной операции предлагал арендовать легкий самолет, нагрузить его взрывчатой и нацелить на советское посольство. Летчика, желавшего пасть смертью храбрых, нашли быстро, но было уже поздно — политики покинули здание.

Покушение П. Таврина

Выше уже шла речь о радиоигре «Туман», отправной точкой которой было задержание П. Шило (Таврина) и Л. Шиловой, которые должны были совершить покушение на И. Сталина. Надо сказать, что немцы на протяжении всей войны не оставляли попыток склонить «бога войны» на свою сторону путем устранения Верховного главнокомандующего СССР. Истории с супругами Тавриными предшествовала как раз одна из таких попыток.

Летом 1944 г. министру иностранных дел Германии Й. фон Риббентропу внезапно пришла в голову захватывающая идея (кстати говоря, не слишком

оригинальная), которой он не замедлил поделиться с начальником службы внешней разведки СД бригаденфюрером СС В. Шелленбергом: а почему бы не заманить Сталина на какую-нибудь международную конференцию, например в столицу Швеции, и не ликвидировать?

Главный разведчик вполне справедливо предположил, что его коллега-дипломат несколько переутомился и стал увлекаться фантазиями. Шелленберг еще помнил о похожей попытке годичной давности в Тегеране и не забыл о том, чем закончилась: операция «Длинный прыжок» в непосредственном исполнении руководителя спецподразделения арийских боевиков «Ваффен СС Ягдфербанд» О. Скорцени по устранению лидеров стран-союзниц в Иране получила личное одобрение А. Гитлера, однако с треском провалилась, когда посланную немецкую группу накрыли британская и советская контрразведки.

Впрочем, Шелленберг, хотя и с явной иронией, все-таки сообщил об этом разговоре своему шефу — рейхсфюреру СС Г. Гиммлеру, который отнесся к предложению Риббентропа с неожиданным энтузиазмом и активизировал работу Главного управления имперской безопасности (РСХА) по организации очередного покушения на Иосифа Виссарионовича.

Через некоторое время из секретной лаборатории службы безопасности партии, занимавшейся изобретением и изготовлением различных технических устройств для облегчения шпионажа и проведе-

ния диверсий, отчитались о разработке маленькой радиоуправляемой мины, внешне напоминавшей обычный комок дорожной грязи, и передали ее в управление Шелленберга.

Осенью 1944 г. на территорию СССР с парашютами была заброшена пара агентов СД, у которых при себе было по mine. Один из террористов с довоенных времен знал механика из гаража советского вождя. Планировалось, что диверсанты попадут в Москву, свяжутся с этим механиком и каким-то образом незаметно прицепят взрывное устройство к днищу служебного автомобиля Сталина. Однако, после того как агенты оказались на земле, они бесследно исчезли.

Тут на сцену и вышел Таврин. Инженеры секретной лаборатории не сидели сложа руки и продолжали выдумывать смертоносные механизмы, в частности короткоствольный облегченный фаустпатрон под названием панцеркнакке, прямым потомком которого можно считать современный противотанковый комплекс РПГ. Нацистский аналог был настолько компактным, что крепился к руке посредством специальной манжеты и прятался в рукаве пальто, а вылетающий из ствола снаряд на испытаниях прожигал с расстояния 300 м броню толщиной 4,5 см. Из такого оружия, рассчитанного на 9 залпов, намечивались пробить бронированную машину объекта.

В общем так выглядел «план Б», а по «плану А» предполагалось использовать маленький пистолет

в виде пишущей ручки, к которой прилагались разрывные отравленные патроны.

Разумеется, столь ответственное задание — покушение на Сталина — требовало достойного кандидата, и на этот раз сотрудники Абвера и СД долгое время искали подходящего человека. Свое внимание они остановили на курсанте разведывательной школы П. Шило, сбежавшем от советской реальности ночью 29 мая 1942 г.

Фамилию Таврин герой шпионской истории взял в 1932 г. В тот период своей жизни он работал инспектором Саратовского горсовета, спустил в карты значительную сумму и не придумал ничего лучше, чем отдать долг из казенных денег. Когда о злоупотреблении служебным положением узнали, то Шило задержали. Правда, сидел он недолго, сумев сбежать из бани следственного изолятора, после чего с помощью подложных справок получил паспорт на новую фамилию. Он успешно пользовался документами, пока 29 мая 1942 г. подозрительные контрразведчики не вызвали Таврина на беседу и не поинтересовались, был ли он известен ранее под фамилией Шило. Преступник испугался, клялся в том, что не менял фамилии, но ему не удалось убедить особиста, который пообещал вывести его на чистую воду. Шило не стал дожидаться ареста и ночью того же дня переметнулся к противнику.

Нацисты несколько месяцев считали Таврина агентом НКВД, поэтому на положении военнопленного переводили из одного лагеря в другой, подвер-

гая разнообразным проверкам. Так продолжалось до тех пор, пока его не заметил Г. Жиленков, который раньше занимал должность секретаря райкома ВКП(б) в Москве, а на тот момент являлся близким соратником генерала А. Власова и отвечал за вербовку кадров для Русской освободительной армии. Он-то и убедил немецкое начальство дать Таврину шанс и направить на учебу в разведывательную школу абвера.

Обвинительные документы по делу предателя проливают свет на картину планируемого покушения. Террорист, прикидываясь высокопоставленным сотрудником советской контрразведки, попадает в столицу СССР, останавливается на частной квартире и входит в контакт с представителями антисоветского подполья. Вместе с ними Шило находит способ проникновения на официальное мероприятие в Кремль, на котором должен присутствовать Сталин. При удобном случае Таврин должен был выстрелить в главнокомандующего отравленной пулей. Гибель вождя послужит сигналом к выброске в пригороде Москвы десанта для захвата «обезглавленного» Кремля и приведения к власти национального правительства Власова. В качестве альтернативного варианта покушения рассматривались организация засады на пути следования автомобиля Иосифа Виссарионовича и пальба по нему фаустпатронами.

При взгляде со стороны несостоятельность затеи кажется очевидной и остается неизвестным, на-

сколько в нее верили сами организаторы в высшем руководстве Третьего рейха. Ситуация в Германии летом 1944 г. была не самая обнадеживающая: почти состоявшееся покушение на фюрера, задержание начальствующего состава абвера (В.-Ф. Канариса и др.), неутешительные вести с фронта. Поэтому Гиммлер и Шелленберг решили попробовать реализовать утопичные идеи Жиленкова.

Ночью 5 сентября 1944 г. на проселочной дороге по направлению к Ржеву за деревней Карманово находился обычный пост милиции. Поскольку в это время уже искали мужчину и женщину на мотоцикле, которые прибыли на немецком самолете, то на пост заступил начальник местного райотдела НКВД в милицейской форме. Примерно в 6 ч утра появился мотоцикл с пассажирами, которые по всем описаниям соответствовали разыскиваемым. На мужчине было надето солидное кожаное пальто с погонами сотрудника органов госбезопасности, а женщина отличалась миловидной внешностью.

В ответ на требование предъявить документы мужчина «ненароком» расстегнул пальто и продемонстрировал внушительный набор различных наград. Чекист «не заметил» этого и сосредоточился на документе. По нему остановленный был заместителем руководителя управления Смерш майором П. И. Тавриным. Он объяснил, что ехал в Москву на медицинское обследование в связи с заболеванием, связанным с тяжелым ранением. Причем в удостоверении имелась вырезка из центральной газеты о при-

своении «майору» звания Героя Советского Союза. Документы супруги Таврина Л. И. Шиловой также были в порядке.

Придаться было не к чему, но «постовой» напоследок спросил, откуда те прибыли. Расстояние от поста до деревни, на которую указали путники, превышало 200 км, всю ночь шел дождь, а они почему-то остались сухими. Им предложили проехать в отдел для того, чтобы поставить штамп о выезде из прифронтовой зоны.

Муж и жена подъехали к райотделу и, оставив все свои вещи на улице, зашли в здание. В это время сопровождавший их сотрудник НКВД обыскал мотоцикл и вещи, обнаружив бронебойное оружие с полным боекомплектом, магнитную мину с радиоуправлением, пистолеты и гранаты. Естественно, супругов задержали. Из Москвы прилетел самолет и забрал их в Главное управление Смерш, где давно ждали гостей.

Дело в том, что ранее рижские подпольщики сообщили советской разведке о необычном заказе в одном из пошивочных ателье: состоятельный мужчина попросил сшить кожаное пальто по представленным меркам (явно не на себя) и фасону (соответствующему армейской форме советских контрразведчиков), указав, что правый рукав должен быть шире левого на несколько сантиметров (как выяснилось позднее, для закрепления на руке оружия).

Поскольку потенциальных террористов захватили «чисто», то было принято решение начать радиопроигру «Туман».

А. ГИТЛЕР

Покушение Мориса Баво

Наверное, самое загадочное и самое нелепое покушение на фюрера совершил в октябре 1938 г. 20-летний швейцарец Морис Баво, состоявший в антикоммунистической группе. Католик, увлекавшийся теологией, к тому же с психическими проблемами, решил выбрать своей целью лидера национал-социалистов, рассмотрев в нем опасность для развития Германии.

История Мориса может показаться анекдотичной. Во-первых, он совершенно не умел стрелять, но приобрел в Базеле автоматический пистолет, во-вторых, не говорил на немецком языке — только по-французски (хотя многие слышаны об эффективности германских спецслужб и их подозрительности к иностранцам).

Баво приехал в немецкую столицу осенью 1938 г., но не нашел там Гитлера, который к тому времени находился в Берхтесгадене.

Любопытный факт: историки подсчитали шансы А. Гитлера выжить в период между 1914-м и 1945-м г. и определили, что он равнялся 1 к 50 триллионам, но чудесным образом фюреру удавалось выйти сухим из воды в, казалось бы, безнадежных ситуациях — обстоятельства всегда складывались удачно.

Между прочим, казус с этим швейцарцем наглядно иллюстрирует всю «профессиональность и ужасность» немецкой полиции, которая 2 раза получала сообщения о подозрительном иностранце, но полностью игнорировала их. При этом Баво без проблем смог познакомиться с начальником охраны резиденции фюрера и даже попросил организовать с ним встречу, но ему отказали, сославшись на занятость Гитлера. Зато посоветовали ехать в Мюнхен, предположив, что там появится желанная возможность.

Баво внес в планы корректировку и решил последовать рекомендации. В Мюнхене ему как журналисту швейцарской газеты (именно так он представился) легко дали пропуск на трибуну для почетных гостей, не спросив даже удостоверения. И не нашлось никого, кто бы задался вопросом, а что, собственно, делает в Германии журналист, не понимающий и не говорящий по-немецки.

Морис планировал застрелить Гитлера, когда тот проследует к трибуне, чтобы, как всегда, 9 нояб-

ря произнести речь в честь годовщины «пивного путча». Во время торжественного марша Баво намеревался стрелять с 10 м, но когда прицелился в Адольфа, шедшего во главе колонны, сообразил, что промахнется, — было слишком далеко, поскольку по неизвестной причине Гитлер изменил традиции и шел не в середине колонны, как обычно, а сбоку.

Тогда бесстрашный швейцарец решил добиваться встречи и дальше. Он составил письмо, подписавшись именем бывшего французского премьера П.-Э. Фландена, и попытался пройти через бюрократические инстанции к фюреру. Попытка не удалась. Тогда Морис написал послание за подписью председателя французской партии радикальных националистов, но опять тщетно — получилось добраться только до гауптштурмфюрера СС К. Коха.

Между тем у бедного студента заканчивались деньги, и он, отказавшись от геройского поступка, принял решение возвращаться на поезде в Швейцарию. Тут-то его и задержали, но не за угрозу нацистскому режиму, а за безбилетный проезд. При обыске нашли заряженный пистолет и приговорили к 2-месячному заключению в тюрьму за незаконное ношение оружия. К несчастью швейцарца, громоздкий механизм гестапо сработал и его дело без труда распутали. 14 мая 1941 г. Баво отрубили голову на гильотине.

Официальные власти Швейцарии никак не помогли своему гражданину. В процессе следствия руководитель швейцарской миссии в Берлине Х. Фролихер

ни разу не посетил приговоренного и неоднократно выражал свое негативное отношение к его поступку. На суде Баво пророчески заявлял о том, что Гитлер представляет опасность для всего человечества.

В 1956 г. в Швейцарии был отменен смертный приговор Морису, но заговорили о нем в этой стране только в 1980-х гг. Власти Швейцарии официально признались в недостаточности своих действий по защите М. Баво в 2008 г.

Несостоявшееся покушение А. Фута (Джима) и Л. Бертон (Лена)

О возможности для Джима и Лена из группы Р. Шандора ликвидировать А. Гитлера сообщала в Москву Урсула Кучински (Соня).

Летом 1939 г. Фут и Бертон находились в Мюнхене и решили зайти в один из недорогих ресторанов. Усевшись за столик, они обратили внимание на симпатичную девушку (впоследствии они узнали Еву Браун на фотографии). Через некоторое время к прекрасной незнакомке подседа женщина, после чего под защитой 2 охранников явился фюрер, который прошел рядом со столиком советских агентов. Оказалось, что владелец заведения уже давно приходился другом Гитлеру и часто помогал ему по-товарищески. В знак расположения немецкий лидер иногда заходил к своему товарищу.

Кучински и Бертон подробно обсудили появившуюся возможность убить Гитлера. Сообщение с соответствующим предложением передали в Москву, но даже до получения ответа стало ясно, что он будет отрицательным: 24 августа по радио члены «Красной капеллы» узнали о подписании советско-германского пакта о ненападении. Руки у немцев были развязаны, и вторжением в Польшу они начали Вторую мировую войну.

Бертон был разочарован, ведь он мог легко совершить теракт и предотвратить многие жертвы. То, что он сумел бы выполнить задуманное, не вызывало сомнений, поскольку он славился отчаянной храбростью и поразительным хладнокровием.

Покушение Георга Эльзера

Тридцатипятилетний немец не слишком увлекался политикой, хотя симпатизировал коммунистам и даже голосовал за них. При этом он резко отрицательно относился к национал-социалистам, что могло показаться несколько удивительным, поскольку кому как не простому рабочему, ценителю национального германского костюма и народных песен, могла бы не прийтись близко к сердцу шовинистическая и по крайней мере на словах защищавшая труженников риторика сподвижников А. Гитлера. Тем не менее Эльзер не увлекался толпами восторженных

поклонников новых веяний, собиравшихся на улицах для любования факельными шествиями штурмовиков, не тянулся рукой в привычном жесте нацистского приветствия (римский салют), не припадал к приемнику, чтобы услышать очередное сообщение об ожидаемом выступлении фюрера.

Отторжение идей нацизма у Георга не было связано с какими-либо идеологическими причинами. Дело в том, что, по его наблюдениям, после 1933 г., когда Гитлер пришел к власти, жизнь простых немцев ухудшилась. Кроме экономического фактора, патриот возмущался ущемлением прав и свобод граждан в Германии. Огонь праведного гнева вспыхнул с новой силой, когда в его костер попали искры от разгоравшегося мирового пожара. Данное обстоятельство стало решающим поворотом в судьбе обычного рабочего, принявшего в конце концов мученическую смерть.

Наращивание страной военного потенциала не заметить было сложно. Англия и Франция довольно спокойно взирали на то, как вооруженные силы нацистской Германии в сентябре 1938 г. заняли Судетскую область Чехословакии. К своему сожалению, Георг понимал, что на этом антинародная власть не остановится, и пришел к выводу, что для предотвращения войны необходимо ликвидировать преступное руководство страны. Он так и указывал впоследствии на допросах в гестапо: «Сформировавшиеся у меня воззрения указывали, что ситуацию в Германии возможно изменить лишь путем устранения су-

ществующего руководства. Под руководством я понимал «верхушку» — Гитлера, Геринга и Геббельса. Размышляя, я пришел к выводу, что после устранения этих трех лиц в правительство войдут другие, кто не станет предъявлять другим странам невыполнимые требования, кто не намерен вторгаться на чужую территорию и кто озаботится улучшением социального положения рабочих».

После того как рабочий принял самое значительное в своей жизни решение, он стал планировать покушение, продумывать способ и искать место. Осенью 1938 г. Георг работал на фабрике, занимавшейся изготовлением военного снаряжения, поэтому имел возможность добыть взрывчатку, вынося ее небольшими порциями.

Дома пороховые заряды он хранил сначала в шкафу для одежды, а затем в специально сконструированном деревянном чемодане с двойным дном. Все свободное время талантливый ремесленник уделял созданию эффективной и надежной бомбы и взрывателя к ней. В действие смертоносное устройство должен был привести часовой механизм. Его Георг тоже сделал сам — соответствующие навыки он в свое время приобрел на часовых заводах, так что в этой области обладал всеми необходимыми познаниями, приспособив под таймер 2 надежных будильника.

8 ноября 1938 г. «террорист» поехал в Мюнхен на собрание нацистов, которые собирались отметить годовщину «пивного путча». После зажигатель-

ной речи фюрера и окончания официальных мероприятий охрана здания Бюргербройкеллера была снята и Георг без затруднений смог осмотреть помещения. 9 ноября он наблюдал за маршем и, определившись с местом покушения, вернулся в Кенигсбронн. Конец года Эльзер потратил на продумывание путей отхода — он решил скрыться в Швейцарии, перейдя границу.

Весной 1939 г. он опять приехал в Мюнхен, чтобы тщательно изучить место покушения: как можно войти и выйти из помещений, куда заложить «адскую машину». Как раз под тем местом, где обычно во время выступления стоял Гитлер, находилась несущая колонна. Обстоятельства складывались удачно за исключением того, что проникнуть в само здание не получалось.

Вернувшись домой, Эльзер нанялся в каменоломню, откуда предполагал таскать домой взрывпакеты и капсулы к ним. Испытания проходили в родительском саду. В августе 1939 г. Георг на некоторое время поселился в Мюнхене, чтобы довести до ума бомбу и подготовить место ее закладки. Из гестаповских протоколов допроса явствовало, что в период с начала августа по начало ноября он потратил чуть больше месяца на выдалбливание в опорной колонне ниши под бомбовый механизм. Медлить было нельзя, поскольку окончить работу следовало к 8 ноября.

Нападение немецких вооруженных сил на Польшу и начавшаяся большая война только придали дополнительную уверенность Эльзеру в верности вы-

бранного пути. Он признавался, что очень хотел «избежать еще большего кровопролития». Когда закончились утомительные бдения под землей, пришло время собирать бомбу, элементы которой были заказаны в разных мастерских. Ночью 2 ноября «террорист» установил устройство на место, заткнув щели остатками взрывчатого вещества. Ночью 5 ноября Георг прикрепил к нему 2 часовых взрывателя и «завел будильник» 8 ноября в 21.20.

Скорее всего, если бы он, несмотря на занятость, больше интересовался происходящими вокруг него политическими событиями, то, наверно, отказался бы от покушения. Дело в том, что из-за начавшейся войны Гитлер 6 ноября впервые решил не участвовать в ежегодном мероприятии, назначив оратором вместо себя Р. Гесса. Очевидно, что в этом случае покушение не могло достигнуть своей цели. Впрочем, оно не удалось совсем по другой причине. Ночью 7 ноября Георг проверил состояние бомбы, после чего уехал из города.

Вечером следующего дня помещение Бюргербройкеллера заполнили национал-социалисты. На почетных местах устроились Г. Гиммлер, А. Розенберг, П.-Й. Геббельс, И. фон Риббентроп и др. Всех обрадовала новость о том, что фюрер все-таки появится и произнесет речь. На этот шаг его подвигло желание всем своим красноречием обрушиться на Великобританию, что представлялось ему очень важным для поддержания соответствующих настроений в Германии, особенно в условиях войны.

Раньше Гитлер приступал к речи где-то в 20.30 и к 22.00 закруглялся. Но в этот раз он должен был спешить в Берлин на поезде (самолетом не получалось), поэтому изменил обычный сценарий и начал в 20.00. Стрелки часов медленно ползли к 21.00, а фюрер за это время успел помянуть «павших героев», камня на камне не оставил от ненавистного Туманного Альбиона и в 21.07 с чувством выполненного долга вместе с сопровождающими покинул здание за 13 мин до того, как оно взлетело на воздух. Задержись фюрер совсем немного, и он был бы похоронен под грудой обломков и уж точно не выжил бы. То же касается всех нацистов, находившихся в помещении.

Наверное, для того чтобы изменить ход истории, 1 бомбы мало. Взрыв унес жизни 8 человек и более 60 причинил ранения разной степени тяжести, но не приблизил конца надвигавшейся темной эпохи.

После каждого покушения, которое заканчивалось для А. Гитлера благополучно, он все больше убеждался в том, что ему уготована великая судьба, что он бессмертен и не погибнет, пока не исполнит свое предназначение на этом свете, о чем он с радостью сообщал по радио своим согражданам.

Сразу же после происшествия к делу приступили следователи гестапо, для поимки злоумышленников

подняли на ноги весь личный состав полиции, резко ужесточили контроль на границах. Была сформирована специальная Центральная комиссия по расследованию покушения в Мюнхене во главе с Г. Гимmlером и Р. Гейдрихом. В Мюнхене работу комиссии обеспечивал начальник имперской криминальной полиции А. Небе.

Несомненно, жизни присуща особая форма самоиронии, поскольку Эльзер попался еще до того, как произошел взрыв и на него стали охотиться все спецслужбы Германии. Ему опять не повезло: в то время, когда фюрер подробно расписывал недостатки английских лордов и причитавшееся им наказание, Георга задержали при попытке незаконного пересечения швейцарской границы. Всего 30 м оставалось до страны, где, по его мнению, можно было спастись от мести тоталитарного режима. В этот момент таможенник окликнул перебежчика и поинтересовался, что он здесь делает. Неудачливый «террорист» растерялся и стал путанно объяснять, из чего таможенник понял, что перед ним очередной «заблудившийся», которого следовало проводить на ближайший пост, расположенный в 15 м от границы и не оборудованный никаким ограждением.

Возможность спастись еще оставалась, но Эльзер не предпринимал попыток к бегству, рассчитывая отделаться демонстрацией документов и соблюдением прочих формальностей, поскольку полагал, что бомба еще не взорвалась.

Однако проверкой документов дело не обошлось, и Георга поверхностно обыскали. Обнаружив у подозрительного субъекта несколько болтов, гаек, открытку с изображением здания, где обычно выступал Гитлер в годовщину «пивного путча», а также прикрепленный к одежде значок члена Союза красных фронтовиков, сотрудники таможни сообщили об этом в полицию. Пока там занимались рабочим, границы приказали закрыть и всех лиц, находившихся возле границ и внушавших подозрение, задерживать. Об одном из таких тут же сообщили в Мюнхен, откуда пришло указание доставить арестованного.

Комиссия по расследованию взрыва работала без перерывов. Были тщательно изучены и выявлены сомнительные моменты в делах на 120 задержанных. Сначала Георга допрашивал лично шеф криминальной полиции, но он не усмотрел в нем ничего подозрительного. По всей видимости, задержанный успокоился и отвечал толково. Затем расспросами занялся Ф.-Й. Хубер, который к тому времени побывал на месте преступления и видел нишу, выдолбленную злоумышленником под взрывное устройство. Сообразив, что у исполнителя теракта должны быть повреждены колени, раз он работал, стоя на них, эсэсовец велел задрать штанины и показать колени. Опухшие израненные колени стали началом конца. Установить дальнейшее для гестаповцев не составляло труда — они умели «работать» с людьми.

Ночью 13 ноября Г. Эльзер признался во всем, но нацисты этим не удовлетворились. Немецкая

пресса активно раскручивала сюжет о том, будто бы взрыв устроила британская разведка. Геббельс сразу после взрыва прямо заявил, что покушение спланировали в Лондоне.

Высшее руководство Германии никак не хотело поверить, что во всем виноват 1 ничем не примечательный рабочий. По приказу Гиммлера преступника подвергали ужаснейшим пыткам, однако ничего нового не услышали. Тем временем нацистская пропагандистская машина набирала обороты и связывала взрыв с задержанными в Голландии 2 английскими агентами, которых представили руководителями покушения. Предполагалось, что они вместе с Георгом станут основными участниками послевоенного судебного процесса над «английскими коварством и жестокостью».

К этой истории пытались привязать Г. Штрассера, младшего брата к тому времени мертвого политического соперника Гитлера, утверждая, что якобы он возглавлял тайный заговор. Штрассер, находившийся в Париже, в обиду себя не дал и заявил, что взрыв был очередной провокацией нацистов. Причем он и после войны считал Эльзера эсесовцем.

Таким образом, история постоянно демонстрирует нам, что выдумки живут удивительно долго, обычно куда дольше, чем правда. Одиноким борец за справедливость, происходивший из низов общества, совершенно не вписывался в традиционный ряд участников антифашистского сопротивления.

Покушение Клауса фон Штауффенберга

Клаус появился на свет 15 ноября 1907 г. в Геттингене. Будучи природным аристократом и к тому же графом, воспитанным в консервативных традициях, он не был приверженцем Веймарской республики, а вот идеи нацизма оказались ему близки.

Когда в Европе загрохотали пушки, возвещая начало Второй мировой войны, он служил офицером Баварского кавалерийского полка, побывал на полях сражений в Польше, Франции, Северной Африке. В последней был тяжело ранен, остался без правой руки, 2 пальцев на другой руке и 1 глаза. Небоееспособного Клауса уволили из действующей армии, но его связи с военной службой сохранялись — осенью 1943 г. Штауффенберг занял пост начальника штаба армии резерва.

В идеологическом плане графа можно было назвать «умеренным нацистом», которому импонировали расовая теория и устранение евреев из культурной жизни. Однако увиденная им практика массовых убийств и уничтожения представителей определенной расы отвратила его от прежних взглядов. Штауффенберг пришел к выводу, что фюрер и его окружение предали идеалы 1933 г., поэтому, чтобы предотвратить неизбежную катастрофу, нынешних руководителей следует убрать, управлять же вместо них Германией должно военное правительство.

Планы Клауса на ликвидации политической верхушки отнюдь не заканчивались — он рассчитывал,

что это будет началом масштабных политических и социальных перемен в жизни страны. Штауффенберг предпочитал политику с опорой на левых социалистов и коммунистов, он мечтал о «военном социализме» и искал тех, на кого в этом можно было опереться.

По сути программные заявления его группы были идентичны тем, которые декларировала коммунистическая партия Германии. Основатель американского разведывательного управления А. Даллес видел в заговорщике опасного революционера, который склонялся к необходимости «революции рабочих, крестьян и солдат». Об этом Даллес писал в своей книге, отмечая, что «он проявлял величайший интерес к проблеме отношений с Востоком и к возросшему значению России в Европе... Он надеялся, что Красная армия поддержит организованную по русскому образцу коммунистическую Германию».

Преемник В.-Ф. Канариса на должности руководителя Абвера полковник фон Ганзен говорил: «Штауффенберг играл со мною в прятки. Если еще несколько недель назад он рассчитывал на то, что удастся столкнуть Запад с Востоком, то теперь он думает о совместном победном походе серо-красных армий против плутократии».

Само собой разумеется, что одному Штауффенбергу было не справиться, поэтому он стал искать сторонников в предстоящем непростом деле, если и не среди коммунистов, то хотя бы среди антигитлеровцев. Через своего родственника он вышел на

«кружок Крейсау» — группу немецкого Сопrotивления, основанную графом Х.-Д. фон Мольтке. Когда последнего арестовали в январе 1944 г., Клаус вошел в число главарей заговора. После чего шансы на выживание у Гитлера резко снизились, поскольку количество попыток его устранения возросло.

Главный мятежник считал, что лучшим вариантом места покушения будет собственная штаб-квартир фюрера. Тогда как многие военные отличались нерешительностью и наличием постоянных сомнений, Штауффенберг мыслил ясно и был готов идти до конца. Он вполне отдавал себе отчет в своих действиях, о чем говорил коллеге: «Давайте посмотрим в суть дела, я при помощи всех имеющихся в моем распоряжении средств занимаюсь государственной изменой».

Клаус оказался именно тем человеком, который смог придать идее, до того успешно скрываемой за бесконечными рассуждениями и бесплодными интеллектуальными забавами, практический импульс, организационную основу и чуть ли не революционную решимость. Вскоре произошли события, которые со всей очевидностью продемонстрировали, что вклад инвалида Штауффенберга в свержение Гитлера был больше, чем всех остальных физически здоровых, но обделенных необходимыми волевыми и умственными качествами участников заговора.

В ноябре 1943 г. прошла встреча руководителей заговора Ф. Ольбрихта, К. Ф. Герделера, Х. фон Трескова. Первый из них поделился видением того,

как можно было захватить власть в 4 основных городах Германии, используя силы резервной армии. В соответствии с изложенным планом фюрер должен был умереть, после чего страну возглавило бы военное правительство. «Усмирить» нацистские спецслужбы предполагалось с помощью вооруженных сил. Заговорщики даже составили особые секретные приказы, если вдруг в Германии начнутся волнения. В качестве пароля и сигнала к началу операции было избрано слово «валькирия», а исполнителем ключевого акта по устранению Гитлера назначили Штауффенберга.

Подходящего случая долго ждать не пришлось — 26 декабря 1943 г. Клаус был вызван в ставку фюрера для доклада. Туда он пришел со взрывным устройством замедленного действия. Однако все усилия по приготовлению бомбы были тщетны, поскольку Гитлер в последний момент отменил совещание. Переворот откладывался до следующей возможности.

Между тем заговор набирал обороты. В феврале 1944 г. к путчистам присоединился командующий германскими войсками на севере Франции генерал-фельдмаршал Э. Роммель, который, будучи одним из самых известных немецких военачальников с огромным опытом, конечно же видел, что Германия движется по гибельному пути и ее поражение неминуемо.

Однако старый солдат Роммель симпатизировал Адольфу, да и нарушение присяги ему претило, поэтому он согласился далеко не сразу. Зато потом ряды заговорщиков пополнились настоящим воен-

ным лидером, способным в трудной ситуации действовать решительно. Тем не менее фельдмаршал не поддерживал убийства Гитлера, а вместо этого предложил арестовать его и заключить с США, Францией и Англией перемирие с восстановлением границ, существовавших до 1939 г. Представитель Германии встречался в Мадриде с сотрудником американского посольства и передал предложения главнокомандующему союзными войсками генералу Д. Эйзенхауэру, но никакого ответа не последовало. На тот момент западные союзники видели в Германии ослабевшую и обреченную страну, нацеливаясь на ее полный разгром.

Время шло, и обстановка для заговорщиков все больше усложнялась. Фюрер по натуре был весьма подозрительным человеком, а после свержения Муссолини в Италии стал настоящим параноиком. В его речи, транслировавшейся по радио, вся страна услышала угрожающий подтекст о сомнительной преданности высших военных чинов и намерениях врагов отыскать предателей среди немецких офицеров. Ищейки тайной полиции побирались к антигитлеровцам все ближе. Гестаповцы сумели выйти на группу Мольтке, которого сразу же арестовали. Отсюда след вел и к «кружку Крейсау» с основными заговорщиками.

22 июня 1944 г. на конспиративной квартире задержали Ю. Лебера и А. Рейхвейна. Случилось это крайне невовремя, поскольку там проходили переговоры с руководителями коммунистической партии

Германии. Герделера не арестовали только потому, что он узнал об этом и успел скрыться.

Долгое время дату 20 июля 1944 г. (попытка переворота) в Германии почти не отмечали. Мятежников, нарушивших присягу, считали чуть ли не предателями, к тому же основными борцами с фашизмом себя позиционировали коммунисты, а высшие офицеры вермахта в их среду никак не вписывались. С некоторых пор ситуация изменилась — организацию покушения оправдали принципом неповиновения преступным приказам.

Любопытная деталь: в то время чистки затронули только левых руководителей заговора, хотя Г. Гиммлер был отлично осведомлен об остальных. Когда Канариса сняли с должности, то Гиммлер ему признался, что знает о популярной среди офицеров идее восстания во главе с Г. Герделером и Л. Беком, и обещал вскоре их арестовать. Впрочем, Гиммлер давно знал о заговоре, но предпочитал не спешить с разоблачениями, поскольку сам принимал участие в сепаратных переговорах с Великобританией и США. Однако в то же время ему было важно убрать из заговора «левый (коммунистический) оттенок», чтобы будущее военное правительство носило консервативный характер и ориентировалось на Запад. Коммунисты точно вздернули бы его на виселице.

Как бы там ни было, летом 1944 г. уже было понятно, что в конце концов все тайное станет явным и ждать осталось совсем недолго. Поэтому заговорщики серьезно встревожились и активно искали возможности реализовать свой план.

На тот момент военное положение Третьего рейха оказалось настолько плачевным, что некоторые антигитлеровцы даже сомневались в целесообразности устранения Гитлера — зачем совершать государственный переворот, если вскоре все разрешится само собой и конец нацистского режима не за горами.

В июне Штауффенберг поинтересовался мнением Трескова на этот счет и услышал: «Покушение должно быть совершено, чего бы это ни стоило. Если же оно не удастся, все равно надо действовать в Берлине, ибо теперь речь идет не о практической цели, а о том, что немецкое движение Сопротивления перед лицом всего мира и истории отважилось бросить решающий жребий. А все остальное в сравнении с этим безразлично».

И снова погоня за абстрактными идеями, стремление не потерять достоинства перед лицом истории и оправдать себя с моральной точки зрения отодвинули трезвую оценку ситуации на задний план. Если бы не это, может быть, история насчитывала бы гораздо меньше жертв.

Стремительное развитие событий играло на руку заговорщикам. С восходом солнца 6 июня на Лазурном берегу Франции высадились первые ан-

лийские и американские военные подразделения. Неудачи группы армий «Запад» под руководством К. фон Рундштедта привели Гитлера в ярость. Он сместил командующего и поставил вместо него антигитлеровца генерал-фельдмаршала Г. Х. фон Клюге, отдав своим политическим врагам важнейшие командные посты на западном участке фронта.

20 июня путчистам снова невероятно повезло: Клауса назначили начальником штаба командующего армией резерва генерал-полковника Ф. Фромма и он получил возможность присутствовать на совещаниях в ставке Гитлера. Перед заговорщиками загорелся «зеленый свет».

Очередную бомбу Штауффенберг принес 6 июля, но взрывать ее не стал, поскольку в помещении не было Геринга и Гимmlера, а, по его мнению, их тоже надо было ликвидировать. Аналогичная ситуация имела место и 11 июля. Через 4 дня прошло еще 1 совещание, на котором оба высокопоставленных чиновника все-таки появились. Большого переполоха опять не случилось уже из-за самого Клауса, не успевшего вставить запал, так как его вызвали на другое совещание. То, что он сколько угодно мог ходить с бомбой мимо охраны, многое говорит о ее «профессионализме».

Во время последних 2 совещаний войска резерва принимали от заговорщиков сигнал «валькирия», который каждый раз отменялся по звонку Клауса. Маневры войск представлялись учебной тревогой. Вскоре их подняли уже по-настоящему.

Начальство Штауффенберга поручило ему подготовить доклад к совещанию 20 июля, и он пообещал своим соратникам непременно взорвать бомбу, а те на случай очередной неудачи решили открыто попросить западные страны антигитлеровской коалиции о поддержке и с помощью Клюге предоставить их войскам коридор до германской столицы.

Рано утром 20 июля Штауффенберг и его адъютант и единомышленник обер-лейтенант В. фон Хефтен сели на самолет, направлявшийся из Берлина в Восточную Пруссию, чтобы представить доклад в секретной ставке фюрера «Волчье логово», расположенной под городом Растенбургом. Около 12 ч заговорщики без проблем миновали 3 поста охраны, показались начальнику штаба Верховного Главнокомандования В. Кейтелю и пошли с докладом к фюреру. Перед этим Штауффенберг попросил разрешения переодеться — лето выдалось жарким. Он зашел в предоставленное помещение вместе с Хефтенем, который должен был помочь покалеченному Клаусу. Они раздавили инструментом химический взрыватель 1 из бомб. Сделать то же самое со 2-й не успели, так как им помешал дежурный фельдфебель и бомбу пришлось быстро спрятать обратно в портфель.

Впопыхах переодевшись, террористы направились в зал заседаний. Внутри они увидели, что жарко в тот день было не только им, — Гитлер, спасаясь от духоты, решил провести заседание не в подземном

бетонном бункера, а в деревянном бараке, где обычно работали картографы. К тому же все окна были открыты. Таким образом, удача опять обделила заговорщиков, поскольку открытое пространство значительно уменьшало смертоносность взрывной волны, а значит, и шансы на успех мероприятия. Однако отказываться от затеи было уже поздно.

Штауффенберг опоздал на несколько минут и вошел в барак один, оставив адъютанта ждать в машине около здания. Совещание шло полным ходом, и руководитель оперативного управления Генерального штаба генерал А. Хойзингер описывал ситуацию на Восточном фронте. Клаус поздоровался с диктатором и опустил портфель на пол возле него. Практически сразу дежурный телефонист подозвал Штауффенберга к аппарату — на другом конце провода его ждал начальник связи Верховного командования и участник заговора Э. Фельгибель. В этот момент произошла еще 1 роковая случайность. Заместителю выступавшего генерала полковнику Х. Брандту было плохо видно карту, поэтому он приблизился к ней, попутно задев ногой «подарок» фюреру и сместив его за толстую дубовую подставку стола.

В 12.50 докладчик наконец-то закончил пугать собравшихся: «Русские наступают крупными силами на запад. Их передовые части уже у Даугавпилса. Если мы немедленно не перебросим войска из района Псковского озера, произойдет катастрофа...» Он ошибся в сроках — катастрофа могла произойти немедленно. В помещении прогремел мощный взрыв,

личный стенографист Гитлера и дежурный офицер погибли. Несколько высокопоставленных офицеров смертельно ранило, в том числе и личного адъютанта фюрера, а вот он сам отделался легким испугом, небольшой контузией и царапинами. Спасительной оказалась его близорукость: перед самым взрывом он согнулся над столом, рассматривая карту. Это движение вкупе с подставкой стола помогло ему избежать участи остальных присутствовавших. Куда заметнее взрыв сказался на одежде, превратив ее в лохмотья. Выползая из-под обломков и оглядывая царивший вокруг бедлам, фюрер сокрушался по поводу новых брюк, которые надел только вчера.

В это время Хефтен и Штауффенберг, ставшие свидетелями происшедшего и уверенные в успехе покушения, тут же поехали к самолету, чтобы лететь в Берлин. Охране они сообщили, что их срочно вызвали. Вторая бомба была выброшена по пути.

Довольные заговорщики неслись по дороге, пока Гитлер, прихрамывая и опираясь на руку Кейтеля, вышел из разрушенного барака. Когда Фельдгибель увидел Гитлера, который должен был к тому времени быть мертвым, то растерялся и не собрался позвонить в Берлин и сообщить о неудаче, затем вывести из строя узел связи, чтобы заговорщики получили дополнительное время. Вместо этого он решил посоветоваться с товарищем, генерал-майором Х. Штиффом. Оценив положение, приятели пришли к выводу, что все провалилось и надо уносить ноги, пока есть возможность.

Малодушие Фельдгибеля стало 1-м среди судьбоносных для мятежников обстоятельств. Как только Гитлер пришел в себя, то приказал сообщить обо всем Геббельсу, который замещал фюрера в столице, и вплоть до 15.30 запретил устанавливать связь из ставки. Гиммлер, сообразив, что покушение сорвалось, сразу же вылетел в Берлин для задержания заговорщиков.

Путчисты собрались в здании Министерства обороны и смогли узнать от Фельдгибеля о провалившемся покушении, когда заработала связь со ставкой, т. е. более чем через пару часов после взрыва. Несмотря на это, было решено действовать и внутренние войска подняли по тревоге.

Охранный батальон «Великая Германия» при содействии мобилизованных курсантов должен был взять под контроль административные здания, радиовещательные станции и казармы СС. Главный полицай соглашался сотрудничать, однако поставил условие, чтобы город сначала захватила армия. Курсантам и офицерам училищ приказали отрезать столицу от остальной территории страны. Часть войск передали на помощь берлинскому гарнизону, на случай, если эсэсовцы станут сопротивляться.

В пятом часу глава мятежников Ольбрихт пришел к Э. Фромму и сказал, что войскам резерва всей Германии нужно дать условленный сигнал, но тот отказался, так как уже связывался со ставкой и знал о неудавшемся покушении. Около 5 ч к группе заговорщиков присоединились Штауффенберг

и Хефтен, после чего события все-таки стали развиваться. Фромма арестовали и заменили генерал-полковником Э. Гепнером. Были арестованы и другие верные присяге военные.

Надо заметить, что знаменитые немецкие педантичность, организованность и предусмотрительность проявляются не всегда. Вот и тогда среди путчиков царил полный разброд на грани с саботажем. О перевороте договаривались высшие военные чины, о низших же просто забыли. Как оказалось, это было ошибкой. Дежурный офицер узла связи, лейтенант Г. Рёриг, сообразуясь со своими представлениями, специально не торопился отправлять приказы в военные округа или вообще не передавал их. Поэтому командование почти всех округов ничего не предпринимало и отказалось от участия в военном перевороте, когда около 7 вечера до них дошли сведения о провале покушения.

К тому же части пехотных и танковых училищ, хотя и овладели радиостанциями, но не мешали им транслировать сообщения Геббельса, в частности, обескураживающие новости о провале покушения на фюрера. Самый серьезный удар нанес командир батальона «Великая Германия» О. Ремер. Почему-то никому не пришло в голову склонить его на сторону заговорщиков или элементарно заменить.

Как только подразделению поручили окружить правительственный квартал, штатный сотрудник Министерства пропаганды лейтенант Г. Хаген отпра-

вился к своему непосредственному начальнику Геббельсу и рассказал тому обо всем. Геббельс был опытным государственным деятелем, поэтому в отличие от простоватых военных не стал впадать в панику, а сразу же поднял по тревоге полк эсэсовцев и вызвал к себе Ремера.

Поскольку никто не предупредил его о происшедшем, он обратился к своему начальнику, военному коменданту Берлина за разрешением отлучиться к министру. Запрет вызвал у Ремера подозрения, и он самовольно отправился к Геббельсу, который дал ему возможность поговорить по телефону с Гитлером. Ремера повысили до полковника (позднее он стал генерал-майором) и приказали подавить мятеж. Кроме того, по приказу Геббельса все танковые части были выведены из столицы.

В ходе операции «Валькирия» маленький и хромой Й.Геббельс, не имевший ничего общего с армией и всегда находившийся под прицелом бесконечных насмешек, которыми его осыпали представители военной аристократии, показал себя более способным и решительным военачальником, чем умудренные опытом генералы с другой стороны «баррикады».

Успех сопутствовал только генералу К. фон Штюльпнагелю, руководившему военным округом в Париже, и генералу Г.-К. фон Эзебеку в Вене. Там к вечеру 20 июля задержали практически всех высших чинов на-

цистской партии, штурмовых отрядов и полиции, но общий результат переворота зависел от ситуации в Берлине, где надеждам не суждено было сбыться.

Нерешительный Гепнер боялся резких движений и медлил, дожидаясь фельдмаршала И.-В.-Г. фон Вицлебена, которого путчисты поставили командующим сухопутными войсками. Однако тот заехал в Министерство обороны вечером, узнал последние новости и удалился в свое поместье. Противоположным образом действовал Ремер. Сначала он в защитных целях сконцентрировал батальон около штаб-квартиры министра пропаганды, а после отхода войск из Берлина приказал окружить здание Министерства обороны.

К тому времени в цитадели заговорщиков назрел собственный бунт. Никто не подумал пронаблюдать за теми офицерами, которые не склонились ни на чью сторону, а просто ждали. К вечеру они поняли, что не хотят становиться мучениками вместе с заговорщиками, выпустили запертых и никем не охраняемых сторонников Гитлера и попытались захватить восставших. Частично это им удалось, но некоторые все-таки сбежали.

В истории навсегда останется сохранившаяся в рассказах символическая зарисовка: Клаус, брошенный трусливыми соратниками, стянул с пустого глаза повязку и отрешенно бродит по комнатам. Впрочем, долго гулять ему не пришлось, поскольку у Фромма неожиданно проснулась партийная совесть и он, чтобы как-то обелить себя, для видимости

быстро устроил военно-полевой суд, по итогам которого оперативно расстрелял Штауффенберга, его адъютанта и некоторых других мятежников. Бек под конец попросил пистолет, чтобы застрелиться. У него получилось только ранить себя, поэтому его пришлось добивать. Эсэсовцы, прибывшие вместе с солдатами Ремера, арестовали к тому времени смещенного с должности Фромма.

Затяя с проходом союзников к Берлину также провалилась — Клюге категорически не соглашался отдать необходимый приказ. На вопрос, обращенный к его достоинству: «Где ваша честь, фельдмаршал?! Вы же обещали нас поддержать!» — он в оправдание кричал: «Да — если бы эта свинья была мертва!»

Заговорщики не нашли в себе смелости арестовать Клюге и попробовать открыть фронт. Свою роль здесь сыграли военные моряки верного фюреру генерала Т. Кранке, базирующиеся в Париже. Штюльпнагель отпустил ранее плененных эсэсовцев, сделал неудачную попытку застрелиться, после чего был доставлен в Берлин и без лишней волокиты повешен.

В описанном покушении и попытке переворота причудливо переплелись черты трагедии и фарса. Драматичность заключалась в том, что большинство мятежников искренне верили в идею и даже были готовы пожертвовать жизнями. Впрочем, так оно и случилось. Комичность же ситуации придает поразительно бездарное проведение операции. Наверно, Клаус был единственным, кого раз за разом подводили нелепые случайности, но в мужестве и ре-

шительности ему нельзя отказать. Все прочие заговорщики самым постыдным образом оказались неспособными к выполнению своих задач. Не зря Геббельс впоследствии называл путчистов «сборищем дураков», а сам переворот метко определил «революцией по телефону».

Вскоре после этих памятных событий фюрер сказал: «С этим пора кончать. Так дело не пойдет. Все эти наиподлейшие твари из числа тех, кто когда-то в истории носил военный мундир, весь этот сброд, спасшийся от прежних времен, нужно обезвредить и искоренить».

Между прочим, Гитлер местами проводил занятые параллели. Судью народного трибунала, которому были преданы заговорщики, он называл «нашим Вышинским» (Вышинский — официальный обвинитель на сталинских политических процессах), а в связи со случившимся признавался: «Я уже часто горько жалел, что не подверг мой офицерский корпус чистке, как это сделал Сталин». Таким образом, автором идеи приравнивания сталинизма и нацизма, столь популярной сейчас в некоторых кругах Европейского союза, можно считать фюрера, а не ухватившихся за нее Польшу или Прибалтийские государства.

Сразу после пресечения попытки переворота по стране прокатились массовые аресты. Некоторые заговорщики сумели избежать поимки, а вместо них оказались задержаны невинные люди. В политической «воде» поднялась муть, и в ней ловили рыбу все кому не лень, сводились личные и политические счёты, устранялись неугодные, подозрительные

и просто неприятные личности. С самого верха пришло указание расправиться с родственниками главных участников мятежа. 3 августа Гиммлер обещал, что семью Клауса уничтожат до последнего колена.

В общей сложности комиссия, расследовавшая это дело, арестовала 7000 подозреваемых, из которых приблизительно 5000 осудили. Если сопоставить цифры уничтоженных военных с численностью офицерского корпуса страны на конец войны, то из 2000 генералов сначала были казнены 20 человек, имевших прямое отношение к покушению на Гитлера. Позднее к ним добавились еще 36 генералов-оппозиционеров, а 49 генералов совершили самоубийство, не дожидаясь расправы.

Таким образом, в Германии по обвинению в причастности к заговору осудили примерно 5000 офицеров. Общая численность офицерского корпуса на конец войны составляла 400 000 человек. На первый взгляд, не так уж много. Однако по большей части это были кадровые высокопоставленные офицеры из потомственных военных дворян, настоящая элита армии.

Причем в целом аналогичные чистки прошли и в СССР перед войной. Однако странно то, что различные исследователи от истории сокрушаются о полном истреблении командных кадров, которое привело к решающему ослаблению Советской армии, а Германию почему-то в этом контексте не вспоминают. Может быть, потому, что в Советском Союзе предпочитали не доводить дело до открытого покушения и переворота?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Надеемся, что после прочтения книги и сопоставления всех приведенных в ней сведений станет очевидным: исход Великой Отечественной войны решался далеко не только на передовой, где грохочут пушки, бьют пулеметы и угрожающе режут бомбардировщики. Не менее, а где-то даже и более важную роль сыграл исход битвы на полях тайной войны. Порой вклад в победу 1 бойца невидимого фронта был значительнее, чем деятельность целых дивизий, а то и армий.

Содержание

Введение	3
Раздел 1. Деятельность разведок в предвоенные и военные годы	5
<i>Глава 1.</i> Обстановка накануне Великой Отечественной войны	7
<i>Глава 2.</i> Советская разведка в годы войны	39
<i>Глава 3.</i> Разведка в переломные моменты войны.....	55
<i>Глава 4.</i> Воздушная советская разведка	70
<i>Глава 5.</i> Деятельность советской разведки в предвоенные и военные годы.....	76
<i>Глава 6.</i> Деятельность немецкой разведки в предвоенные и военные годы.....	102
<i>Глава 7.</i> Деятельность японской разведки.....	114
Раздел 2. Знаменитые разведчики	125
<i>Глава 1.</i> Рихард Зорге	127
<i>Глава 2.</i> Николай Кузнецов	139
<i>Глава 3.</i> Гарольд Адриан Рассел Филби (Ким Филби).....	149
<i>Глава 4.</i> Леопольд Треппер	157
<i>Глава 5.</i> Наум Эйтингон	163
<i>Глава 6.</i> Павел Судоплатов	170
<i>Глава 7.</i> Радо Шандор	180

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава 8.</i> Ян Черняк.....	192
<i>Глава 9.</i> Владимир Молодцов.....	201
<i>Глава 10.</i> Мамсуров Хаджи-Умар.....	207
<i>Глава 11.</i> Лев Маневич	215
<i>Глава 12.</i> Рудольф Абель	225
<i>Глава 13.</i> Александр Коротков	237
<i>Глава 14.</i> Вилли Леман.....	249

Раздел 3. Знаменитые радиоигры Великой Отечественной войны 263

<i>Глава 1.</i> «Монастырь»—«Березино»	265
<i>Глава 2.</i> «Арийцы»	276
<i>Глава 3.</i> «Туман»	286
<i>Глава 4.</i> «Находка».....	294
<i>Глава 5.</i> «Янус»	300
<i>Глава 6.</i> «Ультра против Энигмы»	309

Раздел 4. Подготовка покушений на лидеров воюющих стран 327

<i>Глава 1.</i> И. Сталин.....	329
<i>Глава 2.</i> А. Гитлер	350
Заключение	381

*Литературно-художественное издание
Противостояние*

Жмакин Максим Сергеевич

**Смерш vs Абвер.
Секретные операции
и легендарные разведчики**

Генеральный директор издательства *С. М. Макаренков*

Редакторы: *Е. Н. Белозерова, П. В. Черногуз*

Ведущий редактор *М. М. Степанова*

Выпускающий редактор *Е. А. Крылова*

Художественное оформление: *Е. Л. Амитон*

Компьютерная верстка: *С. В. Салеева*

Корректор *Р. Н. Минаев*

Издание подготовлено при участии ООО «Фаворит-Букс»

Подписано в печать 25.07.2011 г.

Формат 84x108/32. Гарнитура «FuturisLightС». Печ. л. 12,0

Тираж 8000 экз.

Заказ №

Адрес электронной почты: info@ripol.ru

Сайт в Интернете: www.ripol.ru

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»

109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23

Отпечатано в типографии ООО «КубаньПечать».

350059, г. Краснодар, ул. Уральская, 98/2.